ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 24. № 1

Volume 24. No.1

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2025

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2025
Том 24. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2025
Volume 24. No. 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

LOGOS ET PRAXIS

2025. Vol. 24. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПИ № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**© (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **"CyberLeninka" Scientific Electronic Library** (Russia), **"Socionet" Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)
Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)
Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:
PhD in Sociology *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editor, Proofreader: *N.M. Vishnyakova*
Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya, D.A. Novak*
Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Mar. 6, 2025.
Date of publication: June 19, 2025.
Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 8.2. Published pages 8.8.
Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).
Order 29. «C» 7.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: https://psst.jvolsu.com
English version of the website:
https://psst.jvolsu.com/index.php/en/

© Volgograd State University, 2025

LOGOS ET PRAXIS

2025. Т. 24. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat**© (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Редакционная коллегия:
д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. *Д.Р. Яворский* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. *И.В. Василенко* (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:
PhD по социологии *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия); д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань); д-р экон. наук., проф. *Н.В. Горшкова* (г. Волгоград); д-р экон. наук., доц. *Е.Г. Гущина* (г. Волгоград); д-р социол. наук, проф. *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. *О.Э. Душин* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *С.С. Неретина* (г. Москва); д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризое* (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редактор, корректор: *Н.М. Вишнякова*
Редакторы английских текстов: *Е.А. Елтанская, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 06.03 2025 г.
Дата выхода в свет: 19.06 2025 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 8,8.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).
Заказ 29. «С» 7.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: https://psst.jvolsu.com
Англояз. версия сайта журнала:
https://psst.jvolsu.com/index.php/en/

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Жданов В.В., Жорова П.С. Восточные корни древнегреческой культуры: общекультурные и историко-философские аспекты ориентализма и европоцентризма 5

Погорельская Е.Ю. Освоение геоцентрического пространства: метафизико-технический консенсус 21

Токарева С.Б. Специфика возможностного мышления в русском менталитете 32

ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Еремеева Н.В. Онтология теозиса в учении Мартина Лютера 40

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Полтавская М.Б., Кондрашина И.Б., Бубликова И.А. Социальный капитал и социальные практики местных сообществ: на материалах экспертных интервью 48

Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Рекрутинг молодежи в цифровой гражданский активизм: от потребностей к технологиям вовлечения 62

Болдина М.Ю. Историческая память студенческой молодежи города-героя (на примере Волгограда) 77

CONTENTS

PHILOSOPHY

Zhdanov V.V., Zhorova P.S. The Eastern Roots of Ancient Greek Culture: General Cultural, Historical and Philosophical Aspects of Orientalism and Eurocentrism 5

Pogorelskaia E.Yu. Mastering Geocentric Space: Metaphysics-Technical Consensus 21

Tokareva S.B. Specifics of Possibilistic Thinking in the Russian Mentality 32

THE CONCEPT OF HUMAN NATURE: HISTORICAL TRANSFORMATIONS AND CONTEMPORARY PROBLEMS

Eremeeva N.V. Ontology of Theosis in the Doctrine of Martin Luther 40

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGY

Poltavskaya M.B., Kondrashina I.B., Bublikova I.A. Social Capital and Social Practices of Local Communities: Based on Expert Interviews 48

Abramova S.B., Antonova N.L. Youth Recruitment into Digital Civil Activity: From Needs to Engagement Technologies 62

Boldina M.Yu. Historical Memory of Student Youth of the Hero City (Based on the Example of Volgograd) 77

www.volsu.ru

ФИЛОСОФИЯ

CC BY

DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.1

UDC 1 (091)
LBC 87.3(4/8)

Submitted: 16.03.2024
Accepted: 12.02.2025

THE EASTERN ROOTS OF ANCIENT GREEK CULTURE: GENERAL CULTURAL, HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ORIENTALISM AND EUROCENTRISM [1]

Vladimir V. Zhdanov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Polina S. Zhorova

Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the problem of Near Eastern theoretical sources of Greek thought in the face of the pre-philosophical traditions of Egypt, Sumer, Phoenicia, and Persia, viewed through the prism of methodological approaches of orientalism and eurocentrism. This problem, which initially arose within the framework of cultural studies, history, and linguistics at the turn of the 18th – 19th centuries, by the middle of the 19th century, through the efforts of G. Hegel and E. Zeller, acquired a pronounced historical and philosophical aspect, and a century later – also a political coloring. Using the example of the analysis of this problem by such prominent representatives of modern Western historical, philosophical, and cultural science as M. Bernal, M.L. West, and J. Assmann, both obvious and not quite pronounced pros and cons of these two opposing approaches are shown. It is concluded that, despite the obvious triumph of the orientalist approach over the past decades, the Eurocentric model of the genesis of ancient Greek philosophy in its modified version, significantly different from the "classical" samples of the 19th century, still cannot be discounted. The question of the specifics and constituent elements of pre-philosophy as the most important form of spiritual culture of ancient man, which served as the foundation for the genesis of autochthonous philosophical discourse, is touched upon. In addition to the myth, which acts as the most important component of the pre-philosophical tradition within the framework of the mythogenic concept of the genesis of philosophy, the authors also consider the role in the process of the emergence of philosophy and its other components, such as ancient science and didactic tradition. Much attention is also paid to the analysis of a number of fundamental categories of culture common to the entire Eastern Mediterranean region, which will then become subjects of philosophical reflection among the first philosophers of Greece – the Miletians, Heraclitus, and the early Pythagoreans.

Key words: philosophy, culture, orientalism, eurocentrism, afrocentrism, Ancient Greece, Ancient Egypt.

Citation. Zhdanov V.V., Zhorova P.S. The Eastern Roots of Ancient Greek Culture: General Cultural, Historical and Philosophical Aspects of Orientalism and Eurocentrism. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 5-20. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.1

© Жданов В.В., Жорова П.С., 2025

УДК 1 (091)
ББК 87.3(4/8)

Дата поступления статьи: 16.03.2024
Дата принятия статьи: 12.02.2025

ВОСТОЧНЫЕ КОРНИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОРИЕНТАЛИЗМА И ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА[1]

Владимир Владимирович Жданов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Полина Сергеевна Жорова

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме ближневосточных теоретических источников греческой мысли, выраженных в предфилософских традициях Египта, Шумера, Финикии и Персии, рассматриваемой через призму методологических подходов ориентализма и европоцентризма. Эта проблема, изначально возникшая в рамках культурологии, истории и языкознания на рубеже XVIII–XIX вв., к середине XIX в. приобрела усилиями Г.В.Ф. Гегеля и Э. Целлера ярко выраженный историко-философский аспект, а век спустя – еще и политическую окраску. На примере анализа этой проблемы такими видными представителями современной западной историко-философской и культурологической науки, как М. Бернал, М.Л. Уэст и Я. Ассман, показаны как очевидные, так и не совсем выраженные плюсы и минусы этих двух противоборствующих подходов. Делается вывод о том, что, несмотря на очевидный триумф ориеналистского подхода на протяжении последних десятилетий, европоцентристскую модель генезиса древнегреческой философии в ее модифицированном варианте, существенно отличающемся от «классических» образцов XIX в., по-прежнему нельзя сбрасывать со счетов. Затрагивается вопрос о специфике и составляющих элементах предфилософии как важнейшей формы духовной культуры древнего человека, послужившей фундаментом для генезиса автохтонного философского дискурса. Помимо мифа, выступающего в качестве важнейшей составляющей предфилософской традиции в рамках мифогенной концепции генезиса философии, авторами также рассматривается роль в процессе возникновения философии и других ее компонентов, таких как древняя наука и дидактическая традиция. Большое внимание уделено также анализу целого ряда фундаментальных категорий культуры, общих для всего региона Восточного Средиземноморья, которые затем станут предметами философской рефлексии у первых философов Греции – милетцев, Гераклита и ранних пифагорейцев.

Ключевые слова: философия, культура, ориентализм, европоцентризм, афроцентризм, Древняя Греция, Древний Египет.

Цитирование. Жданов В. В., Жорова П. С. Восточные корни древнегреческой культуры: общекультурные и историко-философские аспекты ориентализма и европоцентризма // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 5–20. – DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.1

В современной историко-философской науке, равным образом как отечественной, так и зарубежной, тот факт, что мифологические и религиозные концепции ряда классических ближневосточных цивилизаций (Египет, Персия, Финикия, Шумер) явились одним из теоретических источников становящейся греческой философии, давно уже не вызывает ни методологического, ни исторического отторжения: речь идет прежде всего об оценке и степени их влияния на этот исключительно сложный и многоплановый процесс. Что касается ближневосточных теоретических источников греческой мысли, то следует отметить, что за последнее столетие сложились и существуют две полярные теории: классическая теория европоцентризма и теория ориентализма (и ее разновидность – теория афроцентризма). Одна из них основана на классической теории «греческого чуда» в европейской историографии, согласно которой европейская философия и культура являются результатом автохтонного развития древнегреческой культуры. Вторая теория заключается в утверждении ведущей роли древнеближневосточных и даже африканских культур в процессе зарождения и развития греческой цивилизации и культуры. Если первая из них имеет достаточно долгую

историю и в некоторых своих аспектах восходит уже к самой античной философии (здесь достаточно вспомнить хотя бы идею Аристотеля о природной предрасположенности именно эллинов к теоретическому образу жизни, основанному на стремлении к получению «знания ради понимания», отличающей их от варваров), то основные теоретические положения второй начинают складываться гораздо позже – на рубеже XVIII–XIX столетий, хотя некоторые идеи, позже легшие в ее основу, также могут быть обнаружены уже в античной доксографии.

Для современной ориенталистской методологии весьма характерно утверждение, что на становящуюся греческую философию в основном оказали влияние мифологические космогонии древнего Ближнего Востока. Так, М.Л. Уэст полагает, что знакомство греков архаической эпохи с ближневосточными мифологическими и религиозными учениями (прежде всего, иранскими) способствовало возникновению и развитию воображения, в первую очередь у ранних греческих философов – милетцев и Гераклита [West 1971]. Это, безусловно, дало им существенный импульс в процессе когнитивной эволюции – как в общекультурном, так и, собственно в мировоззренческом аспекте. Востоковеды могут анализировать условия взаимодействия культур, обращаясь к текстам, ставшим доступными благодаря переводам с древних языков. Таким образом, вместо изучения древнегреческой культуры на основе тезиса о ее уникальности, изолированности и исключительной «гениальности», ориенталистская методология трансформирует образ греческой ойкумены путем ее взаимодействия с соседними цивилизациями к востоку и югу от Средиземноморского бассейна. Влияние Древнего Египта на греческую культуру является фактом, который нельзя недооценивать. Отношения между этими двумя древними цивилизациями существовали на протяжении многих столетий и оказывали значительное воздействие на различные аспекты греческой культуры. Одной из областей, где проявилось влияние Древнего Египта, является искусство. Греческие художники черпали вдохновение из египетских мифов, символов и стилей. Например, изображение сфинкса, характерного для египетской иконографии, было усвоено греками и использовано в их собственных произведениях искусства. Египетские математические и астрономические знания также оказали влияние на греческую науку. Греки усвоили египетские методы измерения времени, астрономические наблюдения и математические расчеты. Это позволило им развить свои собственные научные теории и открытия, которые стали фундаментом для развития западной науки. Культура и религия также были сферами, где проявилось влияние Древнего Египта на греков. Некоторые аспекты египетской религии были приняты греками и включены в их собственные верования. Так, довольно обширное внимание уделено М. Уэстом концепту богов, рассмотрению паттернов их идей и месту человека в мире через призму архаики Греции, утверждению наличия взаимосвязей между цивилизациями. Это напрямую связано с проблемой ближневосточных теоретических источников в раннегреческой философии и понимания ближневосточного влияния [West 1997]. Например, культ богини Исиды, популярный в Древнем Египте, распространился на греческую территорию и стал одним из наиболее известных культов в Греции [West 1983]. Это свидетельствует о тесной связи и взаимодействии между этими культурами. Кроме того, египетские торговцы и исследователи проникали на территорию Греции, привнося в ее культуру новые идеи и технологии. Торговля между этими двумя народами заключалась в обмене товарами, знаниями и идеями, что способствовало развитию греческой экономики и культуры. Таким образом, влияние Древнего Египта на греческую культуру было многогранным и оказало значительное воздействие на различные сферы жизни греков. От искусства и науки до религии и торговли, египетские идеи и практики слились с греческими, обогатив их культурное наследие и внося свой вклад в формирование греческого культурного мира. Значительно большая древность цивилизаций Египта и Шумера, которая предшествовала процессам культурогенеза в Греции более чем на две тысячи лет, указывает, по мнению многих сторонников ориентализма, на медленный прогресс основных компонентов цивилизации Запада, таких как сельское хозяйство, соци-

альное регулирование и техника сохранения некоторых письменных свидетельств (историографическая традиция). Есть также и много других подобных связей, которые теоретически возможны с исторической точки зрения, но гипотетичны при нынешнем состоянии наших исторических знаний о культурно-цивилизационных процессах, протекавших в регионе Восточного Средиземноморья во второй половине III – середине II тыс. до н. э.

Европейские ученые всерьез заинтересовались вопросом о возможном влиянии духовных культур Востока на западную философскую мысль в XVIII–XIX вв., когда начался расцвет археологических раскопок и лингвистических исследований культурно-исторических источников великих восточных цивилизаций. «Одной из причин этого явления стало появление гуманистического признания равенства всех народов и равной ценности их культур» [Оловянникова 1995, 137].

Философия истории является одной из важнейших областей социогуманитарных исследований. Она возникла в середине XVIII в. благодаря французским просветителям, особенно Вольтеру. Ее целью является позиция «назад к истокам», изучение теоретических основ исторических процессов, социальных последствий исторических событий и историографии. Однако философия истории не ограничивается только этими аспектами. Очень важно определить, кануло ли прошлое в Лету, без возможности развития в будущем, или же оно служит основой для дальнейшего прогресса социума и культуры. Философия истории также сталкивается с уникальными проблемами, которые связаны именно с ее предметом изучения. История всегда фокусируется на уникальных событиях и явлениях, а не на общем. Это создает сложный путь познания, на котором исследователи действуют в соответствии с собственными установками, отходя в своих поисках от привычных рамок, мнений и стереотипов. Примером такого исследования является отрицание финикийского влияния на Грецию, которое доминировало в науке до 20-х гг. XX в., воспринимаемое европоцентристами лишь «миражом». Однако Мартин Бернал, выдающийся представитель «радикального» ориентализма, внес существенный вклад в изменение этой точки зрения. В 1920-х и 1930-х гг. все имеющиеся гипотезы о финикийской колонизации Греции, которые были выдвинуты ранее, несмотря на мнения других исследователей о возможном присутствии финикийцев в Эгейском море и в Италии в древности, были отвергнуты. Так, были отклонены предположения, касающиеся семитского происхождения целого ряда греческих языковых терминов [Шифман 1974, 154].

Несмотря на то что многие современные исследователи стремятся отойти от европоцентристской парадигмы, ориентализм все еще оказывает значительное влияние на наше понимание Востока. Если мы заглянем в историю, то обнаружим, что самые ранние теоретические источники ориентализма в греческой философской мысли были найдены в Иране, Месопотамии и Египте [Буркерт 2004]. Эти регионы играли ключевую роль в формировании представлений греков о Востоке. Например, в Иране греческие философы нашли ценные знания о магии и астрологии. Они изучали персидские тексты, чтобы понять философию и религию этой земли. Месопотамия с ее богатым наследием и мифологией также привлекала внимание греческих мыслителей. Египет с его древнейшей цивилизацией и таинственными обрядами также оказался полезным источником информации для греков. Ориентализм в греческой философии имел свои особенности. Греки часто воспринимали Восток как экзотическое и загадочное место, полное мудрости и секретов. Они стремились изучить восточные культуры, чтобы обогатить свое собственное мышление и философию. Однако, несмотря на значимость влияния Востока на греческую философию, не стоит забывать о необходимости разностороннего подхода к изучению истории. Бессмысленно полностью отказываться от европоцентристской парадигмы, но важно также учитывать и ближневосточные теоретические источники. Ведь только сочетание различных точек зрения позволит нам получить полную картину истории и развития ориентализма. Ориентализм в греческой философии имел глубокое влияние на формирование представлений о Востоке. Иран, Месопотамия и Египет стали источниками знаний и вдохновения для греков. Однако важно помнить, что история всегда многогранна, и для полного пони-

мания ориентализма необходимо учитывать различные источники и точки зрения.

Невозможно отрицать, что «в VI веке до н.э. греки в своих великих городах на малоазийском побережье поддерживали связи со всеми ведущими центрами цивилизованного мира: с Египтом и Финикией, с Лидией, Персией и Вавилоном. Нет никакого сомнения в том, что этот контакт играл некоторую роль в стремительном развитии греческой культуры. Однако, оценить размеры невозможно. Как и всегда, когда культурный контакт истинно плодотворен, простое заимствование является редкостью. Все, что греки заимствовали, они преображали» [Франкфорт и др. 1984, 315]. Уже только исходя из этого, можно говорить о том, что отрицание влияния Ближнего Востока на древнегреческую цивилизацию не имеет под собой почвы.

Стоит подчеркнуть, что нет никаких сомнений в важности греческого фундамента философии в том виде, в каком мы ее знаем сегодня. К примеру, В. Буркерт сравнивает Восточную мудрость времен «до Сократа» и ее трансформацию со становлением греческой философии, ее достижениями и развитием структуры (больше свободы, движения и склонности к риску) и упрощением языка. Эти факторы позволили греческим философам сформулировать абстрактную фундаментальную категорию «бытия» как деконтекстуализированную «истину», которая может быть раскрыта с помощью рационального аргумента и вслед за Платоном с помощью математики.

Несомненно, ближневосточная культура оказала определенное влияние на формирование и становление проблемного пространства греческой философской мысли, ведь «В греческих мистериях мы встречаем хорошо известные восточные мотивы. В некоторых ритуалах участники действий переживали непосредственную связь с божеством, проявляющимся в природе; и в этом аспекте есть сходство с Древним Ближним Востоком» [Франкфорт и др. 1984, 293]. Проблема соотношения категорий «единого» и «многого», центральная для всей античной философии начиная с милетцев и заканчивая поздними неоплатониками, также в некоторых зачаточных своих положениях может быть обнаружена уже в целом ряде египетских религиозных текстов XV–XIII вв. до н. э., в первую очередь в гимнах и молитвах фиванской теологии Амуна эпохи Нового царства; эта же религиозная традиция также всегда уделяла особое место и теме индивидуального, экзистенциально-личностного взаимодействия человека и божества без участия царя, жреца или какого-то иного посредника [West 2007].

Например, В. Буркерт часто указывал на литературные параллели с угаритским, арамейским, финикийским и древнееврейским языками, заимствование слов и технологию письма, хотя их влияние по-прежнему трудно проследить в водовороте отсылок к другим ближневосточным источникам, таким как египетский, хеттский и месопотамский, чьи тексты сохранились лучше [Burkert 1992, 40]. Он также предположил, что ныне утраченные северо-западные семитские версии месопотамских эпосов могут объяснить их восприятие в Греции.

Этот подход может способствовать развитию многоязычия, искусства культурного посредничества, глубокого межкультурного понимания и подлинно глобального сознания в нынешнем глобализированном мире.

Модель «странствующих харизматиков» в настоящее время несколько устарела, поскольку при тщательном рассмотрении свидетельства в пользу таких фигур остаются слишком ограниченными, чтобы приписывать им вес ориенталистской революции. Тем не менее В. Буркерт впервые связал материальный и идеологический аспекты этих взаимодействий, проложив пути для поколений ученых, интересующихся греческой и ближневосточной религией и мифологией.

Для нас греческая письменность – самая ранняя и совершенная система алфавитного письма, в котором последовательно использовались знаки как для гласных, так и для согласных, в то время как семитское письмо было и остается в основном связанным с согласными. Его совершенство подтверждается успехом на Западе. Здесь стоит отметить, что нововведение, обозначение гласных, на самом деле возникло из-за непонимания в другой фонологической системе: поскольку алфавитная последовательность семитской системы была изучена, а принцип акрофонии

понят греками, они обнаружили, что такое слово, как альфа, начинается с негортанного звука *a*. Также можно упомянуть и, скорее всего, преднамеренное добавление дополнительной буквы *Y*, которой нет в семитской модели, помещенной в конце ряда, что свидетельствует о ее сознательном создании каким-то греческим «филологом». Буква *Y* встречается во всех греческих алфавитах и всех производных от них, включая фригийский и латинский [Burkert 1992, 29]. Можно вспомнить здесь, что В.В. Емельянов в свое время заметил, что существует вероятность, что за пределами письменной истории человечества лежит совершенно новое будущее [Емельянов 2011, 53].

Хорошо известно, что многочисленные античные историки и доксографы, такие как Геродот и Диоген Лаэрций, неоднократно упоминают о пребывании в Египте целого ряда эллинских интеллектуалов предшествующих эпох, в частности многих философов-досократиков. Но это относится не только к Фалесу и Пифагору – многочисленные «египтизмы» мы можем обнаружить и в классический период истории греческой философии, в частности у Платона. Концепция перерождения души, высказанная Платоном, представляла собой новую идею в Греции, где смерть считалась окончанием всего существования. Однако именно в Египте существовало убеждение, что смерть – это лишь начало нового этапа жизни, а душа продолжает существовать после смерти. Интересно, что греческие мифы в своих деталях стали схожи с историческими преданиями древнего Египта, все больше углубляясь. Например, в ряде мифов сказано, что население Греции в начале своей истории состояло из египтян, колонизировавших островную и материковую части греческой территории. Об этом свидетельствуют упоминания Эсхила; Платон высказывал данное мнение о Египте в «Тимее» и «Федре», равно как и Геродот отмечал в своих историях различные идеи, которые Греция получила в наследство от Египта. Например, он писал, что греки знали и говорили, что Мистерии Додоны возникли в Египте. Также в своих исторических произведениях Геродот упоминает, что храм Афины на самом деле был храмом богини Нейт, почитаемой в Саисе наравне с Осирисом. М. Бернал добавляет в этой связи, что имя Нейт писалось как «Ht» в Египте; деривативом этого имени является, по его мнению, имя «Ath» или «At», откуда происходит имя богини Афины [Bernal 1987]. «Точно так же, как Кронос, в передаче Гесиода, лишил мужской силы своего отца Урана – воплощение Неба – и таким образом добился власти, так и шумеро-аккадский бог Неба Ан (Ану) тем же способом был лишен власти хурритским богом Кумарби» [Олива 1977, 4]. Таким образом, греческие мифы могут быть восприняты как отражение древних египетских верований, проникших в греческую культуру через эту колонизацию. Перерождение души, основанное на египетской концепции, также нашло свое отражение в греческой мифологии. Некоторые мифы рассказывают о героях, которые переживают смерть и возвращаются в мир живых в новом обличии. Например, герой Геракл пережил множество испытаний и после своей гибели стал бессмертным, воссозданным в божественной форме. Это свидетельствует о том, что идея перерождения души была глубоко укоренена в греческой мифологии. Таким образом, греческая и египетская мифологии переплетаются в концепции перерождения души. Верования египтян о продолжении существования души после смерти нашли свое отражение в греческих мифах, которые развили эту идею дальше. Это подтверждает влияние культуры и верований одной на другую, что делает эту тему еще более увлекательной для изучения. Так, Геродот утверждает, что сами греки прекрасно знали, что додонские оракулы и мистерии также первоначально зародились в Египте, и неоднократно говорили об этом [West 1983]. Он также отмечает, что слышал – как в Греции, так и в Египте, – что греческая цивилизация берет свое начало в устье Нила. Это было намного хуже, чем быть «мечтателем» и рассуждать об идеальном государстве, как это делал Платон, и на какое-то время было неправильно понято современниками, поскольку описание Атлантиды в «Тимее» дано устами египетского жреца. В Додоне же утверждали, что элевсинские мистерии также имеют египетское происхождение. В храме Эрехтейон, где сочеталось несколько греческих культов, Элевсинские мистерии также упоминаются как копия мистерий Исиды и Осириса

[West 1983]. Но и здесь европоцентричные ученые упорно утверждают, что греки сами в этом заблуждались.

По мнению Мартина Бернала, ключевым вопросом обоснования ориенталистской (афроцентристской) теории является то, что представляла собой раса древних египтян. Как известно из исторических сводок, в XIX в., в эпоху господства английского общества, взаимоотношения между негроидной расой и белой были колоссальной социальной проблемой на территории Америки и Великобритании. Ученые, которые благодаря лингвистам-востоковедам получили возможность читать и понимать оригинальные египетские тексты, начали осознавать, что египтяне обладали сильной самокультурой. Несмотря на разнообразие источников и артефактов, именно европейские ученые в основном избегали какой-либо европейской истории Ближнего Востока, повлиявшей на формирование греческой цивилизации. Правда ли, что афроцентризм не играл ведущей роли в вопросе об истоках древнегреческой культуры? Греки без проблем получали различные знания от коренных жителей Африки. По его словам, нигде в черной культуре, из которой возникла их философия, нет упоминаний о «белых богах» или «белых вождях». Европейская традиция по-прежнему предпочитает рассматривать греков как нечто уникальное и самобытное. Однако в настоящее время господствует теория многополярности и современные ученые утверждают, что сейчас становится все труднее принимать тот факт, что общепризнанное «греческое чудо», сформировавшее западную мысль, не может сосуществовать с пониманием того, что греческая культура, как и западная цивилизация в целом, является наследием «черного» Египта [Zhdanov, Zhorova 2019]. Это привело к абсурдному утверждению, что древние египтяне не были африканцами или (в более общем смысле) что сторонники европоцентризма не являются африканцами. Однако в настоящее время в Египте (особенно на севере в районе Дельты и на Синайском полуострове) преобладает арабская раса, и такие выражения, как «наши предки», часто подразумевают, что древние египтяне имели арабские корни, что, конечно, не соответствует действительности. Подобные факты сильно отличаются друг от друга и радикальным образом противоречат любому ревизионистскому мышлению. В глазах современных антиковедов М. Бернал продемонстрировал Древнюю Грецию и ее культуру в новом, непривычном и весьма провокационном свете с точки зрения позиций именно классической античности. Его главный тезис раскрывает всю степень ее восприятия по отношению к ее африканским и азиатским соседям, которые, по его мнению, имели огромное значение [Zhorova 2017].

Хорошо известно, что сами египтяне уже начиная с раннединастического периода (рубеж IV–III тыс. до н. э.) четко отделяли свою расу как от живущих к северу и северо-востоку белокожих европейцев и желтокожих семитских народов, так и от своих южных соседей по континенту – темнокожих нубийцев, по отношению к которым в официальных египетских надписях неизменно использовался уничижительный топоним «подлая страна Куш». При этом необходимо помнить, что еще одним не менее, а возможно, и более важным признаком такого деления был не расовый, а географическо-хозяйственный принцип: египтяне, живущие в географически изолированной от соседей пустынями на востоке и западе, нильскими порогами и горами на юге и Средиземным морем на севере плодородной долины Нила, резко противопоставляли оседлость и ирригационное земледелие кочевой охоте и собирательству, которыми активно занимались их южные и северные соседи. Не случайно, что собирательными названиями для представителей азиатских народов в египетском языке служили такие формулы, как *немиу-ша* («те, которые на песке»), *ааму педжетиу* («азиаты-лучники»), а в эпоху Нового царства традиционным собирательным названием для варварских земель Нубии и Сирии-Палестины, включенных в результате завоевательных походов в состав египетской державы, выступало выражение «Девять луков». Таким образом, оказывается довольно сложно согласиться с М. Берналом в его столь категоричной оценке решающего вклада именно африканского этнокультурного компонента в процессе формирования древнеегипетской культуры: несмотря на свое очевидное присутствие, он не был единствен-

ным в числе внешних культурных традиций, оказавших влияние на древнеегипетскую культуру на различных исторических этапах ее существования.

Как полагает М. Бернал, делая отсылку к европейским интеллектуалам эпохи Средневековья, которые считали, что греки создали значительную часть собственной философии, фундаментом которой послужила именно египетская, не исключая того факта, что египтяне, возможно, задействовали некоторые нюансы своей концепции из Месопотамии и Персии. Согласно идеям, существовавшим в Средние века, «Гермес Трисмегист рассматривался как основатель небиблейской или «языческой» философии и культуры. Эта вера сохранялась на протяжении всего периода Ренессанса. Возрождение исследований Греции в XV в. породило любовь к греческой литературе и языку и идентификации себя с греками, но никто не ставил под сомнение тот факт, что греки были учениками египтян, к которым проявлялся такой же, если не более страстный, интерес» [West 1971, 24]. М. Бернал также подчеркивал, что «несколько герметических текстов были представлены в латинском переводе в течение всего Средневековья. Много артефактов было также найдено в 60-х гг. XV в.; они были принесены в суд Козимо ди Медичи во Флоренции, где впоследствии они были переведены его ведущим ученым Марсилио Фичино» [Bernal 1987, 24]. Важно, впрочем, заметить, что все эти рассуждения европейских интеллектуалов Средневековья, Возрождения и Нового времени, на которые так активно ссылается М. Бернал и другие сторонники ориенталистской модели для аргументации своей теории, велись в эпоху, предшествующую великому открытию Ж.Ф. Шампольона, сделавшему в 1822 г. вновь доступными для исследователей оригинальные египетские источники; многочисленные более ранние попытки интерпретации и прочтения египетских текстов, базировавшиеся на разнообразных и бесплодных попытках дешифровки иероглифики начиная с Гораполлона и заканчивая А. Кирхером обладали не большей достоверностью, чем многочисленные эксперименты алхимиков Возрождения по получению золота или «философского камня». Не добавляло в этот вопрос ясности и то обстоятельство, что и сами античные авторы, такие как Геродот или Плутарх, на труды которых о египетской истории и религии часто ссылались более поздние европейские интеллектуалы, так же, как и они сами, не знали, по-видимому, египетского языка и, несмотря на то что им, в отличие от их последователей из Средневековья и эпохи Возрождения, еще была доступна живая ткань египетской культуры в лице ее непосредственных носителей, также получали значительную часть своей информации о ней «из вторых рук», через многочисленных интерпретаторов и переводчиков – как среди самих египтян, так и от живущих в Египте греков.

При построении своих умозрительных конструкций древнегреческие мыслители опирались не только на непосредственное наблюдение за окружающим миром (собственно, из этого и возникла вся досократовская «физиология»), но и обращались к опыту своих предшественников и достижениям соседних цивилизаций (в основном ближневосточных), подвергая их переосмыслению и изменению. Здесь важно отметить, что они трансформировались в соответствии со своей системой мироощущения. Нравственная установка мифологии Гесиода и эстетизация поэзии Гомера сыграли роль в образовании и развитии иного мировоззрения и мироощущения на территории древнегреческой цивилизации, которые подготовили греческую духовность к становлению философской мысли. Здесь можно отметить, что дидактическая традиция наряду с мифом и древней наукой всегда была важным компонентом предфилософского мировосприятия как в архаической Греции, так и в «дофилософских» культурах Древнего Ближнего Востока. Правила жизни, представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, изначально передававшиеся устно от одного поколения к другому в рамках малых социальных групп, таких как семья или род, со временем превращались в моральные нормы уже в пределах более значительных общностей – племени или даже целой народности. Именно в рамках дидактической традиции формируется будущий теоретический фундамент этики как отрасли философского знания, и, несмотря на то что в качестве таковой она формально впервые выделяется Аристотелем

лишь в IV в. до н. э., истоки ее мы видим в дидактической мифопоэтике Гомера, Гесиода и Ферекида, которая, в свою очередь, по своим хронологическим рамкам (X–VIII вв. до н. э.) оказывается значительно моложе своих аналогов в цивилизациях Древнего Ближнего Востока: так, для египетской «светской» литературы жанр поучений, оставляемых отцами из числа высокопоставленных чиновников и писцов для своих наследников, зафиксирован уже как минимум для периода правления V–VI династий (XXVI–XXIII вв. до н. э.), а начиная с царствования IX династии (XXII–XXI вв. до н. э.) подобного рода произведения появляются уже и от имени царей («Поучение для Мерикаре»). Естественно, что и здесь, как и в случае с другими областями знания, исторически некорректно было бы говорить о механическом воспроизведении греками ближневосточных категорий и сюжетов, однако знакомство, по крайней мере, отдельных представителей греческой предфилософской дидактики с ними несомненно. В частности, современными исследователями уже сравнительно давно отмечалось значительное сходство между ключевым для всей египетской религиозной и политической этики понятием «Маат» (миропорядок – справедливость – истина), воплощенном в образе одноименной богини, и образом богини Метис (Метиды), первой супруги Зевса, за которой он определяет право установления моральных норм [Faraone, Teeter 2004]. Фигурирующая как в орфической теокосмогонии, так и в «Теогонии» Гесиода, где она затем проглатывается Зевсом, опасающимся ее будущего могущества, Метида выступает своеобразным олицетворением начальных принципов справедливости в создающемся универсуме. Это, безусловно, коррелирует с египетскими представлениями о Маат как вселенском миропорядке, устанавливаемом Солнечным богом на месте первобытного водного хаоса, однако, в отличие от египетской дидактики, в раннегреческой представления о справедливости традиционно были сосредоточены на ее карающем (наказывающем) аспекте, что не совсем характерно для древнеегипетской этической мысли, где традиционные представления о Маат, конечно же, включали в себя и карающую ее силу, но в целом были основаны на гораздо более широком как в этическом, так и религиозном смысле «принципе воздаяния».

Так, если вспомнить Р. Генона, «...идея традиции оказывается до такой степени забытой, что тот, кто вполне искренне стремится к ее познанию, совсем не знает, в какую сторону ему направляться, и готов принять за истину любую ложную идею, которая окажется под рукой» [Генон 2010, 18]. Сложившаяся в рамках классической европоцентристской модели «От Мифа к Логосу» трактовка мифа как иррационального продукта коллективного сознания, который противопоставляется зарождающемуся индивидуально-рациональному осмыслению мира (Логосу), в настоящее время не кажется абсолютно эффективной даже для сторонников мифогенной концепции генезиса греческой философии в самых традиционных ее вариантах: во-первых, миф, несмотря на всю свою первоначальную ориентированность на связанные с эмпирической сферой категории культуры, сам по себе никогда не являлся статичным и прошел в греческой культуре долгую и сложную эволюцию, превратившись из архаических форм мировосприятия в форму предфилософской спекуляции, а во-вторых, традиционной ошибкой и серьезнейшим изъяном исследовательской методологии применительно к любой древней культуре (в равной степени как западной, так и восточной, хотя в последнем случае это заметно сильнее) на протяжении практически двух веков, с середины XVIII и до середины XX в., предпринимались попытки исследователей мыслить категориями исключительно в рамках культуры своего времени. С подобной точки зрения любой древний миф (не важно, греческий, шумерский или египетский) всегда алогичен, иррационален, темен и запутан, и в этой своей темной «запутанности» неизменно противостоит «ясному» и «прозрачному» Логосу становящейся философии. Ущербность подобного подхода стала осознаваться (по крайней мере в кругах востоковедов) лишь сравнительно недавно – в середине прошлого столетия. Утверждения Г. Франкфорта о «логике мифопоэтической мысли», подходы к изучению базовых категорий древнеегипетской религии и культуры Ю.Я. Перепёлкина и Я. Ассмана стали теми решительны-

ми и вместе с тем необратимыми шагами на пути осознания современными исследователями древнего мифа и категорий древней культуры как самобытных феноменов, обладающей своей собственной, *другой* логикой, подчас несводимой к категориям современной культуры и мировосприятия и, как следствие, принципиальной непереводимостью в их рамках.

Как утверждает М. Бернал, для современной культуры по-прежнему остается непреложным фактом то, что западная цивилизация является детищем Греции [Bernal 1987]. Египетская и греческая цивилизации – это две самые величественные и влиятельные культурные эпохи в истории человечества. Они оставили исключительный след в различных областях, включая искусство, архитектуру, науку и философию. Однако, несмотря на их значимость, история их взаимодействия и влияния часто приводит к некоторым недоразумениям и неправильным представлениям. На протяжении многих столетий культурные достижения Египта и Шумера замалчивались и были недооцененными. Это можно объяснить влиянием европейской психологической потребности создать неравенство в культурном наследии между Западом и Востоком. Однако при ближайшем рассмотрении греческой и египетской цивилизаций становится очевидно, что эта идея о примитивности египетской цивилизации неверна. Египетская цивилизация имела свою уникальную и сложную систему письма, математики, архитектуры и культурных традиций. Египтяне строили величественные пирамиды, которые до сих пор вызывают восхищение своей масштабностью и техническим мастерством. Они также разработали сложную иероглифическую систему письма, которая использовалась для записи и сохранения знаний и истории. Египетская математика была настолько развита, что они использовали дроби и принцип, лежащий в основе теоремы Пифагора, задолго до греков. Вместе с тем греки сделали огромный вклад в политическую и философскую мысль. Их демократические идеи и концепции о государстве влияли на развитие политических систем во многих странах. Сократ, Платон и Аристотель разработали теории, которые до сих пор являются основополагающими в философии и науке. Однако вместо того, чтобы сравнивать их достижения и определять, кто был лучше, важно понимать, что обе цивилизации имели свои уникальные качества и оставили непередаваемый след в истории человечества. Греки воспринимали элементы египетской культуры и адаптировали их к своим собственным потребностям и укладу жизни. Это не означает, что египетская цивилизация была примитивной, а скорее указывает на то, что взаимодействие между культурами может привести к обмену и развитию новых идей и концепций. В заключение греческая и египетская цивилизации были великими и влиятельными в своем роде. Вместо того, чтобы создавать иерархию в их достижениях, важно признать их взаимное влияние и вклад в развитие человеческой культуры. Каждая цивилизация была уникальна и оставила ценный след. Но, конечно, верно и обратное, а именно то, что мы заинтересованы в изучении продолжающейся вплоть до наших дней активности межцивилизационных контактов, связанных с трансформацией, которая продолжает происходить в своевременном мире благодаря взаимному влиянию культур.

Наряду с «радикальной» моделью ориентализма в лице М. Бернала большое место в аргументации критиков европоцентристской модели занимает обращение к работам самих востоковедов, в частности Яна Ассмана. Кроме его публикаций собственно египтологической тематики, таких как анализ религиозных гимнов, молитв, теологии и истории египетских религиозных верований в целом, на протяжении последних тридцати лет он развивал концепции коллективной памяти (под значительным влиянием более ранних идей М. Хальбвакса), культурных механизмов запоминания, представлениях о смерти и ее принятии в древнеегипетской религии и духовной культуре. Особую ценность представляют исследования Я. Ассмана в области оценки роли ряда культурных категорий в формировании ранних форм мировоззрения на Ближнем Востоке и в архаической Греции. Одной из таких категорий, одинаково важной как для греческой культуры, так и для культур классического Востока (Египет, Шумер), является категория времени. В частности, египетский язык начиная с эпохи Древнего царства (2700–2170 гг. до н. э.) чрезвычайно богат су-

ществительными, связанными с различными аспектами времени и его восприятием человеком как в обыденном, так и в религиозном (сакральном) аспекте. По мнению немецкого исследователя, в египетской культуре изначально существовало два аспекта категории времени – время «линейное» и время «циклическое». Первый из них всегда был связан с повседневным восприятием времени как единого неразрывного потока прошлого, настоящего и будущего, воспринимаемого в рамках жизни отдельного человека или социальной группы. Второй относится к религиозным аспектам понимания египтянами своей истории, которое заключалось в постоянной и последовательной смене больших временных циклов или эпох. По мнению Я. Ассмана, это было характерно для всех этапов истории древнеегипетской культуры начиная с раннего династического периода и вплоть до конца эпохи эллинизма. Эта особенность восприятия категории времени египтянами вытекает из их мифологии и, в частности, из древних космогонических мифов: как отмечает Я. Ассман, «египетская *космо*гония есть всегда одновременно и *крато*гония» [Assmann 2011, 63]. В египетской культуре земное государство, возглавляемое царем, всегда представлено как часть космического государства Солнечного бога, сыном которого является царь. Каждый новый правитель начинает отсчет времени с момента своего восшествия на престол, повторяя, таким образом, космический цикл времени. Египетская религиозно-теологическая мысль уже довольно рано начинает тесно связывать категорию времени с понятием вечности. Уже в 70-х гг. прошлого века Я. Ассман в своих работах соотнес понятия «линейного» и «циклического» времени с двумя египетскими обозначениями вечности: «нехех» и «джет». Первое, по его мнению, – это обозначение вечности как *всевременности*, то есть единого потока прошлого, настоящего и будущего. Второе, как полагает немецкий исследователь, неизменно означало *вневременность*, абсолютную завершенность, олицетворяемую в глазах египтян подземным (загробным) миром, Дуатом. Несмотря на то что такая интерпретация, в частности привязка этих двух концепций вечности к типологии форм египетского глагола, восходящей к классикам египетской филологии начала прошлого века К. Зете и А. Гардинеру, не кажется нам абсолютно убедительной, важно отметить, что подобные представления о взаимосвязи категорий времени и вечности можно найти и в греческой традиции. Важно подчеркнуть, что они обнаруживаются не только в относительно ранней предфилософской мысли (например, в теокосмогонии Ферекида Сиросского), но и в классической греческой философии: в частности, в ставшем знаменитым определении Платоном времени как движущегося подобия вечности, данном им в «Тимее». Это явно доказывает не только очевидное наличие египетских теоретических источников становящейся греческой философии, но и показывает, что вопросы онтологического характера присутствуют уже в самых ранних категориях предфилософии средиземноморского культурного ареала. Однако убежденные сторонники европоцентризма, опирающиеся на историко-философскую методологию Г.В.Ф. Гегеля, обычно выдвигают здесь свое ключевое возражение, основанное на фундаментальных различиях между предфилософскими и философскими категориями: первые, по их мнению, не обладают высокой степенью абстракции и являются эмпирически-ориентированными, что выражается прежде всего в явном прикладном характере всей науки Древнего Ближнего Востока. Именно так, в частности, приходит Э. Гуссерль в своем знаменитом и давно ставшим классическим докладе «Кризис европейского человечества и философия» [Гуссерль 1995]. Таким образом, с этой точки зрения все категории предфилософии являются исключительно религиозными и мифологическими по своему характеру, и, следовательно, оказать существенное влияние на процесс зарождения философии в Греции они не могли. Однако, на наш взгляд, у такого подхода есть один серьезный недостаток. Основанный на классической формуле «От мифа к Логосу», он подразумевает резкое размежевание первобытного мифа и зарождающейся философии, чего в реальной исторической практике развития греческой мысли не наблюдается. Было бы необоснованно и даже нелепо утверждать, что греческая философия, с ее высотой абстрактного мышления и богатством теоретических форм

уже на самых ранних этапах своего существования, родилась непосредственно из древнейших форм первобытного мифа, основанного исключительно на эмпирических основаниях и принципах коллективного мировосприятия. Между этими двумя точками развития – начальной и конечной – существует целый ряд промежуточных стадий, отчетливо заметных в греческой предфилософской и ранней философской мысли. Наиболее важными из них являются формы так называемой «спекулятивной теологии» [Жданов 2022], или «спекулятивного мифа», наиболее ярко выраженные в памятниках орфической традиции, а также в теогонии Ферекида Сиросского, созданной на рубеже VIII–VII вв. до н. э. В произведениях Ферекида, который по стилю своего творчества еще является характерным представителем ранней поэтической традиции Греции, греческий миф уже более не воспроизводится в его классических образцах: его образы становятся более «человечными», а сюжеты начинают подвергаться своеобразному критическому анализу, незнакомому Гомеру и Гесиоду [Сёмушкин 2009, 166–196]. Также весьма примечательно, что именно к этой исторической эпохе (VII в. до н. э.) относится начало первых постоянных (а не эпизодических, как это было раньше) экономических и культурных контактов между Грецией и Египтом, установившихся во времена правления царей XXVI (саисской) династии. Взяв эту точку зрения за основу, можно не только более четко определить роль восточных теоретических источников раннегреческой философии, но и отчасти прояснить внутренние причины ее генезиса. Тот факт, что философская проблематика долгое время разрабатывалась в рамках развитых форм мифа, помогает понять существование такого высокого уровня абстракции уже у первых греческих философов-досократиков VII в. до н.э. (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и особенно Гераклит), которые еще не использовали сам термин «философия». Наконец, мы не должны забывать, что философия впервые рождается на крайней восточной, ионийской оконечности греческого мира (Малая Азия), которая традиционно была наиболее тесно связана с Древним Ближним Востоком многочисленными экономическими и культурными контактами. Подобного рода перекрестки культур – как в духовном своем аспекте, так и с позиций материально-технических взаимообогащений – необходимо рассматривать как одно из важнейших культурно-исторических оснований духовной революции «осевого времени», причем это утверждение в равной степени касается не только средиземноморского региона, но и других великих древних цивилизаций Старого Света.

Взаимодействие греческой культуры с другими цивилизациями и культурами является неотъемлемой частью истории и культурного развития Древнего Средиземноморья. Это взаимодействие прослеживается на протяжении многих столетий и оказало огромное влияние на формирование греческой философии и мировоззрения. Одной из ключевых областей взаимодействия были космологические и космографические представления. Гераклитом была разработана уникальная космологическая концепция, которая представляла собой влияние предфилософских традиций Древнего Египта и Ирана [Burkert 2004]. Его учение о пансофии, или всеединстве, предполагало, что мир состоит из постоянного процесса изменений и противоречий. Эта идея сильно отличалась от традиционных представлений о статичном и упорядоченном мире, присущих египетской и иранской философии. Кроме того, милетская школа, основанная Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом, также сыграла важную роль в становлении и последующем развитии греческой философии. Они предложили естественнонаучные модели, объясняющие природу и происхождение вселенной. Их работы были вдохновлены идеями из Египта и Ирана, но в то же время вносили собственные уникальные вклады в развитие научного мышления. Религиозная антропология орфико-пифагорейской традиции также оказала значительное влияние на греческую философию. Орфики и пифагорейцы верили в бессмертие души и переселение ее из одного тела в другое. Эти идеи уходят своими корнями в египетскую и иранскую религиозную философию, что нашли свой отклик и у греков, которые впоследствии развили и преобразовали в соответствии со своим мировоззрением. Изучение этих взаимодействий между греческой философией и предфилософски-

ми традициями Древнего Египта и Ирана поможет нам лучше понять процесс становления греческой философии и ее влияние на культурное развитие Восточного Средиземноморья. Оно также позволит нам более глубоко проникнуть в суть философского феномена «греческого чуда» и его связи с общими тенденциями духовного и культурно-исторического развития всего региона. Таким образом, взаимодействие греческой культуры с предфилософскими традициями Древнего Египта и Ирана играло важную роль в формировании греческой философии и мировоззрения. Этот процесс является неотъемлемой частью истории и культурного развития Древнего Средиземноморья и его изучение позволяет нам лучше понять эволюцию мысли и идеи в этом регионе.

Здесь стоит обратиться к четвертой главе монографии В. Буркерта «Вавилон, Мемфис, Персеполис: восточные контексты греческой культуры» [Burkert 2004, 71], посвященной религиозным контактам между Древней Грецией и Древним Египтом, которые усиливаются в VI в. до нашей эры с обширными греческими поселениями и наемнической деятельностью в Египте и отражаются еще раньше в бесспорном египетском влиянии на архаичное греческое искусство и храмовую архитектуру. Среди немногих задокументированных случаев религиозного синкретизма для VI в. до нашей эры наиболее примечательным является греческое отождествление Диониса с Осирисом; Мистериальные обряды, обещающие блаженную загробную жизнь, обеспечивающие прочную основу для объединения двух богов. От Диониса это короткий прыжок до Орфея. В оставшейся части этой главы В. Буркерт затрагивает тему предполагаемого египетского влияния на орфическую религию, вопрос, который очень осложняется тем фактом, что, несмотря на дразнящие новые открытия, мы все еще так мало знаем об орфической религии. От себя же заметим, что исторический статус самого орфизма как религиозного и мифопоэтического учения в настоящее время является предметом острых дискуссий в среде антиковедов: если В. Буркерт, вслед за классической традицией германского антиковедения в лице Г. Дильса, В. Кранца и других исследователей начала и первой половины прошлого века относит его существование к «предфилософской» эпохе греческой мысли (X–VIII вв. до н. э.), то в настоящее время довольно активно развивается альтернативная точка зрения, согласно которой орфизм в его традиционном понимании явился своеобразной «фикцией», так как все известные на текущий момент источники орфической поэзии относятся к эпохе поздней античности, и, следовательно, возникло это направление лишь в рамках неоплатонического синтеза пифагорейских идей, будучи, таким образом, своеобразным приемом неопифагорейцев, стремившихся таким образом утвердить как исторические, так и вымышленные теоретические источники своего учения.

Основная же мысль В. Буркерта заключается в том, что орфизм может быть контекстуализирован в рамках общей семьи учений, гарантирующих возобновление жизни после смерти посредством выполнения ритуала; такие ритуалы или мистерии были связаны с Орфеем, а также с Дионисом и проповедовались странствующими учителями. Египетское влияние в VI в. до н. э., вероятно, имело первостепенное значение для превращения образа микенского Диониса в Диониса мистериальных обрядов.

В свете методологии ориентализма эта традиционная формула истолкования начальных стадий мирового историко-философского процесса выглядит несколько искусственной, поскольку европейский Логос в таком случае берет начало не в греческой духовной культуре, а возникает уже на Древнем Ближнем Востоке, после чего обогащается содержанием раннегреческой культурной традиции. Таким образом, традиционный девиз востоковедов *ex oriente lux* в настоящее время приобретает новое содержание. Однако, несмотря на очевидный триумф методологии ориентализма на протяжении последних нескольких десятилетий, говорить о «смерти» европоцентризма в современных культурологических исследованиях было бы явно преждевременно. Конечно, современные критики подходов М. Бернала, равно как и других радикальных ориенталистов, очень редко опираются на концепцию «греческого чуда» в ее «классическом» варианте, предложенную Э. Целлером [Целлер 1996] и позднее во многом развитую Э. Гус-

серлем в его представлениях о «духовном образе Европы» [Гуссерль 1995]. Закрывать глаза на очевидные следы египетских, персидских и шумерско-вавилонских теоретических источников ранней греческой философии и науки было бы с их стороны по меньшей мере странно, а в лучшем случае просто некорректно. Именно поэтому большинство сторонников этой модели не отрицают наличия этих теоретических источников в ранней греческой предфилософской и философской мысли, но при этом не признают их определяющими векторами в сложном и многогранном процессе генезиса философии. Феномен «греческого чуда» в его современном понимании не сводится, таким образом, к утверждению абсолютно автохтонных корней греческой философии и культуры, а заключается в том, что все теоретические истоки своей философии и науки, полученные на Древнем Ближнем Востоке, греки воспринимали не только механически, но и творчески, осмысливая и интерпретируя в соответствии с особенностями собственного менталитета и категорий своей культуры.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН, гранта РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00162 «Концепция “осевого времени” в контексте интеркультурного диалога».

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program, and was funded by the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-00162 «The “Axial Age” Conception in Intercultural Dialogue».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буркерт 2004 – *Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004.

Генон 2010 – *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука-классика, 2010.

Гуссерль 1995 – *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Культурология XX век: антология. М.: Юрист, 1995. С. 297–330.

Емельянов 2011 – *Емельянов В.* Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 46–57.

Жданов 2022 – *Жданов В.В.* Миф, боги, человек: «спекулятивная теология» как культурный и религиозный феномен древнеегипетской мысли XV–XIII вв. до н.э. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 101. С. 99–117.

Олива 1977 – *Олива П.* Древний Восток и истоки греческой цивилизации // Вестник древней истории. 1977. Вып. 2 (140). С. 3–6.

Оловянникова 1995 – *Оловянникова З.В.* Герман Гессе и восточная философия // Диалог в философии: традиции и современность : межвуз. сб. под ред. проф. М.Я. Корнеева. СПб.: Университет, 1995. С. 137–148.

Сёмушкин 2009 – *Сёмушкин А.В.* Генезис древнегреческой философии // Избранные сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: РУДН, 2009. С. 15–264.

Франкфорт и др. 1984 – *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984.

Целлер 1996 – *Целлер Э.* Очерк истории греческой философии. М.: Канон, 1996.

Шифман 1974 – *Шифман И.Ш.* Финикийская культура // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М.: Сов. энцикл., 1974. С. 153–155.

Assmann 2011 – *Assmann J.* Steinzeit und Sternzeit. Altägyptische Zeitkonzepte. München: Wilhelm Fink, 2011.

Bernal 1987 – *Bernal M.* Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilisation. Vol. I. The Fabrication of Ancient Greece 1785–1985. New Jersey: Rutgers University Press, 1987.

Burkert 1992 – *Burkert W.* The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

Burkert 2004 – *Burkert W.* Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Faraone, Teeter 2004 – *Faraone C.A., Teeter E.* Egyptian Maat and Hesiodic Metis // Mnemosyne, Fourth Series. 2004. Vol. 57. Fasc. 2. P. 177–208.

West 1971 – *West M.L.* Early Greek Philosophy and Orient. Oxford: Clarendon Press, 1971.

West 1983 – *West M.L.* The Orphic Poems. Oxford: Clarendon Press, 1983.

West 1997 – *West M.L.* The East Face of Helicon. West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth. Oxford: Clarendon Press, 1997.

West 2007 – *West M.L.* Indo-European Myth and Poesy. N. Y.: Oxford, 2007.

Zhdanov, Zhorova 2019 – *Zhdanov V.V., Zhorova P.S.* The Problem of the Genesis of Greek Philosophy in Modern Cultural Studies: Orientalism vs. Eurocentrism // Conference: Proceedings of the

2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSES 2019). 2019. P. 1304–1308.

Zhorova 2017 – *Zhorova P.S.* The Problem of Falsification of the History of European Culture in the Work of M. Bernal «Black Athena» // Regional Studies Meeting. Conference Proceedings. Istanbul: DAKAM, 2017. P. 5–10.

REFERENCES

Burkert V., 2004. *Greek Religion: Archaic and Classical*. Saint Petersburg, Aleteia Publ.

Genon R., 2010. *Essays on Tradition and Metaphysics*. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ.

Husserl E., 1995. Philosophy and the Crisis of European Man. *Kulturologiya XX vek: antologiya*. Moscow, Yurist Publ., pp. 297-330.

Emelyanov V., 2011. Historical Progress and Cultural Memory (About the Paradoxes of the Idea of Progress). *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 46-57.

Zhdanov V.V., 2022. Myth, Gods, Man: "Speculative Theology" as a Cultural and Religious Phenomenon of Ancient Egyptian Thought of the 15th – 13th Centuries BC. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, iss. 101, pp. 99-117.

Oliva P., 1977. The Ancient East and the Origins of Greek Civilization. *Vestnik drevnej istorii*, iss. 2 (140), pp. 3-6.

Olovyannikova Z.V., 1995. Hermann Hesse and Eastern Philosophy. *Dialog v filosofii: tradicii i sovremennost: mezhvuz. sb. pod red. prof. M.Ya. Korneeva*. Saint Petersburg, Universitet Publ., pp. 137-148.

Syomushkin A.V., 2009. Genesis of Ancient Greek Philosophy. *Izbrannyye sochineniya. V 2 t. T. 1*. Moscow, RUDN, 2009, pp. 15-264.

Frankfort G., Frankfort G.A., Uilson Dzh., Yakobsen T., 1984. *Before Philosophy. Intellectual Adventure of Ancient Man*. Moscow, Nauka Publ.

Zeller E., 1996. *Essay on the History of Greek Philosophy*. Moscow, Kanon Publ.

Shifman I.SH., 1974. Phoenician Culture. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 15*. Moscow, Sov. encikl. Publ., pp. 153-155.

Assmann J., 2011. *Steinzeit und Sternzeit. Altägyptische Zeitkonzepte*. München, Wilhelm Fink.

Bernal M., 1987. *Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilisation. Vol. I. The Fabrication of Ancient Greece 1785–1985*. New Jersey, Rutgers University Press.

Burkert W., 1992. *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*. Cambridge, MA, Harvard University Press.

Burkert W., 2004. *Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture*. Cambridge, MA, Harvard University Press.

Faraone C.A., Teeter E., 2004. Egyptian Maat and Hesiodic Metis. *Mnemosyne, Fourth Series*, vol. 57, fasc. 2, pp. 177-208.

West M.L., 1971. *Early Greek Philosophy and Orient*. Oxford, Clarendon Press.

West M.L., 1983. *The Orphic Poems*. Oxford, Clarendon Press.

West M.L., 1997. *The East Face of Helicon. West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth*. Oxford, Clarendon Press.

West M.L., 2007. *Indo-European Myth and Poesy*. New York, Oxford.

Zhdanov V.V., Zhorova P.S., 2019. The Problem of the Genesis of Greek Philosophy in Modern Cultural Studies: Orientalism vs. Eurocentrism. *Conference: Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSES 2019)*, pp. 1304-1308.

Zhorova P.S., 2017. The Problem of Falsification of the History of European Culture in the Work of M. Bernal "Black Athena". *Regional Studies Meeting. Conference Proceedings*. Istanbul, DAKAM, pp. 5-10.

Information About the Authors

Vladimir V. Zhdanov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of History of Philosophy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, zdanov_vv@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0002-0239-6315

Polina S. Zhorova, Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the Department of Postgraduate and Doctoral Studies, Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Miusskaya Sq., 9, 125047 Moscow, Russian Federation, zhorova.p.s@muctr.ru, https://orcid.org/0000-0003-4650-6544

Информация об авторах

Владимир Владимирович Жданов, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, zdanov_vv@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0002-0239-6315

Полина Сергеевна Жорова, кандидат философских наук, начальник отдела аспирантуры и докторантуры, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, ул. Миусская площадь, 9, 125047 г. Москва, Российская Федерация, zhorova.p.s@muctr.ru, https://orcid.org/0000-0003-4650-6544

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.2

UDC 114
LBC 87.1

Submitted: 02.09.2024
Accepted: 12.02.2025

MASTERING GEOCENTRIC SPACE: METAPHYSICS-TECHNICAL CONSENSUS

Elena Yu. Pogorelskaia

Humanitarian University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. One of the fundamental basic concepts that influenced the formation of modern civilization is the geocentric system of the world. And although the modern idea of the universe differs significantly from the ancient and medieval understanding of the world, nevertheless, the geocentric metrics of space, as the embryonic structures of semantic invariants, leaving the level of the obvious, remain in the foundations of civilization as an obligatory "relict background" of the worldview. The objective of the present study is to identify the structures of geocentric space. In order to achieve this objective, this research will utilize structuralist methodology. This methodological approach will allow for the decomposition of the unified ideological concept of geocentric space into semantic invariants. Despite the intelligible nature of these semantic invariants, they will be dissolved in a variety of material practices. Scientific novelty. The question of distinguishing the structures of geocentric space is new in itself: the invariant layers of meanings that set the navigation grids of the geocentric world as a whole have come into focus. Structural layers define different ways of space exploration while being internally consistent and congruent to each other. Having a qualitative difference between themselves, the structural layers of geocentric space, for various reasons, maintain the integrity of the cosmos and are complementary. The primary structural layer is created by geometric patterns that permeate the cosmos in such a way that the sky is reflected in earthly things; this makes it possible to build unified systems that include stellar and terrestrial objects at the same time. Technological structures manifested in the contradictions of historically growing experience are embedded in the pragmatics of navigation maps and various tools. Technological structures are in permanent transformation and improvement, while geometric structures are initially conditioned by the ideal. Symbolic structures are dissolved in being as such and are the main value and epistemological layer for understanding geocentric space. The symbolic space is double and has a wrong side. The degeneracy of the geocentric structures of space is manifested in the anthropic principle. The world begins to gather around the cognizing consciousness, and the invariants of the universe, represented by the basic constants, do not resist this.

Key words: geocentric space, structures, geometry, Ptolemy, navigation maps, Mercator, Dante, double space.

Citation. Pogorelskaia E.Yu. Mastering Geocentric Space: Metaphysics-Technical Consensus. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 21-31. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.2

УДК 114
ББК 87.1

Дата поступления статьи: 02.09.2024
Дата принятия статьи: 12.02.2025

ОСВОЕНИЕ ГЕОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: МЕТАФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС

Елена Юрьевна Погорельская

Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

© Погорельская Е.Ю., 2025

Аннотация. Одним из фундаментальных базовых концептов, повлиявших на формирование современной цивилизации, является геоцентрическая система мира. И хотя современное представление о Вселенной значительно отличается от античного и средневекового осознания мира, тем не менее геоцентрические метрики пространства, как зародышевые структуры смысловых инвариантов, уходя с уровня очевидного, остаются в цивилизационных основах как обязательный «реликтовый фон» миропонимания. Целью исследования является выделение структур геоцентрического пространства. Это предполагает обращение к структуралистской методологии, позволяющей единый мировоззренческий концепт геоцентрического пространства разложить на смысловые инварианты, которые при своем интеллигибельном характере растворены в

разнообразных материальных практиках. Вопрос о выделении структур геоцентрического пространства сам по себе нов: в фокус внимания попали инвариантные слои смыслов, которые задают навигационные сетки геоцентрического мира в целом. Структурные слои предполагают разные способы освоения пространства, являясь при этом внутренне согласованными и конгруэнтными друг другу. Имея между собой качественное различие, структурные слои геоцентрического пространства по разным основаниям поддерживают целостность космоса и являются взаимодополнительными. Первичный структурный слой создают геометрические закономерности, пронизывающие космос таким образом, что Небо отражается в земных вещах: это позволяет выстраивать единые системы, включающие в себя звездные и земные объекты одновременно. Технологические структуры, проявленные в противоречиях исторически нарастающего опыта, оседают в прагматике навигационных карт и различных инструментах. Технологические структуры находятся в перманентной трансформации и совершенствовании, в то время как геометрические структуры изначально обусловлены идеальным. Символические структуры растворены в бытии как таковом и являются основным ценностным и гносеологическим слоем для понимания геоцентрического пространства. Символическое пространство двойное и имеет изнанку. Вырожденность геоцентрических структур пространства проявлена в антропном принципе. Мир начинает собираться вокруг познающего сознания, причем инварианты Вселенной, представленные основными константами, не сопротивляются этому.

Ключевые слова: геоцентрическое пространство, структуры, геометрия, Птолемей, навигационные карты, Меркатор, Данте, двойное пространство.

Цитирование. Погорельская Е. Ю. Освоение геоцентрического пространства: метафизико-технический консенсус // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 21–31. – DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.2

Введение

Развитие знания и технических средств во многом обусловлено особенностью мировоззрения, внутри которого они родились. Геоцентрическая система мира как определенная совокупность ценностей и взглядов на мир предполагает особое представление о пространстве и способах его освоения. Во-первых, вопросы пространственного освоения мира зависят от представления о космосе в целом; во-вторых, освоение пространства обусловлено теоретическими и практическими задачами, в решении которых происходит обнаружение и порождение новых структур; в-третьих, пространственное мироощущение во многом символично и уходит корнями в фундаментальные основы сущего, в вопросы о бытии.

Каждый из предложенных тезисов ведет к выявлению онтологических структур. Структурный уровень организации бытия предполагает, что можно выделить некоторые инвариантные образования / структуры, которые направлены на актуализацию целостности бытия. Структуры – точки сборки, вариативные друг относительно друга, тем не менее имеющие вид «семейного сходства». Геоцентрическое пространство пронизано структурами, они существуют идеально, но погружены в реальные практики и сюжеты: «Виртуально существующие структуры погружены во множественность конкретного» [Бряник 2020, 83].

Целостность мира тянет за собой требование единой истины. *Единой – но не единственной*. Истинностное знание собирает мир в целостность, обнаруживая очередную структуру.

Геометрическая структура геоцентрического мира

Для античной и средневековой философии знание о пространстве имеет непосредственное отношение к вопросам о космосе, который интуитивно полагается как целый. Многообразие вещей и явлений целостность мира не нарушают. Эдмунд Гуссерль в своей работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [Гуссерль, 1994] обращает внимание на то, что для мироощущения эллина идея единства мира была первичным самоочевидным фактом, поэтому изучать, ориентироваться и обустраивать мир предполагалось исходя из его целостности. Целостность мира, целостность бытия не проблематизировалась вообще, как не возникало вопроса о том, существует ли этот мир. Мир есть, он целый, он един [Telo 2022]. Единство и целостность мира не подрывали ни сложный динамичный характер этого единства (Гераклит), ни разнородность вещей и мыс-

лей (Парменид), ни низкий онтологический статус материальных предметов и трансцендентная удаленность идей (Платон), ни разница в организации природ (Аристотель). Космос – упорядоченная воплощенная красота, единая и совершенная, поскольку противоположное безобразно и нелогично.

Мир очевидно протяжен, он пространственен. Единство мира захватывает Небо и Землю, жизнь подтверждает возможность в земных делах ориентироваться на незыблемость небесного свода. Геометрические идеальные фигуры могут строиться из точек, находящихся в принципиально разных пространственных местах, но предполагающих онтологическую целостность.

Использование геометрии как метода понимания мира связано с определенной творческой интуицией. Геометрический подход к миру – особый вид абстракции, отнюдь не очевидный и являющийся специфическим способом взаимодействия с эмпирической реальностью, но кто-то должен был быть первым геометром, поэтому геометрическое мышление, видение идеальных пространственных фигур – это особого рода изобретение. Не всякому человеку такое видение дано, и далеко не всякий положит геометрический подход в освоение пространства, но многие не против воспользоваться полезностью этого изобретения, например в создании земных и небесных карт. Познание мира происходит шаг за шагом, и всякая истина представлена как традиция усилий, держащих в себе «смыслообразование и смыслооседание», – поясняет Гуссерль [Гуссерль 1996, 235]. Для европейской традиции, имеющей корни в античной культуре, привычно связывать пространственные характеристики с геометрическими рассуждениями. Структурная логика пространства – геометрия. Конечно, эта логика может иметь вариации, но она всегда будет иметь дело с протяженностями и дистанцией. Земля смотрелась в Небо, и потому первичные карты земных территорий строились согласно единой геометрии мира, равнялись на нее. Комментируя работу Гуссерля «Начала геометрии», Жак Деррида пишет: «Геометрия представляет собой материальную онтологию, чей объект задан как пространственность естественной вещи» [Деррида 1996, 20].

Геометрические задачи одновременно идеальны и историчны. Историчность геометрии прослеживается через характерные усилия математиков, где всякое новое знание «не дается без усилий», но требует определенной творческой настырности; при этом порождаются идеальные объекты, которые, однако, не выходят за рамки исторической ситуации. В этом смысле герменевтические интерпретации геометрических объектов опираются на геоцентрическую систему мира: пространство для античного и средневекового геометра ориентировано на существование идеальных областей и сущностей. Но идеальные сущности, например идеальные многогранники, существуют в определенном месте, что поддерживается системой мира. Идеальные объекты, к которым относятся геометрические фигуры, являются предметом теоретического знания. Г.В. Болдыгин замечает, что «предметами теоретических знаний являются объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола» [Болдыгин 2014, 127].

Греки создают геоцентрическую модель мира. В центре этого мира находится шарообразная Земля. Представление о шарообразности Земли «является греческим изобретением» [Щетников 2012, 385], этой теории не было ни у египтян, ни у вавилонян, ни у индийцев. Первая версия шарообразности Земли возникла у Пифагора, объясняющего этот факт тем, что шар – самая прекрасная фигура, а поскольку Земля очевидно прекрасна, то логика требует для нее самой совершенной формы. Впоследствии в труде «О небе» Аристотель выскажет существенные аргументы в пользу идеи сферичности Земли: «...раз Луна затмевается потому, что ее заслоняет Земля, то причина такой формы – округлость Земли, и Земля шарообразна» [Аристотель 1981, 339–340]. С пониманием формы земного шара связан вопрос о его размерах. Например, Эратосфен, измеряя окружность Земли, исходил из угловой высоты Солнца и расстоянием между Сиеной и Александрией. Эратосфен полагал, что расстояние по прямой между Сиеной и Александрией составляет 5 000 стадиев, причем Сиена расположена в тропике Рака, где в полдень летнего солнцестояния предметы не отбрасывают тени и солнечные лучи

падают на самое дно глубоких колодцев [Браун 2022]. Это означает, что лучи Солнца по отношению к Земле в это время имеют угол 90 градусов. Александрия, в свою очередь, расположена на одном меридиане с Сиеной, только севернее. В полдень летнего солнцестояния Эратосфен измерил длину тени обелиска, находящегося в Александрии [Браун 2022]: зная высоту обелиска и имея длину его тени, он получил воображаемый треугольник, сторонами которого были обелиск и тень, а гипотенузой – солнечный луч. В итоге получалось, что лучи Солнца падают на Землю под углом чуть большим 7 градусов, а это составляет 1/50 окружности. Если 5 000 стадиев (дальность между Александрией и Сиеной) умножить на 50, то получится величина Земного шара – 250 000 стадиев, что почти совпадает с современными данными о размерах Земли. Также, с ориентацией на Солнце, Земля «получила» свои первые параллели – экватор, тропик Рака и тропик Козерога: это те направления в окружности Земли, где Солнце в определенный день находится в зените – солнечный луч падает на Землю под углом 90 градусов, и материальные предметы в эти дни не отбрасывают тени. На экваторе это случается в дни равноденствий, а на тропиках – в дни солнцестояний. География во многом полагается на астрономию, и обе они связаны с *геометрической структурой пространства*. Важно заметить, что представление о шарообразности земли – основное условие научной картографии.

Геометрия – это не только фигуры, геометрия – это еще направления. В античности символом направления было действие ветра. Привычное нам художественное выражение «роза ветров» на самом деле не является красивой метафорой, а свидетельствует именно о том, что понимание вектора движения связывалось прежде всего с господствующими ветрами. Они неслись с разных сторон света, имели название и характер, описание чего можно найти уже у Гомера [Гомер 1982].

Аристотель в «Метеорологике», объясняя расположение ветров, опирается на геометрическую, симметричную круговую схему земного шара: «пусть точка А – равноденственный заход, а противоположная этой точке В – равноденственный восход. Другой диаметр пересекает этот под прямым углом, и пусть точка Н на нем будет севером, а диаметрально противоположная ей точка Θ югом. Пусть точка Z – это летний восход, а точка Е – летний заход, Δ – зимний восход и Г – зимний заход. От Z проведем диаметр к точке Г, и от Д к точке Е. Поскольку же точки, пространственно наиболее удаленные друг от друга, являются пространственно противоположными, а концы диаметра удалены более всего, то противоположными друг другу должны быть ветры по концам диаметров» [Аристотель 1981, 495–496].

Для Аристотеля ветры, дующие во встречных направлениях, борются за господство, и более слабый из них подчинен и укрощен более сильным, но если ветры попутные, как, например, Z и Δ, то они усиливают друг друга и могут дуть одновременно. В таком понимании Аристотеля проявляется логико-геометрический подход, поскольку если бы дела обстояли на самом деле так – никаких штормов бы не было. «Латинская роза двенадцати ветров была принята по всей Римской империи от Египта до Испании и использовалась до конца Средневековья», – пишет Ллойд Браун [Браун 2022, 191].

Целостная система геоцентрического пространства представлена в работе Клавдия Птолемея «Великое математическое построение в 13 книгах», которое сохранилось в латинском варианте как «Альмагест». Птолемея интересует структура космоса в целом и положение Земли в нем. Важно знать, по мнению этого ученого, под какой звездой каждая часть Земли находится, поскольку карта Земли симметрична карте Неба. Птолемей делает вывод, что «наиболее достоверный способ определения расстояний – астрономические наблюдения; ни один другой метод не дает возможности точно определить положение точки на поверхности Земли» [Браун 2022, 102]. С этим связано использование инструментов, таких как астролябия и настенный квадрант. Эти приборы позволяли определить долготу, широту и суточное время. Метафизико-технологическим трактатом, описывающим геоцентрическое пространство, является «География» Птолемея, содержащая серию карт разного масштаба. Через карты и инструменты геометрия связана с технологией.

Технологические структуры геоцентрического мира

Освоение пространства – вопрос прагматический и технологический одновременно. Прагматика освоения пространства вытекает из необходимости и способности человека ставить определенные цели и решать конкретные жизненные задачи, например любой вопрос путешествий / перемещений / завоеваний предполагает вопрос «зачем?» и тактические шаги для реализации заданной цели. Технологический потенциал освоения пространства традиционно связывают с накоплением самообновляющегося опыта.

В практике освоения пространства геоцентрического мира это проявлено следующим образом.

Карта – техническая вещь, предлагающая путнику или мореплавателю определенную логику местности. От правдивости карты зависит пошаговый маршрут, возможность достичь цели путешествия, а часто и жизнь человека. Для осуществления навигации требуются морские карты и разного рода приборы, позволяющие безопасно и наиболее оптимально по затратам доплыть до необходимой гавани. Понятно, что Земля – шар, но как это поможет добраться из пункта А в пункт Б?

Карта – копия части мира, «неизменяемая мобильность», как называет ее Бруно Латур [Латур 2017], это реальность, которую «можно положить в карман». Однако карты не возникают в один момент, обычно это серийная акция, связанная с многократным прохождением одного и того же маршрута: карты подразумевают живой опыт, находящийся в постоянном синтезе саморедактирования. Цель уточнения любой карты местности – создать неизменяемую мобильность. На карте информация организована таким способом, что ее можно привезти как вещественное доказательство, как факт. По большому счету Латур апеллирует к «серым» рутинным практикам фиксации записей, которые позволяют переносить знания сквозь расстояния и времена.

Древние навигационные карты не сохранились, возможно, это было связано с тем, что информация на них была тайной, стратегической для правителей полисов или связанной с непосредственной возможностью богатого улова у рыбаков. В древности знание пути до места лова рыбы имело денежный эквивалент. Хорошие карты создавались «для себя, для своих» и бывало, что при определенных обстоятельствах сознательно уничтожались. Таинственная природа карт была связана с их политическим и экономическим значением.

Считается, что первыми морскими картами пользовались финикийцы, об этом упоминает Геродот, но фактически сохранившиеся карты, портуланы – карты прибрежных вод или карты гаваней – датируются только XIII веком. Портуланы – карты особые, фрагментарные. Сначала снимались карты конкретных бухт или участка береговой линии, впоследствии эти карты совмещались и так изготавливались большие карты Средиземного моря, Черного моря, Индийского океана. Карты создавались очень медленно, и этот процесс напрямую был связан с конкретными морскими путешествиями. Нарисовать карту согласно геометрии пространства можно, но она не будет иметь практического значения, поскольку любой морской поход, кроме умозрительной геометрии, предполагает знание направления течений, безопасность гаваней, наличие в местах стоянок пресной воды, и главное, направление ветров. Оптимальный путь – не самый короткий, а с наименьшими потерями. Навигация – отдельное значительное искусство (techne), и теоретической модели тут мало. Люди, которые рисовали карты, ориентировались, прежде всего, на прагматику. «Расстояния на морских картах важны, но направление еще важнее. Прибыть в точку назначения позже может быть и неприятно, и даже опасно, но без точного знания направления навигатор не прибудет туда вовсе», – пишет Браун [Браун 2022, 186]. Направления на картах были указаны «розой ветров», которая придумана еще до компаса.

Свободная натура ветров не отменяет географической определенности и позволяет использовать их силу и направление в интересах навигации. Способность ладить с течением, с ветрами, знать особенности берегового рельефа, опасные зоны и тихие надежные гавани, умение находить правильный маршрут по звездам и использовать карты – все это составляло талант (techne) мореплавателя,

или, как говорит Платон в диалоге «Государство», подлинного кормчего, «который должен учитывать времена года, небо, звезды, ветры – все, что причастно его искусству, если он действительно намерен осуществлять управление кораблем» [Платон 1994, 267–268].

Вечное небо, если погода хорошая и звезды видно, давало отчетливые ориентиры в бескрайнем море. Но как ориентироваться, если берега не видно и Вечное небо затянуто тучами? Развитие картографии дополнено изобретением компаса. Когда возник компас и кто его автор – сказать сложно. Есть версии, что первые прообразы компаса изобрели китайцы, о притягивающей силе магнетита писал уже Платон, а финикийцы, имеющие колонии по всему Средиземноморью, ориентировались в бескрайнем море еще до Платона. Первые версии компаса представляли собой чашу с водой, в которую была помещена соломинка, пронзенная иглой. Эту иглу предварительно натирали о коричневый камень, который называли магнетитом. Особенность действия магнетита проявлялась в том, что металлические предметы, натертые им, начинают вести себя однозначным и характерным образом. Острие плавающей иглы обязательно поворачивает на север в сторону Полярной звезды, и потому такая конструкция может быть использована в навигации. Впоследствии магнитная стрелка была насажена на металлический стержень, который был совмещен с неподвижным деревянным лимбом, разделенным на 360 градусов. «Пункты компаса и самой розы ветров переносились на морские карты. Из каждого из тридцати двух пунктов по периметру карты веером расходились линии (румбы)», – пишет Браун [Браун 2022, 202]. По румбам определялось направление движения, то есть реализовывалась практическая цель навигации. Проблема, однако, заключалась в том, что карта плоская, а Земля – шар. Как реализовать движение согласно компасу по круглой планете, ориентируясь на цель, указанную на плоской карте, особенно если цель далеко?

На наш взгляд, для появления различных проекций (или по-другому – точек зрения, разных логик видения) должно было сформироваться представление о линейной перспективе, которое превратило метафизический космос в картину мира, появление которой в качестве «особого мироотношения связано с трансформацией античного techne в техническую реальность» [Погорельская 2024а, 59–60]. Рождение «картины мира» и линейной перспективы во многом связано с появлением такого технического аппарата, как camera-obscura, которая позволяла создавать плоские копии объемных предметов благодаря действию световых лучей. Камера-обскура представляет собой темный ящик, в стенке которого сделано отверстие, и световые лучи, проходящие сквозь это отверстие, отбрасывают на противоположной стенке ящика перевернутые изображения реальных предметов, схваченных этими лучами, то есть находящихся в непосредственной близости с самим аппаратом. Считается, что изобретение этого технического устройства принадлежит художникам и архитекторам Ренессанса. Мир под технически организованным взглядом превращается в картину, возникает объективный взгляд на мир, а иначе взгляд, организованный объективом. «Камера-обскура работает лишь с реальным материалом, что было окончательно доказано ее дальнейшим развитием в фотокамеру. С ее помощью невозможно воспринять то, что не существует», – пишет Фридрих Киттлер [Киттлер 2009, 61]. Точка зрения в гносеологической позиции, ее условия и место локации становятся принципиальными. К традиции геометрической точности добавляется возможность эмпирической фиксации истины. Но как эмпирическую фиксацию и геометрическую точность применить к движению корабля по округлой планете?

Значимость перспективы проявилась в важности сочетания геометрии с реальной практикой кораблевождения. Морские карты – идеальная модель, от которой требовалось практическое руководство к действию, то есть по сути противоречивое или точнее дополняющее свойство, которое обнаруживается только в реальной практике. Но для открывателя новых земель сложность – это не аргумент. Необходимо создать такую инструкцию, которая позволяет добиваться результата с наименьшими потерями, а значит, будет сочетать в себе истинностные противоречия. «Объективность достигается только за счет увеличения точек наблюдения», – пишет Том-

мазо Вентурини [Вентурини 2018, 58]. Можно сказать, что целостность космоса проявляется через разные структуры, переход между которыми возможен, как, например, в проекции Меркатора. Здесь структуры накладываются одна на другую. Проекция Герарда Меркатора (1569 г.) создавала особую симметрию между объемным миром и плоской картой, она разрешала островам и континентам расползаться, менять размеры, выглядеть с позиции линейной перспективы искаженно, но при этом позволяла геометрически точно проложить путь из точки А в точку Б и, двигаясь по проложенной траектории согласно компасу, практически осуществить задуманный план, то есть приплыть в точку Б. Одна сложность – карта Меркатора позволяла добраться куда требовалось, но расстояния на ней искаженные и поэтому невозможно рассчитать время в пути. Эту проблему помог решить Эдвард Райт, который определил «для каждого градуса широты коэффициент изменения масштаба для соответствующей параллели» [Браун 2022, 213]. Таким образом появилась справочная таблица Эдварда Райта (1599 г.), а с ней и возможность понимания точного положения корабля. Идеальная структура евклидовой геометрии корректируется, исходя из реальной практики навигации, требующей адаптировать модель к каждой конкретной ситуации. Проекция Меркатора настолько удачна, что человечество ей пользуется до сих пор, это касается не только морских и аэронавигационных карт, но и нашего «домашнего» Яндекса. Увидеть треки Меркатора можно и в космическом пространстве: снимки, сделанные спутниками, попадают на Землю путями, проложенными в логике этой проекции.

При разных подходах к понятию истины важно одно: истина объемна. Она не укладывается в регулятивную идею, принцип корпоративного соглашения или соответствия. Объемность / множественность истинностных ликов не ставит под сомнение ценность истины, не скатывается в трюизм, что $2 \times 2 = 4$. Истина глобальна и множественна одновременно, имея иерархию внутри себя, она не изменяет своей природе совершенства. Иерархическая природа истины показывает, что там, где можно подойти к объекту с линейкой, мы имеем срезы и сколы, с трудом сопоставимые и находящиеся в противоречивых связях. Но если мы переходим на уровень фундаментальных онтологических сущностей, каковой является пространство, структуры *становятся принципиально неотделимыми от самого бытия свойствами.* Та или иная структура объекта высвечивается при взаимодействии с обстоятельствами. Здесь нет плюральности, равноценности, напротив, фиксируется многомерность, «многоэтажность» объекта, где каждый этаж, как в проекции Меркатора, предполагает свой масштаб.

Если взять кантовское представление о пространстве как об априорном условии возможного опыта, мы получим стерильную сущность, стянутую на специфику антропологии трансцендентального субъекта. Однако трехмерность восприятия пространства, которое по Канту априорно, имеет явное влияние евклидовой геометрии и линейной перспективы, уводящей взгляд в бесконечность возможного опыта. Трехмерность пространства – особенность геоцентрического восприятия и понимания мира. Субъекта нет до опыта. Он возникает в ситуации опыта. Кантовское представление о трехмерном априорном пространстве несет в себе память исторических импликаций пространства геометров геоцентрического мира. Перенося структуры целостности с онтологии космоса на уровень антропологии трансцендентального субъекта, Кант, в духе своего времени, открывает для взгляда бесконечность, утверждая ценность бесконечного познания, что вполне соответствует просвещенческой парадигме. Но трансцендентальный субъект остается в геоцентрическом мире, мире трехмерных восприятий внешних представлений. Гелиоцентрическая система мира, возникшая и утвердившаяся в XVI–XVII вв., перенесла точку зрения познающего субъекта на Солнце, не поменяв специфику человеческих восприятий, поэтому представление о пространстве остается трехмерным. Однако к структурам целостности, которые теперь принадлежат субъекту, добавляются структуры бесконечности, что во многом опосредовано влиянием появления линейной перспективы, способной «стереть» горизонт. Влияние технических вещей, таких как camera-obscura и печатный станок Гуттенбер-

га меняет мировоззренческие ориентиры, вводя бесконечность через расширение взгляда и неостановимое копирование. Структуры бесконечности начинают преобладать над структурами целостности, не устраняя их полностью, а подчиняя себе. Истина в любом случае связывается с целостностью, даже если эта целостность начинает дробиться до атомарных фактов (как в неопозитивизме) или меняться в результате технически организованных взаимодействий, когда возникают разные варианты одного и того же объекта, который одновременно присутствует в разных местах с разной степенью вероятности. Современные объекты собираются / конструируются под технически организованным взглядом, причем природа объектов может быть любой. Но в любой гносеологической ситуации, даже при включении в нее искусственного интеллекта, точкой итогового приема, в которой информация трансформируется в знание, является познающий субъект-человек. Мир «собирается» вокруг познающего сознания. Геоцентрическая система переходит на уровень антропного принципа.

Символическая структура геоцентрического мира

Освоение пространства – вопрос также символический, потому что за вещественным миром существует мир невещественный, интеллигибельный. Пространство представляет собой связь миров и времен [Сироткин 2021]. Связь между мирами просвечена через символы, точки перехода, места метаморфоз и преобразований. Символическая структура геоцентрического мира представлена в «Божественной комедии» Данте Алигьери. «Путешествие Данте не обходится без современных ему научных знаний, оно подчинено законам географии и астрономии, взятым в “синтетическом”, совмещенном виде» [Александров 1999, 186] и сконцентрированных в описаниях Вселенной Клавдия Птолемея.

У Данте в «Божественной комедии» есть место на самом «дне мира», достигнув которого путники, сам Данте и Вергилий, начинают восхождение вверх, к Раю. Дно – центральная часть Люцифера. Это место симметрии структур, где возможен переход из одной структуры в другую, но не механически, а с изменением природы вещи. Символ как единство разных природ – метафизической и материальной – предполагает совмещение структур смысла, геометрии и технологии. Механическое соответствие структур можно рассматривать как знак возможного перехода, но для осуществления самого перехода потребуется изменение направления (геометрия), переворачивание естества (технология) и трансформация природы (перерождение / воскрешение). Вергилий говорит Данте:

> «Ты думал – мы, как прежде, – молвил он, –
> За средоточьем, там, где я вцепился
> В руно червя, которым мир пронзен?
> Спускаясь вниз, ты там и находился;
> Но *я в той точке сделал поворот*,
> Где гнет всех грузов отовсюду слился;
> И над тобой теперь небесный свод,
> Обратный своду, что взнесен навеки
> Над сушей и под сенью чьих высот
> Угасла жизнь в безгрешном Человеке;
> Тебя держащий каменный настил
> Есть малый круг, обратный лик Джудекки»
> [Данте 1982, 182].

Есть версия, что Джудекка – остров, название которого происходит от слова судить (Zudega), суд. *И переворачивание с восхождением возможно для того, кто может пройти суд*, в отличие от того, кто «все так же воткнут, как и прежде был» [Данте 1982, 182] (здесь Данте имеет в виду вмерзшего Вельзевула).

Космос Данте – это космос Аристотеля-Птолемея с добавлением символического измерения или символической структуры. Символическое дает дополнительные ходы в пространстве и, следовательно, дополнительные переходы внутри одного мира. Павел Флоренский по этому поводу утверждает, что геоцентрическая система Птолемея, отраженная в «Божественной комедии» Данте, предполагает особое эллиптическое пространство, в котором возможны метаморфозы переходов / поворотов в зеркальные мнимости того же самого единого мира. Бытие едино при наличии множественных переплетенных структур. Платоновские идеальные сущности отражаются в материальных временных вещах; круговые движения космичес-

ких сфер Аристотеля распрямляются в движениях к естественному месту вещей, сложенных совокупностями земных элементов; души человеческие во временном моменте смерти выворачиваются сквозь свои пространственные тела в иное измерение бытия, переходя в бессмертные структуры, теряя при этом протяженность. «Область мнимостей реальна, постижима и на языке Данте называется Эмпиреем. Все пространство мы можем представить себе двойным, составленным из действительных и из совпадающих с ними мнимых гауссовых координатных поверхностей, но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя» [Флоренский 1922, 53]. Двойное пространство в данном контексте означает, что можно выделить в отношении одной плоскости область действительных сущностей, которые, проваливаясь в изнанку, дают кальку мнимости. Душа по смерти возвращается, по Платону, в мир Идей. В диалоге «Федр» [Платон 1993] Платон описывает, как души, несущиеся на колесницах, теряя управление возничего-разума, падают на землю и таким образом рождаются. Рождение – это падение души. По смерти происходит обратный процесс – воспарение, возвращение в надлунную сферу. Мир имеет иерархию природ и это отражено структурами двойного пространства.

Современные концепции плоских онтологий, используемые, например, в исследованиях науки и технологий (STS) Бруно Латура [Латур 2013], а также в новой онтологии Мануэля Деланда [Деланда 2017] или Грэма Хармана [Харман 2017], являются техническими, поскольку ставят на единую ступень разные сущности: людей, самолеты, информацию, легенды. Все совмещается в едином пространстве. Оно плоское, искривленное, но одномерное, визуальной моделью его является лента Мебиуса, что рассмотрено нами в работе «Техническая связь: инварианты, адаптации, прорывы» [Погорельская 2024б]. Возникновение нового знания и новых сущностей в моделях плоских онтологий предполагает поворот, происходящий как в представлениях исследователя, так и в точках бифуркации самоорганизующихся материальных систем, радикально меняющих свою историю под воздействием внешних причин и внутренних накопленных состояний. Техническая модель плоских онтологий не включает в свои одномерные потоки божественную благодать: у мира нет лицевой и изнаночной части, того, что мы наблюдаем в системе геоцентрического мира. Геоцентрическое двойное пространство предполагает прохождение сущностей в иное измерение, а не совмещает их в одномерной плоскости.

Заключение

Освоение геоцентрического пространства находится под влиянием ценностных ориентаций и представлений о космосе, тем не менее имеет свои особенности. Эти особенности не только познавательного характера: они связаны с вопросами преодоления расстояний, с рассуждениями о местах нахождения, о направлениях движения. Освоение пространства – это искусство, techne, которое направлено на решение практических и символических задач. В статье описаны структуры геоцентрического пространства, инварианты-пути его постижения. Геометрические структуры, обнаруженные античными математиками, позволяют, согласно геометрическим законам, на основании размеров / расстояний одних предметов сделать вывод о величине и удаленности других. Геометрические структуры едины на Небе и Земле и потому поддерживают целостность мира. Практическое, пошаговое освоение земной и морской поверхностей предполагает появление особого рода записей – навигационных карт как структурированной основы местности. Ошибки в картах не обнаруживаются в теоретических моделях, здесь необходим коллективный опыт, постоянно подвергаемый фальсификации и саморедактированию в реальной навигационной практике, требующей повторений и мастерства. Технологические структуры оседают в рецептах и инструкциях по изготовлению и использованию навигационных инструментов, таких как астролябия, квадрант, компас и др. Одновременно геоцентрическое пространство, будучи матрицей бытия, включено в переходы между жизнью и смертью, являя собой символическую структуру трансформаций и преображений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров 1999 – *Александров Л.Г.* Исторические реминисценции к философской космологии Данте // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. Т. 2, № 2. С. 185–203.

Аристотель 1981 – *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.

Болдыгин 2014 – *Болдыгин Г.В.* И. Кант о специфике теоретического и практического видов познания // Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 3 (6). С. 120–136.

Браун 2022 – *Браун Л.А*. История географических карт. М.: Центрполиграф, 2022.

Бряник 2020 – *Бряник Н.В*. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 74–84.

Вентурини 2018 – *Вентурини Т.* Погружаясь в магму: как подходить к исследованию разногласий с помощью акторно-сетевой теории // Логос. 2018. № 5 (28). С. 53–84.

Гомер. Одиссея. М.: Моск. рабочий, 1982.

Гуссерль 1996 – *Гуссерль Э*. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996.

Гуссерль 1994 – *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 49–100.

Данте 1982 – *Данте Алигьери*. Божественная комедия. М.: Правда, 1982.

Деланда 2017 – *Деланда М*. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. № 3 (27). С. 35–56.

Деррида 1996 – *Деррида Ж.* Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 9–209.

Киттлер 2009 – *Киттлер Ф.* Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. М.: Логос, 2009.

Латур 2013 – *Латур Б*. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.

Латур 2017 – *Латур Б.* Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. № 2 (27). С. 95–156.

Платон 1993 – *Платон*. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.

Платон 1994 – *Платон.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.

Погорельская 2024а – *Погорельская Е.Ю.* От techne к технической реальности: рождение картины мира // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (43). С. 59–64. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-59-64

Погорельская 2024б – *Погорельская Е.Ю.* Техническая связь: инварианты, адаптации, прорывы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, № 1. С. 97–110. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.108

Сироткин 2021 – *Сироткин Ю.Л.* Пространственно-временной континуум в постмодернистской парадигме: Ж. Делез (1926–1995) // Logos et Praxis, 2021. Т. 20, № 3. С. 49–59. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6

Флоренский 1922 – *Флоренский П.* Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных областей геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). М.: Поморье, 1922.

Харман 2017 – *Харман Г.* Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. № 3 (27). С. 1–34.

Щетников 2012 – *Щетников А.И.* Сферическая Земля от древних греков до эпохи Великих географических открытий // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2012. Т. 6, № 2. С. 384–404.

Telo H. 2022 – *Telo H.* Plato's Philosophical Mimesis: On the Pedagogical and Protreptic Value of Imperfection // Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2022. Vol. 16, no. 2, pp. 520–549.

REFERENCES

Aleksandrov L.G., 1999. Historical Reminiscences of Dante's Philosophical Cosmology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 2, pp. 185-203.

Aristotel, 1981. *Essays. In 4 Vols. Vol. 3*. Moscow, Mysl Publ.

Boldygin G.V., 2014. I. Kant on the Specifics of Theoretical and Practical Types of Knowledge. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (6), pp. 120-136.

Braun L.A., 2022. *The History of Geographical Maps*. Moscow, Tsentrpoligraf.

Bryanik N.V., 2020. Concept of Structural Law and the Methodology of Structuralism in Non-Classical Science. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 74-84.

Venturini T., 2018. Plunging into Magma: How to Approach the Study of Disagreements Using Actor-Network Theory. *Logos*, no. 5 (28), pp. 53-84.

Gomer, 1982. *The Odyssey*. Moscow, Mosk. rabochii Publ.

Gusserl E., 1996. *The Beginning of Geometry. Introduction by Jacques Derrida*. Moscow, Ad Marginem.

Gusserl E., 1994. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Gusserl E. *Filosofiya kak strogaya nauka*. Novocherkassk, pp. 49-100.

Dante Aligyeri, 1982. *Divine Comedy*. Moscow, Pravda Publ.

Delanda M., 2017. New Ontology for the Social Sciences. *Logos*, no. 3 (27), pp. 35-56.

Derrida Zh., 1996. Introduction. Gusserl E. *Nachalo geometrii*. Moscow, Ad Marginem, pp. 9-209.

Kittler F., 2009. *Optical Media. Berlin Lectures 1999*. Moscow, Logos Publ.

Latur B., 2013. *Science in Action: Following Scientists and Engineers Within Society*. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge.

Latur B., 2017. Visualization and Cognition: Depicting Things Together. *Logos*, no. 2 (27), pp. 95-156.

Platon, 1993. *Collected Works. In 4 Vols*. *Vol. 2*. Moscow, Mysl Publ.

Platon, 1994. *Collected Works. In 4 Vols*. *Vol. 3*. Moscow, Mysl Publ.

Pogorelskaya E.Yu., 2024a. From techne to Technical Reality: Birth of a Worldview. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (43), pp. 59-64. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-59-64

Pogorelskaya E.Yu., 2024b. Technical Communication: Invariants, Adaptations, Breakthroughs. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, vol. 40, no. 1, pp. 97-110. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.108

Sirotkin Yu.L., 2021. The Space-Time Continuum in the Postmodern Paradigm: J. Deleuze (1926–1995). *Logos et Praxis*, vol. 20, no. 3, pp. 49-59. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6

Florenskii P., 1922. *Imaginary in Geometry. Expansion of the Area of Two-Dimensional Geometry Areas. (Experience of a New Interpretation of the Imaginary).* Moscow, Pomorye Publ.

Kharman G., 2017. Networks and Assemblages: Rebirth of Things by Latour and Deland. *Logos*, no. 3 (27), pp.1-34.

Shchetnikov A.I., 2012. Spherical Earth from the Ancient Greeks to the Era of Great Geographical Discoveries. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*, vol. 6, no. 2, pp. 384-404.

Telo H., 2022. Plato's Philosophical Mimesis: On the Pedagogical and Protreptic Value of Imperfection. *Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, vol. 16, no. 2, pp. 520-549.

Information About the Author

Elena Yu. Pogorelskaia, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Social and Cultural Services and Tourism, Humanitarian University, Zheleznodorozhnikov St, 3, 620041 Yekaterinburg, Russian Federation, schreibigus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9723-465X

Информация об авторе

Елена Юрьевна Погорельская, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Гуманитарный университет, ул. Железнодорожников, 3, 690041 г. Екатеринбург, Российская Федерация, schreibigus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9723-465X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.3

UDC 130.122
LBC 87.52

Submitted: 12.11.2024
Accepted: 12.02.2025

SPECIFICS OF POSSIBILISTIC THINKING IN THE RUSSIAN MENTALITY [1]

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article examines the specifics of the formation and manifestation of a possibilistic thinking, which allows a person to overcome immersion in reality and implement an effectively constructive approach to the world in the form of a strong-willed aspiration to the desired future. Using the example of ancient Greek and Egyptian cultures, the connection between a constructive view of the world and the attitude of culture to the future and the nature of the will is shown. The article analyzes the relationship of possibilistic thinking in the Russian mentality with the tradition of using the category of the possible in theological reflections on the relationship between Divine providence and free will. Based on the revealed differences in the interpretations of the consequences of a person's free choice among representatives of Western and Eastern patristics, the forms of possibilistic thinking in the Eastern and Western Christian traditions are compared. In the Eastern tradition, where predestination takes into account the free choice of the individual through synergy (collaboration), the idea of the hierarchical superiority of man and his responsibility for the deification of the entire created world is affirmed. Russian mental culture's assimilation of Byzantine influence has been shown to promote personal initiative, personal achievement, and personal impulse in Russian spiritual life and to reduce the influence of institutional thinking, despite the established view of the undivided dominance of collectivist attitudes in the Russian mentality, which oppress the personal principle. Thus, the possibilistic thinking in the Russian mentality is not reduced to constructive and transformative activity but reveals itself in the ascetic life of the bearers of personal righteousness as subjects of a special kind of freedom associated with total responsibility and personal initiative.

Key words: Russian mentality, possible, possibilistic thinking, free will and free choice, Divine providence, Eastern and Western patristics, constructive activity, personal principle.

Citation. Tokareva S.B. Specifics of Possibilistic Thinking in the Russian Mentality. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 32-39. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.3

УДК 130.122
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 12.11.2024
Дата принятия статьи: 12.02.2025

СПЕЦИФИКА ВОЗМОЖНОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ В РУССКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ [1]

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена специфика формирования и проявления возможностного мышления, позволяющего человеку преодолеть погруженность в действительность и реализовать действенно-конструктивный подход к миру в форме волевой устремленности к желаемому будущему. На примере античной и египетской культур показана связь конструктивного воззрения на мир с отношением культуры к будущему и характером воли. Проанализирована связь возможностного мышления в русском менталитете с традицией использования категории возможного в богословских размышлениях о соотношении Божественного промысла и свободы воли. С опорой на выявленные различия интерпретаций последствий свободного выбора человека у представителей западной и восточной патристики сопоставлены формы возможностного мышления в восточной и западной христианской традиции. В восточной традиции, где предопределение учитывает свободный выбор личности через синергию (со-делание, со-работничество) Божественной воли с человеческой, утверждается идея иерархического превосходства человека, его ответственности за обожение всего тварного мира. Показано, что усвоение русской ментальной культурой византийского влияния

© Токарева С.Б., 2025

способствовало утверждению в русской духовной жизни личной инициативы, личного подвига, личного порыва и снижению влияния институционального мышления – вопреки утвердившемуся взгляду на безраздельное господство в русском менталитете коллективистских установок, угнетающих личное начало. Таким образом, возможностное мышление в русском менталитете не сводится к конструктивно-преобразовательной деятельности, но обнаруживает себя в подвижнической жизни носителей личной праведности как субъектов особого рода свободы, сопряженной с тотальной ответственностью и личной инициативой.

Ключевые слова: русский менталитет, возможное, возможностное мышление, свобода воли и свободный выбор, Божественный промысел, восточная и западная патристика, конструктивная деятельность, личное начало.

Цитирование. Токарева С. Б. Специфика возможностного мышления в русском менталитете // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 32–39. – DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.3

Возможностное мышление связано с решением конструктивных задач и вхождением в режимы мышления, вырывающие нас из привычного состояния укорененности в действительном. Благодаря этому человеческое познание, привычно направленное на осмысление уже реализованного, то есть ставшего частью действительности, дополняется новой оптикой, помещающей в фокус рассмотрения то, что существует лишь в потенции. Особую значимость обращение к возможностному мышлению имеет для наук о человеке, долгое время разделявших базовую установку классической психологии на обусловленность текущего поведения прошлым опытом [Знаков 2023, 7] и не уделявших должного внимания ориентации человеческой деятельности на перспективу. В этой связи В.В. Знаков отмечает возрастание в процессах осмысления человеческого бытия роли несбывшегося, но желаемого и указывает на эвристические перспективы включения в антропологические исследования рассуждений в модальности возможного, позволяющей анализировать конструктивное поведение человека в ситуациях устремленности в неизвестное будущее, характеризующихся высоким уровнем неопределенности [Знаков 2022, 21–30].

На всех этапах исторического развития конструктивная деятельность служила источником инноваций в значимых областях общественной жизни – трудовой, управленческой, военной, политической. При этом уже архаичные общества заметно различались между собой степенью приятия / неприятия конструктивного взгляда на мир, что напрямую зависело от укоренившегося в культуре отношения к будущему и возможному. При этом уровень развития культуры не имеет определяющего значения, что было подмечено О. Шпенглером, писавшим, что культура, подобно душе, не имеет «чувства собственного становления», «не имеет никакого представления о том, что ей надлежит совершить». В этом отношении показательна высокая культура античности, которая «никогда не имела формального мотива и цели внутреннего развития», «никогда не знала чувства будущего» [Шпенглер 2000, 288].

Устремленность к возможному будущему выражается в коллективной психологии в форме *воли*; соответственно, укорененность античного человека в настоящем проявлялась как своеобразное *безволие*: «Люди ничего не хотели и ни на что не дерзали, но находили опьяняющую красоту в том, чтобы *сносить*» [Шпенглер 2000, 301]. В своих желаниях и намерениях, при построении планов и в процессе их осуществления человек античной культуры раскрывал себя как субъект мыслящий, но не волящий в действенно-конструктивном смысле. А.Ф. Лосев отмечал, что главной способностью, позволявшей античному человеку справиться с бесконечным числом случайностей и самоутвердиться, была способность претерпевать, а не преодолевать. Человеческие состояния, типичные для представителя античной культуры, выдавали в нем его пассивно-созерцательный, а не целеустремленно-волевой настрой [Лосев 2000, 379]. Показательным в этом отношении Лосев считал тот факт, что под *фантазией* древние греки практически всегда подразумевали творческое состояние не человеческого, а космического ума, и удивлялся, что лишь однажды ему встретился текст, где «фантазия трактуется... как продукт человеческого энтузиазма и вытекающих из него необычайных, не пассив-

ных, но приподнято-восторженных и творчески-активных мыслительных образов» [Лосев 2000, 381], то есть в западноевропейском, а не в античном духе.

Пассивно-созерцательный характер древнегреческой культуры предопределил ключевую роль в ней концептов «судьба» и «логос», связанных с предначертанностью, закономерностью и логикой. К.Х. Кессиди определяет менталитет древних греков как «тип и способ мышления и духовную настроенность, <...> склад ума и характера <...>, обусловивший уникальный в истории человечества феномен (“греческое чудо”)», родившийся результате «перехода от “мифоса” к “логосу”, от психически бессознательного к сознательному, от пралогического мышления к логическому» [Кессиди 2003, 136]. В процессе преобразования мифологического сознания греческая культура не выработала проективно-конструктивного взгляда на мир, однако ее специфическое «безволие» и отсутствие чувства будущего, о которых говорил Лосев, сослужили ей добрую службу, став почвой для развития логики и художественного мышления, не нуждавшихся для своего развертывания во временной перспективе.

«Возможное» всегда имело в древнегреческой философии более низкий статус, чем «действительное» или «необходимое», поскольку «возможное» содержит в себе выражение сомнения, а утверждение о нем («возможно *p*») предполагает свое отрицание («возможно не-*p*»). Предельно сниженный статус приписали «возможному» элеаты, сформулировав апорию о невозможности «возможного». Полемизировавший с этим выводом Аристотель [Аристотель 1975, 30] связывал возможное с неопределенным (материальным) началом, переход которого в действительность связан с о-*форм*-лением, приобретением формы, то есть присоединением того, что относится к действительному [Новолодская 2012, 60]. Таким образом, классическая греческая философия никогда не мыслила возможное в конструктивном ключе, в форме замысла или проекта, то есть того, что онтологически предшествует действительному. И хотя Аристотель использует категорию возможного применительно к тому, что может случиться в какой-то момент времени в будущем, оно никак не было соединено с волей, а потому «возможно *p*» не означало «достижимо *p*»; оно указывало лишь на те признаки возможного, которые можно вывести чисто логически (например, что превращение его в действительное не является ни невозможным, ни необходимым).

Своеобразным осмыслением времени отличалась египетская культура в древний и средний периоды своего развития. В языке египтян удивительным образом отсутствовали категории прошлого, настоящего и будущего времени для глаголов, так что «египетским языком затруднительно сказать о прошлом как о том, чего уже нет, о будущем как о том, чего еще нет, и о настоящем как о том, что есть лишь теперь» [Кучинов 2017, 111]. В силу особенностей древне- и среднеегипетского письма (использовавшего в написанном тексте только согласные буквы) отсутствие у египетского глагола грамматической категории времени невозможно утверждать с достоверностью; однако даже склонные признавать временн*у*ю определенность египетских глаголов исследователи согласны к тем, что «она играла подчиненную роль по сравнению с категорией способа действия» [Петровский 1958, 73]. «Способ действия» исключал понятие времени и вводил иную классификацию действий, подразделяя их на однократные, многократные, завершенные, предельные и неопределенные [Петровский 1958, 75]. Это не помешало, однако, древнеегипетской культуре разработать сложную конструкцию времени, включавшую дихотомию линейного и циклического времени. В трактовке последнего важную роль играла категория *возможного*, благодаря чему солярный круговорот не был синонимом полной неизменности: «Однако круг движения солнца принципиально не замкнут, в нем всегда присутствует расселина возможности...» [Кучинов 2011, 48]. Пристрастие же к хронологическому в древне- и среднеегипетской культуре проявлялось не через грамматические формы, а через склонность «везде видеть последовательность стадий процесса, устремленного к некоторой цели», достигаемой волей и коллективным усилием масс, организуемых государственной властью [Токарева 2011, 114]. В жесткой иерархической структуре египетского общества хаос индивидуальных воль был переплавлен в моно-

лит конструктивной воли отлаженной до мелочей государственной машины.

Наиболее полное осмысление конструктивного характера воли происходит в сознании европейского человека под влиянием христианской традиции, которая представляет Бога как Творца, Своей волей созидающего мир в соответствии с определенным замыслом путем выбора из бесконечного числа возможных миров. Тварный мир – это результат осуществления желаемого положения дел, которое изначально существует как *возможное*. Волевое созидание в соответствии с замыслом становится определяющей характеристикой человеческой деятельности, что резко контрастирует с учением Протагора о человеке как о мере (но не творце) всех вещей [Шпенглер 2000, 449].

Для прояснения специфики возможностного мышления в русском менталитете необходимо рассмотреть влияние на процесс его формирования традиции использования категории возможного в богословских размышлениях о соотношении Божественного промысла и свободной воли разумных существ – человека и ангелов, поскольку в этих рассуждениях дается детальная проработка связи между понятиями «возможный мир», «воля», «выбор», «желание».

Конкретные формы возможностного мышления связаны с различными предельными вариантами протекания событий. Проблема состоит в следующем: согласно принципу креационизма, все в сотворенном Богом мире подчинено Его промыслу, и если бы в мире не было свободных разумных существ, то идея Божественного предопределения даже в сильной своей версии была бы достаточным основанием для рассуждений о мироустройстве в русле общей логики, позволяющей делать обоснованные заключения. Однако наличие человека и ангелов, обладающих свободой воли, превращает мироустройство в гораздо более сложную систему.

Определение разумной воли мы можем дать не иначе как с помощью модальных глаголов *мочь* и *хотеть* [Эпштейн 2001, 305–309]. Обладающий разумной волей – это тот, кто, во-первых, *способен к хотению* (даже если он пока ничего не хочет – подобно тому, как имеющий крылья, обеспечивающие способность летать, может летать, но не всегда находится в полете); во-вторых, способен *хотеть сам по себе*, то есть способен, по словам Ансельма Кентерберийского, «сам себя подвинуть к хотению» [Ансельм 1995а, 243–244]. Это понимание воления как хотения удивительно точно соответствует данным психологической науки о феноменологии переживания воли. В книге Д.Н. Узнадзе «Психология установки» описаны результаты экспериментального изучения первичного волевого акта. Как оказалось, сущностным его содержанием является возникновение в момент волевого решения одного специфического переживания, которое субъект может выразить только как *«я хочу»* (в актуальном моменте – «теперь я действительно хочу»). Разумеется, акт волевого решения сопровождается и другими психологическими состояниями: *напряжением* (которое субъект отчетливо чувствует); *ясным представлением* того, что ему надлежит делать (это составляет предметный момент воли); *усилием* (которое в волевом акте часто неверно принимается за главный элемент – «силу воли») [Узнадзе 2001, 330–331]. Однако Узнадзе акцентирует внимание на том, что «из всех этих моментов только один имеет специфически волевое значение: переживание “я хочу”. Где нет этого последнего, там не может быть речи и о воле. <...> И наоборот: оказалось, что ни напряжение, ни усилие не имеют для воли существенного значения. Воля сама по себе абсолютно свободна от усилия (однако это не мешает ей вызывать иногда необычайно интенсивное усилие)» [Узнадзе 2001, 332]. То есть наша воля устроена совершенно так же, как Божественная воля: она «работает» без усилия и без насилия. Свободная воля представляет собой переживание чистой «самоактивности», исходящей из «я», в которой в данный момент («теперь») дано то, что должно произойти в будущем и не оставляющей у субъекта сомнения, что вот сейчас он «действительно хочет». Это совершенно согласуется с определением разумного волящего субъекта как в восточной, так и в западной патристике, представители которой (Дионисий Ареопагит, Ансельм Кентерберийский) рассуждают о человеке и ангелах как о «самодвижных», а о свободе как о «самодвижности». При этом особо указы-

вается на то, что свободную волю разумных существ Бог ставит выше Его собственного желания всеобщего спасения, так что оберегание «самодвижности» (свободы) имеет приоритет над необходимостью Божественного промысла о спасении, то есть над об**о**жением, к которому человек призван [Лурье 2015, 501].

Божественная, ангельская и человеческая воля проявляют себя сходным образом (поскольку тварные разумные существа созданы по образу Божиему), однако условия осуществления их свободы и характер воли у них все же различны. В человеке, бытие которого повреждено грехом и его следствием – злом, преобладает несовершенная *гномическая* воля, выражающаяся в свободе выбора. Лишь при условии достижения человеком высших ступеней совершенного бытия (святости, об**о**жения) его воля входит в естественное согласие с Божественной волей, что соответствует ее изначальному райскому состоянию (*фелима*). Отказ человека от несовершенной (хотя и свободной) гномической воли составляет важнейшую цель духовной жизни, хотя это состояние и не может быть достигнуто как окончательное и необратимое.

Нетрудно видеть, что возможностное мышление как основа конструктивной деятельности тесно связано именно с гномической волей, предполагающей выбор из возможных вариантов и потому своей начальной стадией имеющей колебания субъекта: «До осуществления акта решения субъект переживает некоторую несостоятельность, колебание, возбуждение. Акт решения не постепенно созревает и подготавливается, а происходит сразу, как бы неожиданно, без подготовки. Результатом же является исчезновение прежней несостоятельности и чувства неопределенности, и взамен возникают переживания определенности, устойчивости и спокойствия» [Узнадзе 2001, 338]. Акт решения «прерывает прежнее состояние и вступает в совершенно новое, в котором не сохранилось ничего от старого состояния» [Узнадзе 2001, 333].

«Неконструктивный» вариант возможностного мышления и волевого выбора представлен в теологических рассуждениях об ангелах (б**о**льшая часть этих рассуждений относится не к области строгой догматики, а к области богословских мнений – теологуменов). Условия, в которых ангелы осуществляли свой однократный выбор о принятии или отвержении установленной для них Богом меры блаженства, принципиально отличались от тех, в которых выбор делает человек: поскольку ангелы были созданы раньше людей, они не имели перед собой в момент выбора образцов поведения и не обладали знанием его последствий. По мысли Ансельма, возможностное поведение ангелов исключало предвидение: ни злые ангелы не могли предвидеть своего будущего падения, ни добрые не знали, что они устоят и останутся верными. Кроме того, ангелы, зная, что за согрешение полагается наказание, не знали, будут ли наказаны. По справедливости наказание *должно* последовать, но последует ли – им было неизвестно. Не обязательно же Бог должен поступить по справедливости; Он может поступить и по милости. И лишь после проявления ангелами своей воли «один узнал о наказании из своего опыта, другой усвоил из его примера» [Ансельм 1995а, 259–262]. Человек, изначально сотворенный как носитель воли *фелимы*, после грехопадения и произошедшего еще ранее отступничества части ангелов остается единственным существом, наделенным гномической волей – свободой выбора. При этом ситуация выбора для человека является не однократной (как это было у ангелов), а повторяющейся. При этом человеческая ситуация имеет по сравнению с ангельской то несомненное преимущество, что все свои выборы человек делает, имея перед собой как пример отступничества и наказания злых ангелов, так и образец поведения и подражания в лице добрых ангелов.

Если в западной традиции акцент сделан на конструктивном характере возможностного мышления и связанной с ним гномической воле, то на формирование русского менталитета определяющее влияние оказала восточная патристика, отводящая центральное место онтологическим последствиям личностного выбора.

Соотношение существующего мироустройства и потенциальных миров, возможность которых обусловлена свободным выбором индивидуальных субъектов, мыслится представителями восточной и западной патристики в разных модальных онтологиях. В западной богословской традиции парадоксальная

гармонизация свободы воли с Божественным промыслом описывается в терминах «объективистской» онтологии. В этом случае все возможные ситуации (и, соответственно, все возможные миры), обусловленные свободным выбором субъекта, отклоняющим действительность от промыслительного плана, считаются *логическими возможностями*, оцениваемыми с точки зрения вероятности их актуализации, а достоверность знания о них фиксируется используемыми в эпистемической модальности операторами «доказано», «не доказано», «подтверждено», «опровергнуто» и т. д. При этом непреложность действия Божественного промысла также получает логическое объяснение: при всех возможных действиях, обусловленных человеческой свободой, Бог, ограничивая Сам Себя особой «моральной необходимостью» (на которую не влияют волевые решения человека или ангелов), принимает на Себя обязательство в каждом случае поворачивать дело так, чтобы при любом результате свободного выбора, осуществленного тварными существами, все дальнейшее оборачивалось бы наилучшим образом. Тем самым Бог, каждый раз реализуя «лучший из возможных миров», проявляет Свое всемогущество, а любая онтологическая альтернатива промыслительному миру, возникающая в результате человеческого или ангельского выбора, оказывается реализацией одного из логически возможных миров (которые до своей реализации как чистые возможности находились вне онтологии, так что знание о них не могло быть выведено с достоверностью и оставалось вероятностным). При этом онтологический статус Бога, ангелов и человека остается неизменным – несмотря на то что в результате реализованной свободы выбора все они (и мир в целом) оказываются в ситуации отклонения от промыслительного состояния. Таким образом, все обусловленные действием гномической воли «возможные миры», будучи логически возможными, онтологически равны в том отношении, что любая цепочка причинности, появившаяся в результате свободного выбора разумных существ, оказывается установленной (предопределенной) не тварной, а Божественной волей, неизменно возвращающей мир к гармонии [Ансельм 1995б, 215].

В восточной патристике, напротив, предполагается, что Божественный промысел как форма детерминации сотворенного бытия необратимо нарушается свободной волей человека в случае его противодействия Божественной воле. Предопределение здесь учитывает свободный выбор человека особым образом: гармония предузнается Богом и непрерывно предустанавливается, однако не единолично Им, а в синергии (со-делании, сработничестве) с человеком. В этой онтологии в каждом индивидуальном случае свободный выбор субъекта влечет за собой изменение его онтологического статуса. Это означает, что сама бытийность человека не остается неизменной: она возрастает там, где согласие свободной воли с Промыслом приводит к обогащению бытия, и умаляется – вплоть до полной утраты – там, где человек отворачивается от Бога (при этом утрата бытия не означает исчезновения индивидуальности). В этом контексте становятся понятными парадоксальные идеи, которые всегда вдохновляли православных духовных подвижников: 1) идея о том, что об**о**жение не только возможно, но и с необходимостью должно быть достигнуто человеком, воля которого устремлена к тому, чтобы *быть* (а не только иметь индивидуальность); 2) идея об иерархическом превосходстве человека, утверждающая его (вопреки античной традиции) как макро-, а не микрокосм: человек как средоточие мироздания призван через личную причастность Божественному Логосу привести к об**о**жению весь тварный мир (см.: [Неклюдов 2019]).

Такой подход ставит предельно высоко личную ответственность человека и оказывает определяющее влияние на русский менталитет, проявляясь в характерных чертах русской духовной жизни. С.С. Аверинцев отмечал, что отличие от Запада, усвоившего из еврейской и греческой культур традицию формирования текстов «совокупными усилиями многих книжников», в русской духовной жизни определяющей была «инициатива русского одинокого инока» – того, кому «пристало действовать уединенно, уповая на помощь только Единого Бога...» [Аверинцев, с. 189]. Изначально в самом существе русской культуры заключена была «определенная мера перевеса личного подвига над всем корпора-

тивным и институциональным, которая – скажем так – относительно чаще встречается в нашей культурной истории, нежели в истории западных культур. <...> Там корпоративная традиция – у нас отдельные люди, которые бросают вызов и казенной привычке, и духу времени» [Аверинцев 2005, 190].

Таким образом, возможностное мышление в русской культурной традиции не сводится к конструктивно-преобразовательной деятельности, но наиболее полно обнаруживает себя в подвижнической жизни носителей личной праведности, образ жизни которых, прототипически отраженный в русской литературе, оказал определяющее влияние на развитие русской религиозной, художественной и социально-гуманитарной мысли. Именно на основе этого духовного опыта в русском менталитете сформировался специфический тип возможностного мышления, связанный с особого рода свободой, делающей человека, по выражению М.М. Бахтина, «сплошь ответственным» и позволяющей не сбиться с пути к избранной цели даже тогда, когда двигаться приходится в одиночестве и против течения.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01661 «Русский менталитет как модальная целостность».

The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01661 “Russian mentality as a modal integrity”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев 2005 – *Аверинцев С.С.* Русское подвижничество и русская культура // Связь времен. Киев: Дух и Литера, 2005. С. 189–198.

Ансельм 1995а – *Ансельм Кентерберийский.* О падении диавола // Сочинения. М.: Канон, 1995. С. 221–270.

Ансельм 1995б – *Ансельм Кентерберийский.* О свободном выборе // Сочинения. М.: Канон, 1995. С. 198–220.

Аристотель 1975 – *Аристотель.* Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.

Знаков 2022 – *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Ин-т психологии РАН, 2022.

Знаков 2023 – *Знаков В.В.* Психология возможного и возможностное мышление // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 2. С. 5–22.

Кессиди 2003 – *Кессиди Ф.Х.* О «греческом чуде» и менталитете древних греков // Философия и общество. 2003. Вып. № 1 (30). С. 135–143.

Кучинов 2011 – *Кучинов Е.В.* Время и вечность в древнеегипетской культуре: феноменологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 47–49.

Кучинов 2017 – *Кучинов Е.В.* Феноменология темпорального измерения древнеегипетской культуры. М.: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Изд-во Минин. ун-та, 2017.

Лосев 2000 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн. 2. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000.

Лурье 2015 – *Лурье В.М.* Модальная онтология Дионисия Ареопагита // EINAI: Философия. Религия. Культура. 2015. Т. 4 (1/2). С. 490–511.

Неклюдов 2019 – *Неклюдов И.В.* Осмысление понятия «микрокосм» в святоотеческом и современном православном богословии // Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2019. Т. 8, № 5. С. 567–577.

Новолодская 2012 – *Новолодская И.В.* О «возможном», «действительном», «необходимом» и «случайном» в модальной силлогистике Аристотеля и у Альфреда Фреддосо // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, вып. 3. С. 60–65.

Петровский 1958 – *Петровский Н.С.* Египетский язык: Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.

Токарева 2011 – *Токарева С.Б.* Методология социального конструктивизма и социальный конструктивизм как методология // Вестник Волгоградского университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2 (14). С. 113–118.

Узнадзе 2001 – *Узнадзе Д.Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001.

Шпенглер 2000 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Эпштейн 2001 – *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001.

REFERENCES

Averincev S.S., 2005. Russian Asceticism and Russian Culture. Averincev S.S. *Svyaz vremen*. Kyiv, Duh i Litera Publ., pp. 189-198.

Anselm of Canterbury, 1995a. About the Fall of the Devil. Anselm of Canterbury. *Sochineniya*. Moscow, Kanon Publ., pp. 221-270.

Anselm of Canterbury, 1995b. About Free Choice. Anselm of Canterbury. *Sochineniya*. Moscow, Kanon Publ., pp. 198-220.

Aristotle 1975. Metaphysics. Aristotle. *Works. In 4 Vols. Vol. 1*. Moscow, Mysl Publ.

Znakov V.V., 2022. *Psychology of the Possible: New Direction for Understanding Research*. Moscow, In-t psihologii RAN.

Znakov V.V., 2023. Psychology of the Possible and Possibilistic Thinking. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psihologiya*, vol. 16, no. 2, pp. 5-22.

Kessidi F.H., 2003. About the "Greek Miracle" and the Mentality of the Ancient Greeks. *Filosofiya i obshchestvo*, iss. no. 1(30), pp. 135-143.

Kuchinov E.V. Time and Eternity in Ancient Egyptian Culture: Phenomenological Analysis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 7, pp. 47-49.

Kuchinov E.V., 2017. *Phenomenology of the Temporal Dimension of Ancient Egyptian Culture*. Moscow, FLINTA Publ.; Nizhny Novgorod, Izd-vo Minin. un-ta.

Losev A.F., 2000. *History of Ancient Aesthetics. Results of a Thousand Years of Development. In 2 Books. Book 2*. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ.

Lurie V.M., 2015. Modal Ontology of Dionysius the Areopagite. *EINAI: Filosofiya. Religiya. Kultura*, vol. 4 (1/2), pp. 490-511.

Neklyudov I.V., 2019. Understanding the Concept of "Microcosm" in Patristic and Modern Orthodox Theology. *Gumanitarnoe prostranstvo. Mezhdunarodnyj almanah*, vol. 8, no. 5, pp. 567-577.

Novolodskaya I.V., 2012. On the "Possible", "Valid", "Necessary" and "Accidental" in the Modal Syllogistics of Aristotle and Alfred Freddoso. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, vol. 13, iss., 3, pp. 60-65.

Petrovsky N.S., 1958. *Egyptian Language: Introduction to Hieroglyphics, Vocabulary, and Grammar of the Middle Egyptian Language*. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta.

Tokareva S.B., 2011. Methodology of Social Constructivism and Social Constructivism as a Methodology. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i socialnye tekhnologii*, no. 2 (14), pp. 113-118.

Uznadze D.N., 2001. *Psychology of Attitude*. Saint Petersburg, Piter Publ.

Spengler O., 2000. *Decline of Europe*. Minsk, Harvest Publ.; Moscow, AST Publ.

Epshtejn M.N., 2001. *Philosophy of the Possible. Modalities in Thinking and Culture*. Saint Petersburg, Aletejya Publ.

Information About the Author

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4274-6444

Информация об авторе

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4274-6444

www.volsu.ru

ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.4

UDC 130.122
LBC 87.3(4/8)

Submitted: 01.08.2024
Accepted: 12.02.2025

ONTOLOGY OF THEOSIS IN THE DOCTRINE OF MARTIN LUTHER

Natalya V. Eremeeva

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, Mogilev, Republic of Belarus

Abstract. This article is a historical, philosophical, and religious analysis of M. Luther's ideas about theosis. The urgent need to reconsider the lack of interest in the idea of theosis in Luther's theology is noted. A brief review is made of modern research by the Finnish school of T. Mannermaa, dedicated to the problem of theosis in Protestantism and revealing this topic from the ecumenical position of the Orthodox-Lutheran dialogue. According to the conclusions of the Mannermaa school, theosis was one of the images in which Luther described salvation; this theory of T. Mannermaa was based on Luther's postulate about the real presence of Christ in faith. There is a lack of special works by Luther devoted to the idea of deification; the rare use of this term or its derivatives or synonymous concepts, at the same time, his commitment to this idea is revealed, including with reference to primary sources. The tension is noted between the practical tasks of ecumenical dialogue and the differences in the dogmatic teaching on deification in Orthodoxy and in Luther, emphasizing the key to understanding Luther's ideas about theosis is his conceptual doctrine of the ontology of faith. The immersion of the idea of theosis by Luther in the context of Christian dogmatics, which is explained through the dogmas of the Incarnation, is emphasized, without the context of which it is impossible to understand the mystical unity of God and human, and more broadly, of the entire redeemed created world. The topic of the ontology of faith and the understanding of faith as the ontological basis of deification is revealed. The ontology of faith implies that everything that a person is is his relationship with God, that is, determined by his faith or unbelief; it is an *ontologia relationis* and not a substantial ontology. It is emphasized that Luther understood deification as a necessary aspect of salvation; this idea is revealed through the doctrine of imputed righteousness, which never belongs to humans but always remains the righteousness of Christ. Christ is an active principle, a "form of faith," and justification and deification in this case are an act of faith. A general conclusion about the ontology of faith, which connects the believer with Christ, Who presents in faith, is made.

Key words: Martin Luther, theosis, deification, ontology, Lutheranism, Lutheran dogmatics, ecumenism.

Citation. Eremeeva N.V. Ontology of Theosis in the Doctrine of Martin Luther. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 40-47. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.4

УДК 130.122
ББК 87.3(4/8)

Дата поступления статьи: 01.08.2024
Дата принятия статьи: 12.02.2025

ОНТОЛОГИЯ ТЕОЗИСА В УЧЕНИИ МАРТИНА ЛЮТЕРА

Наталья Владимировна Еремеева

Могилевский институт Министерства внутренних дел, г. Могилев, Республика Беларусь

© Еремеева Н.В., 2025

Аннотация. Данная статья представляет собой историко-философский и религиоведческий анализ суждений М. Лютера о теозисе. Отмечается назревшая необходимость пересмотра устоявшегося мнения об отсутствии интереса к идее теозиса в теологии Лютера. Делается краткий обзор современных исследований финской школы Т. Маннермаа, посвященных проблеме теозиса в протестантизме и раскрывающих данную тему с экуменических позиций православно-лютеранского диалога. Согласно выводам школы Маннермаа, теозис являлся одним из образов, в которых Лютер описывал спасение, данная теория Т. Маннермаа опиралась на постулат Лютера о действительном присутствии Христа в вере. Отмечается отсутствие специальных работ Лютера, посвященных идее обожения, редкое использование данного термина или его производных или синонимических понятий, при этом раскрывается, в том числе с опорой на первоисточники, его приверженность данной идее. Отмечается напряжение между практическими задачами экуменического диалога и различиями в догматическом учении об обожении в православии и у Лютера, подчеркивается ключевая для понимания представлений Лютера о теозисе его концептуальная доктрина онтологии веры. Подчеркивается погруженность идеи теозиса у Лютера в контекст христианской догматики – христологии и сотериологии, что объясняется через догматы боговоплощения, вне контекста которого невозможно понимание мистического единения Бога и человека, и шире – всего искупленного сотворенного мира. Раскрывается тема онтологии веры и понимание веры как онтологического основания обожения. Онтология веры подразумевает, что все, чем человек является, есть его отношения с Богом, то есть определено его верой либо неверием, это «*ontologia relationis*», а не субстанциальная онтология. Подчеркивается, что Лютер понимал обожение как необходимый аспект спасения, что раскрывается через учение о вмененной праведности, которая никогда не принадлежит человеку, а всегда остается праведностью Христа, Христос – активно действующее начало, «форма веры», а оправдание и обожение в таком случае являются актом веры. Делается обобщающий вывод об онтологическом статусе веры, соединяющей верующего со Христом, Который реально присутствует в самой вере.

Ключевые слова: Мартин Лютер, теозис, обожение, онтология, лютеранство, лютеранская догматика, экуменизм.

Цитирование. Еремеева Н. В. Онтология теозиса в учении Мартина Лютера // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 40–47. – DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.4

Тема теозиса занимает значительное место в святоотеческом богословии, ей посвящали многостраничные тома византийские и русские православные мыслители, но согласно устоявшейся точке зрения в протестантской догматике размышлений об обожении найти практически невозможно, тем более не уделяется внимание прикладной разработке этой темы. Данное положение, принимаемое по умолчанию, создает вызов для самих теологов и исследователей протестантской традиции, поскольку, с одной стороны, ставит протестантское богословие особняком в сравнении с «традиционным» христианством, с другой – обедняет догматическую и мистическую стороны протестантского учения, история которого знала и эпоху лютеранской ортодоксии, и суровое благочестие пиетистов. Представляется, что плачевное положение современного протестантизма, блуждающего в тумане секуляризации, является следствием того же молчаливого согласия с общепринятым, но поверхностным либо ангажированным взглядом на протестантизм как на неправославное и некатолическое христианство, равно как и представление его плодородной нивой общественного прогресса [Фадеев 2016, 17]. Назревшая необходимость ревизии, причем скорейшей и радикальной, в современном научном сообществе положений о Реформации необходима не только на постсоветском пространстве, где она, казалось бы, вполне объяснима явной нехваткой фундаментальных религиоведческих и особенно богословских работ на данную тему. Ряд западных исследователей отмечает «потерю Реформации» и неспособность объяснить ее истоки и значение в контексте истории, а также проблемы вполне утилитарного свойства, возникающие, например, в ходе сбора религиозной статистики [Исаев 2018, 99]. Большое количество исследований отдельных вопросов истории и теологии Реформации и протестантизма не способствуют четкому картографированию предметного поля, а, напротив, делают его рельеф еще более размытым, ибо признание иного учения реформационным, а иного теолога протестантом зачастую становится задачей со многими неизвестными и прежде всего в отношении его догматических и нрав-

ственно-теологических оснований. Тема обожения и является одним из тех фундаментальных краеугольных столпов христианской догматики, которые позволяют учению обрести твердую почву под ногами, определиться в конфессиональных вопросах. Находясь на пересечении нескольких теологических дисциплин, которым исторически протестантизм, как конфессиональная, по сути, ветвь христианства, уделял максимум внимания – речь идет о систематическом богословии – учение о теозисе является одной из важнейших тем и в протестантизме. Вызывающие порой оторопь духовные практики неопротестантов, антропологические положения европейских философов позднего Нового времени, модерна и постмодерна не могут быть вполне понятыми вне связи с протестантским учением об обожении. Последнее же, в свою очередь, течет в столь глубоком и извилистом русле, что проследить все его повороты является задачей поистине титанической. В данной статье я затрону только один аспект данной темы – вопрос об онтологических основаниях теозиса в учении Мартина Лютера.

Сами термины «обожение», «теозис» и их производные не находятся в Священном Писании, а имеют, как и многие христианские понятия, свои корни в глубинах греческой платонической философии. В Ветхом и особенно в Новом Завете, несмотря на отсутствие соответствующих лексем, идея обожения представлена широко, что же касается святоотеческого развития учения об обожении, то оно отражает представления о преображении человеческой природы под воздействием Божественной благодати, в результате которого человек постепенно уподобляется Богу. При этом человеческая природа не изменяет свой онтологический статус, но постепенно изменяется способ его существования [Леонов web]. В западной богословской традиции идея обожения – деификации, в латинском варианте понятия, – появляется уже у Тертуллиана, заметна у Августина Гиппонского и Иоанна Скота Эриугены, затем, как и в средневековом византийском богословии, находит свое выражение в мистике. Неудивительно, что мы обнаруживаем идею теозиса у Лютера, глубоко захваченного как мистической традицией народной религиозности, так и монашеской, а впоследствии в миру, медитативно-молитвенной практикой. Удивительно другое: потеря западными церквями, в том числе и лютеранской, молитвы и мистики, что еще в конце XX в. отмечал Т. Маннермаа, профессор университета Хельсинки [(Силуан) Никитин web]. Создание школой Маннермаа движения «назад к Лютеру» под названием «Новые изыскания в лютеровском богословии» привело к появлению в 1977 г. экуменического документа «Спасение как оправдание и обожение» [Керккеинен 2007, 94–95]. В нем содержался ряд положений, раскрывших идею теозиса как одного из образов, в которых Лютер описывал спасение. Революционная и в то же время вполне ожидаемая, вызванная к жизни стремлением к экуменическому диалогу и активизацией на территории СССР протестантской миссии, теория Т. Маннермаа опиралась на постулат Лютера о действительном присутствии Христа в самой вере. Развитая учеником Маннермаа А. Раунио идея совершения в конечном счете самим Христом добрых дел людей [Raunio 2001, 343–372] и продолженное другим его учеником С. Пеура глубокое исследование концепции теозиса в трудах Лютера [Peura 1994] сделали возможным дальнейшее сближение церквей в сотериологических православно-лютеранских дискуссиях. В частности, С. Пеура было наглядно продемонстрировано, что, несмотря на практическое отсутствие терминов, обозначающих обожение (всего порядка 30 во всем корпусе сочинений Лютера), идея теозиса более чем органична для Реформатора [Керккеинен 2007, 97–98]. Тем не менее следует уяснить особенности лютеровского понимания обожения, чтобы выделить его основные черты, определившие в дальнейшем характер лютеранской догматики, и избежать неоправданных уступок всепоглощающему экуменизму.

М. Лютера, зачастую использовавшего теологическую терминологию весьма произвольно, с трудом можно однозначно классифицировать как сторонника двух- или трехчастного понимания природы человека. Разделение на тело и душу или на тело, душу и дух, как видно, представлялись ему либо не слишком значимыми, либо богословски адиафорическими. Споры об антропологическом функционале духа, души, разума и тела не выходи-

ли в представлениях Лютера за пределы борьбы теологуменов, и он мог свободно отождествлять душу, дух и разум, а иногда, понимая человека как целостное живое существо, объединять их с телом, если речь не шла о специфически телесных надобностях. Но огромное значение в свете учения о спасении он придавал качественному разделению на «плоть» и «дух». Все душевные и духовные силы человека могут быть «плотью», если речь идет о ветхом человеке, и «духом», если человек обновлен Святым Духом [Luther 1955, 303]. Всякий человек есть «плоть», ибо «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы» (Эккл. 7:20), и, как плоть, «хочет быть богом и не хочет, чтобы Бог был Богом» [Лютер 2013b, 378], в отличие от духа, который «верой держится вещей непостижимых» [Luther 1955, 309] и называет Бога своим Господом и Спасителем. Лютер не питал иллюзий – человек, несущий бремя первородного греха, есть «плоть». Тем не менее Реформатор исполнен богословского пафоса: «Одно и то же в теологии истинно, в философии ложно, и наоборот... Бог есть человек. В философии ложно, что Бог есть человек... поскольку человек – сущность, но в теологии он Бог – во Христе» [Luther 1976a, 250–253]. Таким образом, искать фундамент онтологии теозиса у Лютера необходимо в его христоцентрической догматике, и это первая из особенностей учения Реформатора об обожении. История теологии еще со святоотеческих времен знает немало заблуждений и лжеучений, к которым приводили попытки рационально объяснить суть боговоплощения. Но и сегодня, когда богословы и исследователи видят в религии прежде всего ее этическую значимость, в Библии – литературный источник, а во Христе – борца, героя, но все же человека, вновь вспомнить подлинную, не усеченную и не секуляризированную христологию Лютера означает увидеть ориентир, давший Реформации ее духовный смысл и цель. Человек становится Богом только во Христе. Как именно это происходит в тайне боговоплощения, непостижимо. Адекватным средством выражения этой непостижимости стало апофатическое богословие, что отражено в формуле IV Вселенского собора, но, несмотря на то что верующий исповедует факт воплощения, по мнению Лютера, более понятным он от этого не становится. Более того, даже телесность Христа представляет собой сложную для разума задачу. Физическая онтология Христова тела должна пониматься троякo: обычное физическое тело, как у всякого человека; духовное тело, то, которое присутствует, например, в таинстве евхаристии, что выражается словами установления «Сие есть Тело Моё»; наконец, тело небесное или божественное. О необходимости признать существование божественного тела свидетельствует догматически установленная нераздельность двух природ во Христе, то есть необходимость присутствия телесной природы повсюду, где присутствует божественная. При этом количественный или качественный анализ соотношения природ не имеет смысла: «мы не говорим о Боге как о протяженном, длинном, широком, тонком, высоком, глубоком. Он – сверхприродное, непостижимое бытие, обитающее в каждом мельчайшем семени, целостное и совершенное, и в то же самое время находящееся во всех, над всеми и по ту сторону всех сотворенных вещей. ...тело гораздо шире, чем Божество; оно может вместить много тысяч Божеств. С другой стороны, оно слишком узко, чтобы содержать даже одно Божество. ...Бог... есть невыразимое бытие, Он над и за всем, что можно описать или вообразить» [Luther 1976b, 228].

Человек до грехопадения обладал настолько высоким онтологическим статусом в иерархии бытия, что превосходил ангелов, как красочно описывал Лютер, говоря о гневе Люцифера на Адама. Дьявол ошибался, ибо не предполагал, что Бог выбрал именно человеческую природу для участия в великой тайне и, таким образом, ее, жалкую и униженную, по Его воле предназначил ко спасению [Luther 1912 web, 178]. Боговоплощение – залог спасения человечества в том числе и во плоти, так как подлинные душевные и физические муки Христа, а не кажущееся пребывание Его на кресте, как утверждают, например, докетисты, дали всей твари надежду, которая, согласно современной интерпретации мистического учения Лютера, «заключает в себя как надеемое (das Erhoffte), так и движимое им упование (Hoffen)» [Мольтман 2011, 423]. Сам Лютер высказывался категорично и прямо о

присутствии Христа в вере [Керккеинен 2007, 98–99], и не видеть его приверженности мистике единения божественного и человеческого невозможно. Единство двух природ во Христе, оставаясь великой тайной, открывается бесконечной благодатью, ибо предполагает реальность мистического союза Бога и человека, и шире – всего искупленного творения [Luther 1976b, 229]. В учении Лютера о теозисе, как мы видим, второй важный аспект, который необходимо подчеркнуть, это его связь с сотериологией. То есть теозис не является целью жизни христианина, если можно так выразиться, не является даже признаком спасения – он с необходимостью происходит в процессе спасения.

Раскрывая тему онтологии веры, проливающую свет на понимание обожения у Лютера, обратимся к случившемуся в 1520-х гг. догматическому спору об оправдании. Учение Лютера выражается в известных формулировках о «вменении» (*imputatio*) в суде Божьем чужой, то есть Христовой, праведности (*aliena justitia*) грешному человеку, таким образом, подчеркивается отсутствие заслуг и достоинств со стороны человека, что и формулируется нарочито сухим юридическим языком [Хегглунд 1999, 144]. Пассивность и даже паралич собственной воли человека подчеркивает тот факт, что оправдание всегда, несмотря на то что приводит к некоторым изменениям для человека, «кто помещен в его контекст», остается неким внешним актом, сродни судебному решению, «чисто объективным изменением вне человека» [Хегглунд 1999, 145]. При этом, согласно Лютеру, воля человека не ничто, подобно тому, как рассуждал о зле Августин Гиппонский, а, наоборот, противящаяся Богу сила, которая должна быть уничтожена, без чего в принципе невозможно оправдание. Подобно немецким мистикам Лютер говорит об аннигиляции воли, которая совершается претерпеванием страданий. Уничтожая в человеке злую волю, Бог действует противоположно существующему положению дел, *sub contrario specie*, а разрушив нашу личность, Бог может действовать согласно Своей воле для нас [Grane 1978, 104]. В то же время один из ближайших соратников Лютера Андреас Озиандер предложил свое понимание учения о спасении. В «Нюрнбергской записке» он утверждает, что божественная природа Иисуса Христа как праведность Бога пребывает внутри нас, и, соединяясь с Богом через веру, человек как бы становится этим «новым духом» [Курбатов 2022, 94–95]. Тогда человек становится сыном Божьим, как и Христос, и именно потому, что праведность Христа пребывает в верующем (*justitia essentialis*), а не находится вне его, как говорил Лютер, называя такую внешнюю праведность «вмененной». С Озиандеровым вариантом понимания оправдания впоследствии не согласились лютеранские богословы, и Озиандер со сторонниками был вынужден скрываться, поскольку на протяжении всей жизни придерживался своих взглядов. Именно понимание Озиандера ближе к православному «энергийному» пониманию обожения, именно его сравнивают с паламитским учением и подчеркивают роль Озиандера в истории развития православно-лютеранского экуменического диалога [Friesen 2017, 290]. Анализируя расхождение во взглядах Лютера и Озиандера на примере данного спора, нужно отметить, что принципиально различно их понимание веры. Озиандер не наделяет веру онтологическим статусом, тогда как для Лютера она не психологическое состояние, не некая убежденность, не процесс движения человека к Богу, даже не особенный смысл бытия – жизнь в вере дарована человеку Богом, но при этом она не является его собственным бытием. И здесь обнаруживается третья особенность представлений Лютера о теозисе – они основаны на учении об онтологии веры, за которым следует и понимание веры как онтологического основания обожения. Онтология веры подразумевает, что все, чем человек является, есть его отношения с Богом, то есть определено его верой либо неверием, почему онтология веры и должна быть понята как «*ontologia relationis*», а не субстанциальная онтология [Ebeling 1979, 222]. Вера превосходит бытие человека, и вне контекста оправдания верой нет смысла говорить об обожении. Оправдание и обожение, хотя в нас присутствуют, всегда относятся ко Христу, и хотя в нас совершаются, всегда остаются вне нас, но во Христе. Не сущностную, а сотериологическую природу обожения стремился подчеркнуть Лютер, когда говорил, что «истин-

ная вера является твердым упованием и твердым согласием в сердце. Она ухватывается за Христа так, что Христос является Тем, Кто присутствует, так сказать, в самой вере. Таким образом, вера... существует сама по себе, как... упование на то, чего мы не видим, на Христа, Который реально присутствует, особенно когда Он невидим» [Luther 1911 web, 228–229].

Обожение – это единение с Христом только через веру, подлинное *unio mystica*, при этом активная роль в этом единении принадлежит Христу. «То, как Он присутствует, – выше нашего понимания, ибо вокруг нас – тьма... везде, где присутствует вера в сердце, присутствует и Христос – в этой самой тьме и вере... Христос формирует веру и приводит в движение ее... Он является формой веры» [Luther 1911 web, 229]. Схоластический термин призван подчеркнуть не только причинность, действующую и целевую, но и онтологию процесса – новое бытие внечеловеческой природы становится спасением от греха и смерти как для чувственной, так и для разумной души, то есть для тела и духа [Grane 1978, 105]. Но спасение – потребность и прерогатива не только людей, но и всего универсума, который обретает спасение также через веру. Очевидно, что вера при этом должна быть понята именно онтологически, так как для неодушевленного, но лежащего во грехе мира – «проклята земля за тебя» (Быт. 3:17) – спасение возможно лишь обретением нового основания [Ozment 1972, 107]. Слова апостола Павла о твари, с надеждою ожидающей, Лютер комментирует как понимание мироустройства вообще [Лютер 1996, 81], подчеркивая: «Правильно человеку следует называть работу Христа совершающей работой и наши дела совершенной работой... Любовь Бога не находит, но творит то, что приятно для нее» [Лютер 2013a, 386].

Таким образом, упрекнуть Лютера в забвении мистической стороны христианского учения нельзя, напротив, следует говорить о превалировании ее. Понятие «акт веры» подразумевает обожение, как «форма веры» подразумевает Христа, учение об онтологии веры только кажется решительным разрывом с мистикой обожения святоотеческой традиции. Можно даже усомниться в «истинности» спасения, оправдания и обожения, если, согласно Лютеру, они сущностно не принадлежат человеку. Также с позиции экуменического диалога православных и лютеран со стороны православных богословов с бóльшим основанием может быть высказан упрек относительно излишней индивидуализации духовного опыта и невнимания к мистике Церкви, о чем упоминал еще Г. Флоровский [Флоровский 2006, 93]. Тем не менее идея о неполноте тварного бытия принадлежит далеко не Лютеру. Здесь явно слышна перекличка с неоплатонической философией поздней Античности, раннего Средневековья и святоотеческой спекулятивной мистики – и Лютер логически развивает идеи о неполноте, «неистинности» наличного бытия человека. Только Христос пример бытия истинного, так как «искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15), и Его непостижимо соединенная с божественностью человеческая природа, принесенная в жертву на кресте для Лютера является нерушимым заветом подлинности нашего спасения и истинности нашей веры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исаев 2018 – *Исаев С.А.* Реформация в Европе: разновидности реформационных движений // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 97–122.

Керккеинен 2007 – *Керккеинен В.-М.* Учение об обожении и его экуменический потенциал // Учение о спасении в разных христианских конфессиях. М.: Изд-во ББИ, 2007. С. 85–115.

Курбатов 2022 – *Курбатов А.Г.* «Большая Нюрнбергская записка» – начало теологии Андреаса Озиандера // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23, № 1. С. 89–98. DOI: 10.25991/VRHGA.2022.23.1.007

Леонов web – Леонов В., прот. Обожение [Православная Энциклопедия] // https://pravenc.ru/text/2578067.html

Лютер 2013a – *Лютер М.* Гейдельбергские диспутации // VERBUM. 2013. Вып. 15. С. 384–418.

Лютер 2013b – *Лютер М.* Диспутация против схоластической теологии // VERBUM. 2013. Вып. 15. С. 377–383.

Лютер 1996 – *Лютер М.* Лекции по «Посланию к Римлянам». Минск: Фонд «Лютеранское наследие», 1996.

Мольтман 2011 – *Мольтман Ю.* Богословие надежды // Сравнительное богословие: немецкий

протестантизм XX в.: тексты с комментариями. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 422–431.

(Силуан) Никитин web – *Силуан (Никитин)*, епископ Петергофский. Предыстория богословских собеседований между представителями Русской Православной Церкви и Евангелическо-лютеранской Церкви Финляндии «Синаппи» [Богослов.ру: научный богословский портал] // https://bogoslov.ru/article/5697574#_ftnref85

Фадеев 2016 – *Фадеев И.А.* Протестантизм и протестантская Реформация: проблема исторической терминологии // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2016. № 4. С. 15–31.

Флоровский 2006 – *Флоровский Г.*, протоиерей. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорус. экзархата, 2006.

Хеглунд 1999 – *Хеглунд Б.* Модель веры: руководство по догматике. СПб.: Алетейя, 1999.

Ebeling 1979 – *Ebeling G.* Dogmatik des christlishen Glaubens. 3Bde., Tübingen: Mohr (Siebeck), 1979.

Friesen 2017 – *Friesen W.* Andreas Osiander: an Ideologue of Russian-German Rapprochement Efforts // Религия. Церковь. Общество. 2017. № 6. С. 284–295. DOI: 10.24411/2308-0698-2017-00014

Grane 1978 – *Grane L.* Luther ennen luterilaisuuta. Vaasa: Kirjapaja, 1978.

Luther 1911 web – *Luther M.* In epistolam S. Pauli ad Galatus Commentarius ex praelectione D. Martini Lutheri (1531) collectus 1535. Luther's Werke (WA). Weimar, 1883–2009. VV. 1–121. V. 40. Weimar, 1911 [Internet Archive] // https://archive.org/details/werkekritischege40luthuoft/mode/2up

Luther 1912 web – *Luther M.* Genesisvorlesung (cap. 18–30). Luther's Werke (WA). Weimar, 1883–2009. VV. 1–121. V. 43. Weimar, 1912 [Internet Archive] // https://archive.org/details/werkekritischege43luthuoft/mode/2up

Luther 1955 – *Luther M.* The Magnificat, Luke 1:46. Luther's Works (AE). VV. 1-55. Vol. 21. Saint Louis, Minneapolis: Concordia Publishing House, 1955.

Luther 1976a – *Luther M.* The Disputation on «The Word Was Made Flesh». Luther's Works (AE). VV. 1-55. Vol. 38. Saint Louis, Minneapolis: Publisher Fortress Press, 1976.

Luther 1976b – *Luther M.* Word and Sacrament III. Luther's Works (AE). VV. 1-55. Vol. 37. Saint Louis, Minneapolis: Concordia Publishing House, 1976.

Ozment 1972 – *Ozment S.E.* Homo Spiritualis. A Comparative Study of the Anthropology of Johannes Tauler, Jean Gerson and Martin Luther (1509–1516) in the Context of Their Theological Thought. Tübingen: E.J. Brill, 1972.

Peura 1994 – *Peura S.* Mehr als ein Mensch?: Die Vergöttlichung als Thema der Theologie Martin Luthers von 1513 bis 1519. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1994.

Raunio 2001 – *Raunio A.* Summe des christlichen Lebens: Die "Goldene Regel" als Gesetz der Liebe in der Theologie Martin Luthers von 1510–1527. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2001.

REFERENCES

Isayev S.A., 2018. Reformation in Europe: Types of Reform Movements. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, no. 2, pp. 97-122.

Kerkkeinen V.-M., 2007. Doctrine of Deification and Its Ecumenical Potential. *Doctrine of Salvation in Different Christian Denominations*. Moscow, Izd-vo BBI, pp. 85-115.

Kurbatov A.G., 2022. "Great Nuremberg Note" – Beginning of the Theology of Andreas Osiander. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, vol. 23, no. 1, pp. 89-98. DOI: 10.25991/VRHGA.2022.23.1.007

Leonov V., Archpriest. Deification. *Pravoslavnaya Entsiklopediya*. URL: https://pravenc.ru/text/2578067.html

Luther M., 2013a. Heidelberg Disputations. *VERBUM*, iss. 15, pp. 384-418.

Luther M., 2013b. Disputation Against Scholastic Theology. *VERBUM*, iss. 15, pp. 377-383.

Luther M., 1996. *Lectures on the Epistle to the Romans.* Minsk, Fond «Lyuteranskoye naslediye».

Moltmann Ju., 2011. Theology of Hope. *Comparative Theology: German Protestantism of the 20th Century: Texts with Commentaries*. Moscow, Izd-vo PSTGU, pp. 422-431.

Silouan (Nikitin), Bishop of Peterhof. Background to Theological Interviews Between Representatives of the Russian Orthodox Church and the Evangelical Lutheran Church of Finland "Sinappi". *Bogoslov.ru: nauchnyy bogoslovskiy portal*. URL: https://bogoslov.ru/article/5697574#_ftnref85

Fadeev I.A., 2016. Protestantism and the Protestant Reformation: Problem of Historical Terminology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, no. 4, pp. 15-31.

Florovsky G., Archpriest, 2006. *Paths of Russian Theology*. Minsk, Izd-vo Belorus. ekzarkhata.

Khegglund B., 1999. *Model of Faith: Guide to Dogmatics*. Saint Petersburg, Aleteyya Publ.

Ebeling G., 1979. *Dogmatik des christlishen Glaubens. 3Bde*. Tübingen, Mohr (Siebeck).

Friesen W., 2017. Andreas Osiander: An Ideologue of Russian-German Rapprochement Efforts. *Religiya. Tserkov. Obshchestvo*, no. 6, pp. 284-295. DOI: 10.24411/2308-0698-2017-00014

Grane L., 1978. *Luther ennen luterilaisuuta*. Vaasa, Kirjapaja.

Luther M., 1911. In epistolam S. Pauli ad Galatus Commentarius ex praelectione D. Martini Lutheri (1531) collectus 1535. Luther's Werke (WA). Weimar, 1883–2009. VV. 1–121. V. 40. Weimar, 1911. *Internet Archive*. URL: https://archive.org/details/werkekritischege40luthuoft/mode/2up

Luther M., 1912. Genesisvorlesung (cap. 18–30). Luther's Werke (WA). Weimar, 1883–2009. VV. 1–121. V. 43. Weimar, 1912. *Internet Archive*. URL: https://archive.org/details/werkekritischege 43luthuoft/mode/2up

Luther M., 1955. *The Magnificat, Luke 1:46. Luther's Works (AE). VV. 1–55. Vol. 21*. Saint Louis, Minneapolis, Concordia Publishing House, 1955.

Luther M., 1976a. *The Disputation on «The Word Was Made Flesh». Luther's Works (AE). VV. 1–55. Vol. 38*. Saint Louis, Minneapolis, Publisher Fortress Press.

Luther M., 1976b. *Word and Sacrament III. Luther's Works (AE). VV. 1–55. Vol. 37*. Saint Louis, Minneapolis, Concordia Publishing House.

Ozment S.E., 1972. *Homo Spiritualis. A Comparative Study of the Anthropology of Johannes Tauler, Jean Gerson and Martin Luther (1509–16) in the Context of Their Theological Thought*. Tübingen, E. J. Brill.

Peura S., 1994. *Mehr als ein Mensch?: Die Vergöttlichung als Thema der Theologie Martin Luthers von 1513 bis 1519*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern.

Raunio A., 2001. *Summe des christlichen Lebens: Die "Goldene Regel" als Gesetz der Liebe in der Theologie Martin Luthers von 1510–1527*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern.

Information About the Author

Natalya V. Eremeeva, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, Krupskoy St, 67, 212011 Mogilev, Republic of Belarus, luthersocietyspb@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-3986-739X

Информация об авторе

Наталья Владимировна Еремеева, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Могилевский институт Министерства внутренних дел, ул. Крупской, 67, 212011 г. Могилев, Республика Беларусь, luthersocietyspb@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-3986-739X

www.volsu.ru

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.5

UDC 316.35
LBC 60.524

Submitted: 10.01.2025
Accepted: 12.02.2025

SOCIAL CAPITAL AND SOCIAL PRACTICES OF LOCAL COMMUNITIES: BASED ON EXPERT INTERVIEWS

Mariya B. Poltavskaya
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Irina B. Kondrashina
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Fund for the Promotion of Territories and Communities "Vysota", Volgograd, Russian Federation

Inna A. Bublikova
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
ANO "Center for Support of Social and Cultural Initiatives 'SO-Praktik' ", Volgograd, Russian Federation

Abstract. The research focuses on the process of forming the social capital of local communities. The article shows that it is through social practices, their dissemination, and replication that the social capital of local communities is formed. The study focuses on neighborhood communities in cities, and these communities may sometimes overlap with local communities within their borders. Neighborhood is based on people living in close proximity to each other. The neighborhood community includes local residents who are united by a common area of residence, close interests, and problems and tasks; they interact with each other to solve these problems. There are two directions of research of the local community: socio-territorial (community of place) and on the basis of common ties and interests (community of interests). The research methodology is based on a resource-based approach to the social capital of communities (theories of P. Bourdieu, N. Lin, and R. Putnam). According to this approach, social capital has a social nature, and community members benefit from joint interaction by actively participating in community activities in order to create or accumulate a resource. Thus, social capital consists of resources embedded in social relationships and social structure that can be mobilized by the community. The social practices of Volgograd's local communities settlements were analyzed based on expert interviews ($N = 14$): volunteer practices, practices of conducting joint events on landscaping, and the formation of interest groups were studied. Social practices of local communities contribute to the creation and strengthening of social ties between community members, which allows for the formation and accumulation of social capital. In turn, social capital simplifies the organization and implementation of social practices in the community.

Key words: social capital, resources, community, local community, neighborhood community, social practices.

Citation. Poltavskaya M.B., Kondrashina I.B., Bublikova I.A. Social Capital and Social Practices of Local Communities: Based on Expert Interviews. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 48-61. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.5

© Полтавская М.Б., Кондрашина И.Б., Бублико ва И.А., 2025

УДК 316.35
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 10.01.2025
Дата принятия статьи: 12.02.2025

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ: НА МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ

Мария Борисовна Полтавская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Борисовна Кондрашина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Фонд содействия развитию территорий и сообществ «Высота», г. Волгоград, Российская Федерация

Инна Анатольевна Бубликова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
АНО «Центр поддержки социальных и культурных инициатив “СО-Практик”», г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В фокусе внимания исследования находится процесс формирования социального капитала местных сообществ. В статье показано, что именно через социальные практики, их распространение и тиражирование происходит формирование социального капитала местных сообществ. В исследовании речь идет о соседских сообществах в городах, которые в своих границах иногда могут совпадать с местными сообществами. Соседство основано на проживании людей в непосредственной близости друг от друга. Соседское сообщество включает местных жителей, объединенных общей территорией проживания, близкими интересами, проблемами и задачами, которые взаимодействуют друг с другом для решения этих проблем. Отмечается два направления исследования местного сообщества: социально-территориальное (сообщество места) и на основе общности связей, интересов (сообщество интересов). В основе методологии исследования лежит ресурсный подход к социальному капиталу сообществ (теории П. Бурдье, Н. Лина, Р. Патнэма), согласно которому социальный капитал имеет общественную природу, члены сообщества получают пользу от совместного взаимодействия, активно участвуя в деятельности сообщества с целью создания или накопления какого-либо ресурса. Таким образом, социальный капитал состоит из ресурсов, заложенных в социальных отношениях и социальной структуре, которые могут быть мобилизованы сообществом. На материалах экспертных интервью ($N = 14$) проанализированы социальные практики местных сообществ Волгограда: волонтерские практики, практики проведения совместных мероприятий по благоустройству территорий, формирование групп по интересам. Социальные практики местных сообществ способствуют созданию и укреплению социальных связей между членами сообщества, что позволяет формировать и накапливать социальный капитал. В свою очередь, социальный капитал упрощает организацию и реализацию социальных практик в сообществе.

Ключевые слова: социальный капитал, ресурсы, сообщество, местное сообщество, соседское сообщество, социальные практики.

Цитирование. Полтавская М. Б., Кондрашина И. Б., Бубликова И. А. Социальный капитал и социальные практики местных сообществ: на материалах экспертных интервью // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 48–61. – DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.5

Введение

Изучение социального капитала местных сообществ помогает взглянуть на социальный капитал как на ресурс для решения не личных проблем, а проблем сообщества. Социальный капитал местного сообщества можно условно назвать «расширенной версией» личного социального капитала, в основе которого лежат взаимодействия членов местного сообщества, включая отношения с институтами и организациями. Именно через социальные практики, которые создаются и распространяются в местном сообществе, происходит формирование социального капитала сообщества. Под сообществом понимают объединение людей, имеющее общее основание. Таким основанием чаще называют инте-

ресы, цели или общие условия жизни [Словарь русского языка 1999, 467]. Идея совместности, совместной деятельности, деятельности сообща прослеживается в трактовке данного понятия. В нашем исследовании речь идет о соседских сообществах в городах, которые в своих границах иногда могут совпадать с местными сообществами. Соседство основано на проживании людей в непосредственной близости друг от друга. Соседское сообщество – это местные жители, объединенные общей территорией проживания, близкими интересами, проблемами и задачами, которые взаимодействуют (общаются) друг с другом для решения этих проблем и благоустройства (в самом широком его понимании) своего социального пространства [Шомина, Кузнецов 2020, 45].

Местное сообщество и соседское сообщество могут пересекаться при небольших размерах территории. Например, один городской двор в многоэтажном квартале и одну улицу в частном секторе можно отнести к соседскому сообществу. Несколько дворов в городской среде или целый район скорее можно отождествить с местным сообществом.

Цель исследования заключалась в описании и систематизации социальных практик местных сообществ, которые являются основой для формирования социального капитала местных сообществ. В фокусе нашей работы находится процесс формирования социального капитала через социальные практики местных (соседских) сообществ Волгограда, проявляющиеся во взаимоотношениях с индивидуальными и коллективными акторами. Социальные практики являются неотъемлемой частью социальных институтов, через них происходит формирование норм и правил. Некоторые практики исчезают и сходят на нет со временем, некоторые институционализируются, поскольку обладают устойчивостью, повторяемостью, значимостью. Социальные практики могут со временем меняться кардинально либо дополняться и меняться незначительно. Социальные практики местных сообществ можно условно разделить на обычные и инновационные. Под первыми понимают типические действия людей, которые достаточно распространены и являются привычными способами действия, под вторыми – действия людей, не получившие в настоящее время широкого распространения, но уже достаточно заметные. Такие инновационные социальные практики представляют собой новые способы действий, которые ранее либо отсутствовали вообще, либо существовали в ограниченных масштабах [Радаев 2003, 89–90].

Методология и материалы

Сеть горизонтальных связей и отношений формируется благодаря социальному капиталу. Местные сообщества представляют собой сложные сети социальных взаимодействий. Концепция социального капитала П. Бурдье акцентирует внимание на ресурсах, которые члены сообщества получают через свои социальные сети. Местные сообщества формируют свой социальный капитал, опираясь на доверие и взаимопомощь, поэтому социальный капитал имеет общественную природу. Согласно П. Бурдье, социальный капитал – вид капитала, который представлен совокупностью реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием прочной сетью институционализированных отношений, основанных на взаимном знакомстве и признании, или, другими словами, с членством в группе [Бурдье 2002, 66].

Широкие социальные сети, основанные на доверии и взаимопомощи, упрощают доступ к информации, ресурсам и поддержке. В местных сообществах это может проявляться в виде инициатив, взаимодействия соседей, местных групп и ассоциаций, которые объединяют людей для решения общих задач. Согласно П. Бурдье, члены сообщества получают пользу от совместного взаимодействия, активно участвуя в деятельности сообщества с целью создания или накопления какого-либо ресурса. Социальный капитал является эффектом ресурса сообщества, который формируется через социальные связи и отношения, он является групповым ресурсом. Этим групповым ресурсом совместно владеют члены группы (сообщества), с четкими границами, обязательствами по обмену и взаимным признанием. По П. Бурдье, социальный капитал создается и воспроизводится в процессе его активного использования и обладает такими характеристиками, как неося-

заемость, символичность, отсутствие права собственности [Bourdieu, 1986].

Продолжая методологическую позицию П. Бурдье, Н. Лин подчеркивал, что инвестиции (вложение ресурсов) в социальные связи окупаются, при этом рынок, на котором они окупаются, может быть не только экономическим, но и политическим, трудовым или общественным [Lin 2001, 19]. Ресурсы, которыми обладают члены сообщества, встраиваются в социальные сети сообщества, при этом облегчается обмен информацией. Н. Лин выделяет четыре элемента (информация, влияние, социальные связи и идентичность), поясняя, почему ресурсы, встроенные в социальные сети, улучшают результаты действий сообщества [Lin 2001, 20]. Он также отмечает, что в сообществе главным являются социальные ресурсы, доступ к которым осуществляется через социальные связи индивида. Лин выделяет в качестве критерия оценки качества социального капитала цели, ради которых происходит мобилизация социального капитала через социальные сети. Инструментальные цели основаны на выгоде, экспрессивные цели связаны с чувством солидарности, что приводит к формированию «скрепляющего» социального капитала, основанного на общей поддержке, общих переживаниях [Lin, 2008].

Мы также придерживаемся идеи Р. Патнэма о наличии сильных внутригрупповых связях в сообществе, представленных горизонтальными коммуникациями, что является не менее важной составляющей, чем просто территориальная близость и совместное проживание. Горизонтальные связи способствуют более тесной координации между членами сообщества, что укрепляет доверие. Отлаженное взаимодействие, связи между членами сообщества генерируют информацию о репутации сообщества [Putnam, 2000: 212]. Опыт совместного сотрудничества и сформированное на этой основе доверие «способствует обеспечению общественной стабильности и устойчивому развитию благодаря незримым повседневным актам взаимности и доверия членов социальной группы» [Гужавина 2019, 41]. Таким образом, методологические позиции П. Бурдье, Н. Лина, Р. Патнэма сходятся в том, что социальный капитал состоит из ресурсов, заложенных в социальных отношениях и социальной структуре, которые могут быть мобилизованы сообществом для повышения вероятности успеха в целенаправленном действии.

Эмпирический материал был собран с помощью метода экспертного интервью ($N = 14$) с 26 октября по 16 ноября 2024 год. Экспертами стали руководители некоммерческих организаций и ТОС Волгограда, активисты местных соседских сообществ Волгограда. Целью экспертных интервью являлось изучение взаимосвязей социального капитала и социальных практик местных сообществ, выявление успешных социальных практик, способствующих развитию социального капитала местных сообществ.

Обзор литературы

В научной литературе помимо понятия местного сообщества [Киселева 2008; Бабинцев, 2016; Чернега 2020; Шохрина, Медведева, 2023; Баженов 2023; Харченко 2024] можно встретить релевантные ему: соседские сообщества [Шомина, Кузнецов 2020], локальные сообщества [Добрякова 2001; Ореховская 2020; Тыканова, Шевцова, Желнина 2024], городские сообщества [Буланова 2023], локальные городские сообщества [Павлов 2016], дворовые сообщества [Лебедева 2022], территориальные сообщества [Глухова, Кольба, Соколов 2021; Уханова 2022], умные сообщества [Пильщиков 2022].

В трактовке природы и основания возникновения местного сообщества можно выделить два направления. С одной стороны, природа сообщества связана с пространством, территорией, местом, которое связывает индивидов с регионом географически. Это направление условно называют «сообщество места», его придерживаются сторонники социально-территориальной трактовки природы сообщества. В основе этого подхода лежит идея единства пространства и территории [Leverentz, Pittman, Skinnon 2018]. Как отмечают исследователи, «клеем» таких сообществ будет место, территория, пространство [Осоргин 2018].

С другой стороны, природа местных сообществ складывается на общности связей, интересов, намерений, общих черт. Второе

направление называют «сообществом интересов», в основе такого сообщества лежит хорошо отлаженная коммуникация. Современные исследователи отмечают, что процесс социального взаимодействия в сообществах смещается в сторону коммуникации, сообщество перестает быть локальным, так как локация теряет привязку к конкретному месту. Ведущими признаками сообщества, его «клеем» становятся идея, смысл и действие [Ореховская 2020].

С. Келлер предложила изучать соседские сообщества на основе базисных элементов: люди, места, система взаимодействий, идентичность и символы [Keller 1968]. В соседских сообществах признак территориальности, общности проживания является одним из определяющих, а также значимых для деятельности организаций территориального общественного самоуправления (далее – ТОС). Такие организации создаются целенаправленно, имеют устав, могут быть зарегистрированы в органе местного самоуправления, намного реже ТОС регистрируются в качестве юридического лица. Небольшие по размеру ТОСы, включающие в свой состав от нескольких десятков до нескольких сотен человек, по нашему мнению, можно отнести к городским соседским сообществам [Полтавская, Кондрашина 2023]. ТОС можно рассматривать как одну из форм территориальной интеграции граждан [Медведева, Фролова, Рогач 2023]. Основная цель ТОС заключается в повышении качества жизни местных жителей, участие в общественной жизни, объединение соседей и создание благоприятной городской среды.

Идея развития местных сообществ связана с практикой community organizing – самоорганизацией населения в локальные самоуправляемые сообщества [Robinson, Green 2011]. В основе местного сообщества, по нашему мнению, лежит сеть горизонтальных социальных связей и отношений, возникающих в процессе ценностно-активного отношения к территории своего проживания [Демчук 2019]. Идея горизонтальных социальных связей лежит в основе концепции социального капитала. В данном исследовании социальный капитал рассматривается в рамках ресурсного подхода через призму «социальных групп, коллективно вырабатывающих и воспроизводящих формальные и неформальные институты, способствующие коллективным успехам, а сам социальный капитал предстает как ресурс, воплощенный в людях и проявляемый в характеристиках отдельных индивидов, но создаваемый и используемый только коллективными действиями» [Аникин (ред.) 2022, 6].

Индикаторами измерения социального капитала в исследованиях могут выступать: членство в группах и сетях [Coleman 1988], доверие и солидарность [Fukuyama 1997], коллективные действия и сотрудничество [Ostrom web], информация и коммуникация [Lee 2020], расширение возможностей и проактивное поведение [Глухова 2024] и др.

В нашем исследовании социальные практики местных сообществ, описание и анализ которых выполнен с помощью качественного метода экспертных интервью, являются теми «кирпичиками», основой для формирования социального капитала местных сообществ.

Обсуждение и результаты

Соседские сообщества в городах можно представить как экосистему, которая создается с целью вовлечения проживающих на территории жителей в совместные дела, чтобы объединять и заинтересовывать. Выше мы отмечали, что местное сообщество представляет собой более широкое понятие, чем соседское сообщество. Местное сообщество может состоять из людей, которые объединяются не столько через физическую близость проживания на одной территории, сколько через интересы, цели, профессиональные связи или общие ценности. Такие сообщества могут охватывать гораздо более крупные географические территории и, как правило, менее зависимы от общих жизненных обстоятельств. В этом случае сама идея сообщества может базироваться на общих проектах, увлечениях или идеалах, что формирует уникальные связи, не соотнесенные с соседством.

Соседские сообщества связаны общими жизненными обстоятельствами и складываются из людей, которые живут рядом друг с другом. Соседские сообщества в городах исследователи рассматривают как экосистему, объединяющую и вовлекающую проживаю-

щих на территории жителей в совместные дела. Учеными отмечено, что у таких социальных категорий, как пенсионеры, инвалиды, матери с маленькими детьми и др., запрос на создание и поддержание соседских отношений выше, чем у других [Howley, Neill, Atkinson 2015]. Это объясняется их недостаточной мобильностью, ориентированностью на внутренние ресурсы сообщества, повышенной потребностью в общении и контактах с соседями.

Накопление и формирование социального капитала сообществ происходит посредством разнообразных социальных практик, которые укрепляют связи между людьми. Далее мы рассмотрим социальные практики, связанные с волонтерством, проведением совместных мероприятий и благоустройством территории, формированием групп по интересам.

Особенностью Волгограда является наличие значительного массива частного сектора. Многие соседские сообщества функционируют на территории частного сектора. Эксперты отмечали:

> Особенность Волгограда в том, что много частного сектора. Это означает наличие дистанции между соседями, требуется знакомство друг с другом. В пятнадцати-двадцати километрах от центра Волгограда, например, есть такие поселки Горная Поляна в Советском районе и Отрада на Лавровой в Кировском (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Первые попытки что-то сделать для сообщества связаны с переездом на данную территорию активных людей:

> Когда я вышла замуж и переехала в частный сектор, начала жить в своём доме. И вокруг вижу, что очень много что надо сделать. Я ждала несколько лет и поняла, что меня никто никуда не зовёт. Это значит – как будто бы всех все устраивает <...>, и я начала вот эти первые скромные шаги: звать соседей. А давайте мы соберемся и уберем территорию (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Похожую историю рассказал и другой эксперт. Активные члены сообществ, проявляя свои лидерские качества, свою активную позицию, запускали процесс самоорганизации, становясь его ядром. Вокруг таких людей формировались как неформальные организации, так и юридически регистрировались и создавались некоммерческие организации, например ТОС:

> Я поняла, что мне надо самой становиться вот этим самым добровольцем и звать за собой других <...>. А позже уже и ТОС создали (эксперт 11, жен., 65 лет, руководитель ТОС).

Первые попытки волонтерских практик в местном сообществе начинались с «малых дел», как правило, с благоустройства территории. И рекрутировались соседи традиционным методом через личное общение и личный пример:

> Лет десять-пятнадцать назад это выглядело так, потому что соцсетей тогда не было и это был личный разговор с соседями: Здравствуйте, меня зовут так-то и так-то. Я хочу убраться. Вы мне поможете? Пыталась найти единомышленников, уговаривала – давайте выйдем хотя бы несколько человек, соберём мусор, зажжём костёр и будет чище. Многие отказывались, но были и те, кто соглашался. Это были первые наши дела. Они самые простые – убрать территорию (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).
>
> На первые стихийные субботники пришло совсем немного. Пришло пять человек: я, мой муж, мой ребёнок, моя свекровь и, наверное, сосед. Ну один-два человека помимо близких и семьи (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

От грамотно выстроенной коммуникации внутри сообщества и за его пределами, с традиционными СМИ (газеты, новостные порталы), от продвижения информации о происходящей деятельности зависит и возможность расширения и привлечения новых членов:

> Мы тогда уже делали фотографии, причем очень красивые фотографии, и этот субботник мы так красиво сфотографировали, так увлекательно написали об этом: там вот у нас костер, люди, полезные дела. Я позвонила в местную газету и говорю корреспонденту: а у нас тут событие – субботник. Написали маленькую заметку с фотографией. И вот с этого все началось (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Для сообществ «со стажем», например для жителей ТОС на Горной Поляне, субботники как форма совместной деятельности по благоустройству территории стали привычным делом:

Ну с тех пор субботники стали регулярными. Мы просто не можем оставить все так, выходим, прибираем. Это уже само собой разумеющееся. И собираются побольше человек (эксперт 6, жен., 52 года, активист местного сообщества Волгограда).

Однако только своими ресурсами местное соседское сообщество не может обойтись даже при проведении субботника, особенно масштабного. Возникает необходимость в привлечении дополнительных средств:

Иногда мы привлекаем на это средства. Например, когда хочется облагородить заросшую бурьяном территорию, сделать это своими руками не получится, нужны ресурсы, своих не хватит. Понадобится дробилка, другой инструмент. И я приглашаю человека с бензопилой, дробилкой, а это средства (эксперт 7, муж., 69 лет, руководитель ТОС).

В настоящее время, как отмечают эксперты, широко распространены проектные практики, которые осваивают как формальные (например, ТОСы), так и неформальные организации (инициативные группы) некоммерческого сектора. Найти конкурсы или гранты для подачи своего проекта стало проще, таких площадок стало больше, чем десять-пятнадцать лет назад. Хорошо продуманный бюджет проекта позволяет приобрести инновационные инструменты, которые можно использовать для благоустройства территории:

Все-таки найти конкурсы сегодня проще, их довольно много. Например, когда частью проекта является благоустройство, то можно приобрести инструменты. Например, снегоуборочную машину можно приобрести, или вот такой инструмент, который сдувает листья. И можно будет не грести целый час, а сделать за десять минут прочистку какой-то аллеи (эксперт 10, жен., 45 лет, руководитель НКО).

В любом сообществе не обойтись без социального контроля – поощрения тех его членов, кто помогает сообществу, и порицания негативных, разрушающих сообщество деструктивных процессов. Например, после благоустройства общей территории или общественных пространств находятся те, кто целенаправленно бросает мусор, разрушает установленные лавочки, тренажеры, спортивные площадки и другие элементы инфраструктуры сообщества. Члены сообщества по-разному реагируют на вандальные практики. Постепенно формируются неписанные правила поведения, связанные с использованием благоустроенной территории:

Конечно, так бывает, что ощущаешь, что это какой-то Сизифов труд. Я вот делаю-делаю, а людям все равно, они продолжают мусорить. Вроде все благоустроено, а люди на следующий день вываливают мусор. Становится неприятно. Как тут не перегореть. Знаю примеры, когда люди отступали, закрывали свой ТОС, например (эксперт 6, жен., 52 года, активист местного сообщества Волгограда).

Однако многое зависит от принятых в сообществе правил, например, не замалчивать такие практики вандализма или нарушения принятых в сообществе норм, а проговаривать их, обсуждать в общих чатах или на форумах:

Для меня здесь главное – не промолчать Я вот увидела эти бумажки, я их фотографирую. И в чате пишу: мы вчера прибрали, стало так красиво! Посмотрите, как было, а сегодня вот так. Ведь кто-то же кинул. Если вы уберете за собой, будет правильно. Я вот к невидимым этим людям обращаюсь. И даже если они не прочтут, мы про это поговорили. Иногда кто-то приберет за них, иногда это все лежит до следующего субботника. Но мы все это проговариваем, и так легче жить (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Местные сообщества Волгограда имеют опыт работы с молодежью и подростками, которые выступали как в роли «разрушителей», так и «созидателей»:

Были у нас и неприятные случаи. Мы благоустраиваем родники у себя на Горной Поляне. Например, у одного родника есть крыша. Детям любопытно, они отодрали кусок жести, заглянули туда, чтобы проверить, что там внутри. Но обратно приколотить у них уже нет ни инструментов, ни сил, ни возможности, ни ума. И это все ложится опять на наши плечи. И я ищу соседей, кто понимает, чем нужно прикручивать эти жестяные листы. И это большой труд. Но дети не идеальны, взрослые не идеальны. Все из семьи. И это всегда аванс обществу. Мы делаем чисто, и хочется, чтобы поддерживали (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Чтобы дети были заинтересованы в нашем экологическом проекте по благоустройству родников на Горной Поляне, мы решили их привлечь. Договорились в местной школе, что ребята возьмут на себя роль помощников – будут ежемесячно из-

мерять скорость течения воды и температуру в Школьном роднике. Купили термометры, выделили емкости для замера. Объяснили, как нужно замерять. Ребята с удовольствие откликнулись, почувствовали свою важность. Сами стали приходить на родник. И мусор бросать, что-то ломать в зоне своей ответственности им уже не хотелось (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Чтобы объединить вокруг себя единомышленников и сформировать устойчивое сообщество, необходимо знать их потенциал, ресурсы, которыми они располагают, интересы. Как отмечали эксперты:

В идеале хорошо бы составить социальный паспорт территории, однако полноценного исследования пока не проводилось (эксперт 10, жен., 45 лет, руководитель НКО).

Но со временем о людях, составляющих сообщество, лидеры местных сообществ и руководители ТОС накапливают информацию, понимая, что помимо территории проживания, людей объединяют общие интересы. И волонтерские практики внутри сообщества часто проявляются на основе общих интересов:

Люди сами обнаруживаются. Я тогда поняла, что если я зацикливаюсь на одной теме, у меня будет мало волонтеров, а если тем много, но мы все про одну территорию, то и волонтеров много, и они в разные моменты подключаются (эксперт 2, жен., 47 лет, руководитель НКО).

Схожие моменты отмечали и другие эксперты:

Если все время звать на одинаковые события: “Мы идем убираться! Мы идем убираться!”, – то приходят одни и те же, кому идея откликнулась. А другие не придут. А если звать волонтерить на другие события, например, мы устраиваем соседский спортивный турнир. Я говорю: Мне нужны в жюри судьи по футболу, по теннису. И вдруг появляются соседи, которым интересен спорт. Они волонтерят, помогают натянуть волейбольную сетку. И я вижу этих людей, они активные, но они не про уборку, а про спорт (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Потом следующая, какая-то другая тема возникает, скажем, юридическая. Например, мы понимаем, что нужно писать в Облкомприроды, чтобы доступ к роднику не перекрыли. И тут подключилась пара человек с юридическим образование. Они говорят: я, пожалуй, вам подскажу (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Когда мы делали что-то для кошечек и собачек, решили, что надо где-то их выгуливать, какую-то площадку делать, вдруг собачники и кошатники появились и говорят: Если вы это будете делать, то мы и соревнования поддержим (эксперт 6, жен., 52 года, активист местного сообщества Волгограда).

Однако, как отмечают эксперты, чтобы понять потенциал и интересы членов своего сообщества, нужно время:

Но для этого нужны годы, пока нащупаешь. Кто в сообществе про что, кто когда откликается (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Многие инициативы и проекты местных сообществ могут быть реализованы только на основе безвозмездного вклада со стороны членов сообщества. Именно добровольческие практики, практики волонтерства и служения, часто бескорыстного, лежат в основе совместных дел. Эксперты отмечают, что волонтерские практики расширяют интересы и взаимодействия членов сообщества:

Волонтерство учит тому, что твоя жизнь не замкнулась на «работа – дом, работа – дом». Что может быть что-то еще. И если ты не успеваешь, или в детстве не успел посетить те кружки, которые тебе хотелось, то у тебя есть целая жизнь впереди (эксперт 11, жен., 44 года, руководитель НКО).

Активные члены местного сообщества «примеряют» на себя новые роли, вступая во взаимодействие с представителями бизнеса, органами власти, соседями и другими группами. Члены местного сообщества приобретают и развивают навыки и умения кооперации и сотрудничества, разрешения конфликтных ситуаций. В то же время среди членов сообщества формируется чувство ответственности и солидарности.

Многие местные соседские сообщества имеют чаты или группы в социальных сетях и мессенджерах. Современные технологии позволяют использовать и внедрять в практику сообществ новые форматы рекрутинга волонтеров, привлекать внимание к оказанию помощи конкретным людям:

Например, я наблюдаю, как работают такие форматы для привлечения внимания к проблеме, как статус в мессенджере. Выкладываешь статус «человеку нужна помощь». И своими глазами наблюдаешь, как люди реагируют: я могу подвезти, я

могу прийти, а вот я могу сопроводить (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

При этом социальные сети и мессенджеры позволяют «расширить» соседское сообщество до местного сообщества, включить в коммуникацию незнакомых людей. При оказании помощи конкретному человеку могут объединяться совсем незнакомые люди. Похожие тенденции проявлялись и при организации проведения праздника «День поселка Добрая Отрада», который прошел в сентябре 2024 года. Помимо соседского сообщества, составляющего основу потенциала для мероприятия, откликнулись заинтересованные жители из других улиц, кварталов и районов Волгограда. Для проведения праздника аккумулировали профессиональные навыки в краеведении и истории, танцевальные, вокальные и другие:

В конце сентября 2024 г. мы проводили два мероприятия в нашем сообществе – субботник накануне и праздник «День поселка Добрая Отрада». Были задействованы как местные жители, так и другие откликнулись. Мы сотрудничали с представителями Никитского православного храма, с местной детской библиотекой, местная администрация нас поддержала. Откликнулись и профессионалы – краевед из Кировского района выступила на мероприятии с исторической информацией, работник из районного музея также рассказала интересные факты, показала фотографии. Откликнулись также серебряные волонтеры, волонтеры из вуза, приехали бывшие жители Отрады, которые в настоящее время проживают в другом месте (эксперт 11, жен., 44 года, руководитель НКО).

Площадками для знакомства жителей с целью дальнейшего укрепления и расширения соседского сообщества могут выступать, например, библиотеки и клубы. Так, активисты сообщества поселка Отрада в Волгограде после проведения праздника Дня поселка осенью 2024 г. продолжили расширение и укрепление соседских связей, проведя в здании местной библиотеки рождественско-святочный праздник. В построение добрососедских отношений были вовлечены сотрудники библиотеки, представители местного сообщества, приглашенные гости из разных районов Волгограда.

В случае с сообществом в поселке Отрада был задействован еще один ресурс – потенциал местного бизнеса и социального предпринимательства. На территории поселка расположен частный пансионат для пожилых людей, руководитель которого откликнулась на инициативы местного сообщества, сама вошла в состав активистов сообщества:

У меня как у социального предпринимателя и как руководителя НКО был совместный проект с ТОСом из Советского района Волгограда. Была организована работа дневного центра по профилактике деменции на базе моего пансионата. Этот проект стал возможен только при поддержке соседского сообщества. То, что делает социальный бизнес, невозможно осуществить без содействия местного сообщества. Была разработана специальная методическая книга, по которой занимались старшие для профилактики деменции (эксперт 14, жен., 47 лет, руководитель НКО и социальный предприниматель).

Этот же эксперт отметила важность выстраивания горизонтальных связей в местном сообществе, то есть налаживание конструктивного взаимодействия. Причем форматы таких взаимодействий различные, есть нехватка знаний о процессах коммуникации и запрос на обучение таким навыкам:

Да, выстраивание горизонтальных связей – эта один из самых важных моментов. И этому нужно учить, потому что это разные формы и форматы взаимодействия (эксперт 14, жен., 47 лет, руководитель НКО и социальный предприниматель).

Руководители НКО и руководители ТОС отметили, что они периодически обучаются на курсах или стажировках, пополняют свои знания руководства организацией, учатся лидерству. Например, были отмечены различные стажировки, организованные по инициативе частных фондов или местной администрации:

Стажировка рассматривалась как обмен опытом. Не только показать наше, но и тут же получить живой отклик от коллег, которые дают свои комментарии, приносят свое видение в то, что они видят на нашей территории. Это позволяет получить новые идеи для развития практики, что-то подсмотреть у коллег, скорректировать у себя (эксперт 3, жен., 46 лет, руководитель НКО).

Мы привозили на стажировку не для того, чтобы показать парадный и глянцевый Волгоград, не

показать лучшие практики. А привезли в далекий район города-миллионника, где частный сектор, не очень развита инфраструктура, а есть та самая полевая жизнь, правда, которую можно увидеть, как она есть (эксперт 1, жен., 43 года, руководитель ТОС).

Таким образом, сообщества инициируют акторы, которые проявляют свои лидерские качества, запускают процесс самоорганизации сообщества, образуют формальные организации и неформальные инициативные группы. Важную роль для сообщества играют грамотно организованная коммуникация, например наличие соседских чатов в мессенджерах, регулярное их ведение, а также освещение деятельности сообществ в местных СМИ. Члены сообщества привлекают разнообразные ресурсы для решения местных проблем, например собирают личные средства для аренды инструмента для проведения субботника или используют проектные практики – создают проект для грантового конкурса, в бюджет которого закладывают покупку инструментов. Социальный контроль членов сообщества проявляется, например, совместной реакцией на вандальные действия. Члены местного сообщества не замалчивают, а проговаривают такие события, например, в местном чате, осуждают и порицают такие действия, совместно устраняют поломки и разрушения. В качестве превентивных мер ведут работу с подростками и молодежью, включая их как непосредственных участников, например экологических проектов, поручая им выполнение ряда измерительных работ. Накапливая информацию об интересах и потенциале членов сообщества, активисты местных сообществ и руководители НКО дифференцируют волонтерский потенциал сообществ. Например, задействуют потенциал разных членов сообщества для проведения мероприятий, требующих экспертных знаний в области спорта, юриспруденции, образования и т. п. Важным для местного сообщества является умение выстраивать горизонтальные связи для конструктивного взаимодействия.

Заключение

В Волгограде часть территории города представлена частным сектором, для которого характерно наличие дистанции между соседями, что требует дополнительных усилий для знакомства друг с другом. Сообщества появляются и самоорганизуются во многом благодаря личностному фактору – на территории сообщества появляется актор, который запускает процесс самоорганизации сообщества, ищет единомышленников, объединяет их вокруг себя. Иногда это приводит к созданию формальных некоммерческих организаций, например ТОС, или остается на уровне инициативных групп.

Привлекать новых членов в сообщество помогает грамотная коммуникация. Так, увлекательно написанная статья в местных СМИ пробуждает интерес к сообществу, его делам и событиям. В Кировском районе в одном из мессенджеров создана группа «Активные Кировчане», которая объединяет активистов, живущих или работающих в Кировском районе Волгограда. Членов этой группы около двадцати человек, в ней ведется регулярное освещение анонсов событий, проводимых в районе, участники делятся ценной информацией, просят о волонтерской помощи, приглашают на мероприятия.

Социальные практики местных сообществ способствуют созданию и укреплению социальных связей между членами сообщества, что позволяет формировать и накапливать социальный капитал. Чем больше членов сообщества вовлечены в совместные мероприятия, тем интенсивнее они взаимодействуют. О сформированности социального капитала местного сообщества можно судить по: а) наличию на территории сообществ, созданных НКО, например зарегистрированных ТОСов, ассоциаций, инициативных групп, реализующих проекты по улучшению качества жизни сообществ; б) по проведенным мероприятиям, укрепляющим связи между членами сообщества и закладывающим нормы взаимопомощи.

Регулярные встречи и конструктивное взаимодействие, распространение и тиражирование успешных практик, например проектных или волонтерских, способствует формированию общих норм и ценностей, которые помогают укрепить социальный капитал местных сообществ. Участвуя в совместных мероприятиях и действиях, члены местного сообщества создают общее понимание ситу-

ации, формируют общие ожидания, способствующие более тесному сотрудничеству. Распространение и тиражирование успешных социальных практик местных сообществ создает и укрепляет социальный капитал, делает сообщество способным к действиям, то есть более жизнеспособным. Наличие социального капитала, в свою очередь, упрощает организацию и реализацию социальных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин (ред.) 2022 – *Аникин В.А. (ред.).* Обзорное исследование социального капитала в контексте улучшения человека. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022.

Бабинцев 2016 – *Бабинцев В.П.* Проблемы консолидации местных сообществ // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 46–65. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.396

Баженов 2023 – *Баженов Е.Н.* Местные сообщества как основа сохранения культурного многообразия современной России: подходы к исследованию // Коммуникология. 2023. Т. 11, № 4. С. 148–160. DOI: 10.21453/2311-3065-2023-11-4-148-160

Буланова 2023 – *Буланова М.А.* Взаимодействие органов местного самоуправления с городским сообществом Хабаровска: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 111–124. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-102-1-111-124

Бурдье 2002 – *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

Глухова 2024 – *Глухова М.И.* Проактивность и нетворкинг как современные формы реализации социального капитала // Путеводитель предпринимателя. 2024. № 17 (2). С. 64–68. DOI: 10.24182/2073-9885-2024-17-2-64-68

Глухова, Кольба, Соколов 2021 – *Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В.* Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 239–252. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252

Гужавина 2019 – *Гужавина Т.А.* Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 1 (25). С. 37–54. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6268

Демчук 2019 – *Демчук Н.В.* Местное сообщество: интерпретация понятия // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2 (41). С. 111–121. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-12012

Добрякова 2001 – *Добрякова М.С.* Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма и теории глобализации // Социология: 4М. 2001. № 13. С. 27–59.

Киселева 2008 – *Киселева А.М.* Системная характеристика местного сообщества // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10, № 2 (41). С. 288–294.

Лебедева 2022 – *Лебедева Е.В.* «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 1. С. 44–66. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

Медведева, Фролова, Рогач 2021 – *Медведева Н.В., Фролова Е.В., Рогач О.В.* Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5

Ореховская 2020 – *Ореховская Е.В.* Направления трансформации локальности в постиндустриализме для сообществ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 12. С. 199–202. DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.29

Осоргин 2018 – *Осоргин К.С.* Понятия «место» и «местное сообщество»: подходы к интерпретации // Географический вестник. 2018. № 1 (44). С. 83–89. DOI: 10.17072/2079-7877-2018-1-83-89

Павлов 2016 – *Павлов А.В.* Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46–57.

Пильщиков 2022 – *Пильщиков А.К.* Опыт Севильи по созданию «умных сообществ» и их вовлечению в процессы управления городом // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 3 (40). С. 12–21. DOI: 10.22394/2304-3385-2022-3-12-29

Полтавская, Кондрашина 2023 – *Полтавская М.Б., Кондрашина И.Б.* Соседские сообщества в современном городе: опыт работы ТОС Волгограда // Современные социогуманитарные технологии, традиции и инновации: сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф., Уфа, 16–23 ноября 2023 г. Уфа: Уфим. ун-т науки и технологий, 2023. С. 190–193.

Радаев 2003 – *Радаев В.В.* Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России. 2003. № 4. С. 89–119.

Словарь русского языка 1999 – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С-Я. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

Тыканова, Шевцова, Желнина 2024 – *Тыканова Е., Шевцова И., Желнина А.* Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 2. С. 90–119. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-90-119

Уханова 2022 – *Уханова Ю.В.* Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие. Вологда: Вологод. науч. центр РАН, 2022.

Харченко 2024 – *Харченко К.В.* Перспективы цифровизации экономического и социального взаимодействия в интересах местных сообществ // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 8 (133). С. 120–124. DOI: 10.24158/pep.2024.8.15

Чернега 2020 – *Чернега А.А.* «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 51–77. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3

Шомина, Кузнецов 2020 – *Шомина Е.С., Кузнецов С.А.* Сообщество – соседство – добрососедство: теория и практика реализации концепции // Градостроительное право. 2020. № 2. С. 44–48.

Шохрина, Медведева 2023 – *Шохрина М.С., Медведева Н.В.* Механизмы взаимодействия органов муниципальной власти с местным сообществом в малых городах // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 1 (146). С. 160–168. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-160-168

Bourdieu 1986 – *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N. Y.: Greenwood, 1986. P. 241–258.

Coleman 1988 – *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

Fukuyama 1997 – *Fukuyama F.* Social Capital (The Tanner Lectures on Human Values). Salt Lake City: University of Utah Press, 1997.

Howley, Neill, Atkinson 2015 – *Howley P., Neill S.O., Atkinson R.G.* Who Needs Good Neighbors? // Environment and Planning A: Economy and Space. 2015. № 47 (4), pp. 939-956. DOI: https://doi.org/10.1068/a140214p

Keller 1968 – *Keller S.* The Urban Neighborhood: A Sociological Perspective. 1968. Vol. 33. N. Y.: Random House.

Lee 2020 – *Lee J.* Bonding and Bridging Social Capital and Their Associations with Self-Evaluated Community Resilience: A Comparative Study of East Asia // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2020. Vol. 30, № 1. P. 31–44.

Leverentz, Pittman, Skinnon, 2018 – *Leverentz A., Pittman A., Skinnon J.* Place and Perception: Constructions of Community and Safety across Neighborhoods and Residents // City & Community. 2018. № 17 (4). P. 972–995. DOI: 10.1111/cico.12350

Lin 2001 – *Lin N.* Social Capital: A Theory of Social Structure and Action Cambridge. N. Y.: Cambridge University Press, 2001.

Lin 2008 – *Lin N.* A Network Theory of Social Capital // The Handbook of Social Capital. N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 50–69.

Ostrom 2009 – *Ostrom E.* Collective Action Theory // Oxford Handbook of Comparative Poliltcs, 2009. P. 186–208. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566020.003.0008

Putnam 2000 – *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y.: Simon & Schuster, 2000.

Robinson, Green 2011 – *Robinson J., Green G.P.* Introduction to Community Development: Theory, Practice, and Service-Learning. Los Angeles: SAGE, 2011.

REFERENCES

Anikin V.A. (ed.), 2022. *An Overview Study of Social Capital in the Context of Human Betterment.* Moscow, Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki».

Babintsev V.P., 2016. Problems of Consolidation of Local Communities. *Vestnik Instituta sociologii*, no. 2 (17). pp. 46-65. DOI 10.19181/vis.2016. 17.2.396

Bazhenov E.N., 2023. Local Communities as the Basis for Preserving the Cultural Diversity of Modern Russia: Methodological Approaches. *Kommunikologiya*, vol. 11, no. 4, pp. 148-160. DOI: 10.21453/2311-3065-2023-11-4-148-160

Bulanova M.A., 2023. Interaction of the Local Governments with the City Community of Khabarovsk: Sociological Analysis. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*, no. 1 (102), pp. 111-124. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-102-1-111-124

Bourdieu P., 2002. Forms of Capital. *Ekonomicheskaja sociologija*, vol. 3, no. 5, pp. 60-74.

Glukhova M.I., 2024. Proactivity and Networking as Modern Forms of Social Capital Realization. *Putevoditel predprinimatelja*, no. 17 (2), pp. 64-68. DOI: 10.24182/2073-9885-2024-17-2-64-68

Gluhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V., 2021. Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (Case Study of Russia's Large Regional Centers). *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki*, vol. 19, no. 2, pp. 239-252. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252

Guzhavina T.A., 2019. Civic Engagement as an Externality of Social Capital. *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika*, vol. 7, no. 1 (25), pp. 37-54. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6268

Demchuk N.V., 2019. Local Community: Interpretation of the Concept. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*, iss. 2 (41), pp. 111-121. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-1202

Dobryakova M.S., 2001. Studies of Local Communities in the Context of Positivism, Subjectivism and the Theory of Globalization. *Sociologija: 4M*, no. 13, pp. 27-59.

Kiseleva A.M., 2008. System Characteristics of the Local Community. *Lichnost. Kultura. Obshhestvo*, vol. 10, no. 2 (41), pp. 288-294.

Lebedeva E.V., 2022. "Right to the City": Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (By the Example of Minsk). *Vestnik Instituta sotziologii*, vol. 13, no. 1, pp. 44-66. DOI: 10.19181/ vis.2022.13.1.775

Medvedeva N.V., Frolova E.V., Rogach O.V., 2021. Territorial Public Self-Government and Local government: Interaction and Prospects for Partnership. *Sociologicheskie issledovanija*, no. 10, pp. 72-82. DOI 10.31857/S013216250015275-5

Orekhovskaya E.V., 2020. Trends of the Transformation of Locality for Communities in Post-Industrialism. *Sovremennaja nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie*, no. 12, pp. 199-202. DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.29

Osorgin K.S., 2018. Concepts "Place" and "Local Community": Approaches to Interpretation. *Geograficheskij vestnik*, no. 1 (44), pp. 83-89. DOI: 10.17072/2079-7877-2018-1-83-89

Pavlov A.V., 2016. Local City Communities in Social Networks: Between "Neighbor" and "Civil" Communication. *Labirint. Zhurnal socialno-gumanitarnyh issledovanij*, no. 5, pp. 46-57.

Pilshchikov A.K., 2022. Seville Practice of "Smart Communities" and Their Involvement in City Management. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie*, no. 3, pp. 12-21. DOI: 10.22394/2304-3385-2022-3-12-29

Poltavskaya M.B., Kondrashina I.B., 2023. Neighborhood Communities in a Modern City: Experience of Volgograd Territorial Public Self-Government. *Sovremennyye sotsiogumanitarnyye tekhnologii, traditsii i innovatsii: Sb. mater. Vseross. nauch.-praktich. konf, Ufa, 16–23 noyabrya 2023 g*. Ufa, Ufim. un-t nauki i tekhnologiy, pp. 190-193.

Radaev V.V., 2003. Conventional and Innovative Practices in the Activities of the Russian Middle Class. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 89-119.

Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols. Vol. 4. S-Ya, 1999. Moscow, Rus. yaz. Publ.; Poligrafresursy Publ.

Tykanova E., Shevtsova I., Zhelnina A., 2024. Alliances Between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 23, no. 2, pp. 90-119. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-90-119

Ukhanova Yu.V., 2022. *Civil Participation of the Territorial Community: Theoretical Foundations and Practical Development*. Vologda, Vologod. nauch. tsentr RAN.

Kharchenko K.V., 2024. Digital Tools for Sustainable Economic Development of Local Communities. *Obshhestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 8 (133), pp. 120-124. DOI: 10.24158/pep. 2024.8.15

Chernega A.A., 2020. "The Power of Local Communities": Practices, Mechanisms and Models of Resident's Participation in Sociocultural Development of Territories (On the Materials of Small Towns and Villages in the Vologda Region). *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, vol. 23, no. 3, pp. 51-77. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3

Shomina E.S., Kuznetsov S.A., 2020. Community – Neighborhood – Good Neighborliness: Concept Implementation Theory and Practice. *Gradostroitelnoe pravo*, no. 2, pp. 44-48.

Shokhrina M.S., Medvedeva N.V., 2023. Mechanisms of Interaction Between Municipal Authorities and the Local Community in Small Towns. *Socialnaja politika i sociologija*, vol. 22, no. 1 (146), pp. 160-168. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-160-168

Bourdieu P., 1986. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, Greenwood, pp. 241-258.

Coleman J.S., 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. 95-120.

Fukuyama F., 1997. *Social Capital (The Tanner Lectures on Human Values)*. Salt Lake City, University of Utah Press.

Howley P., Neill S.O., Atkinson R.G., 2015. Who Needs Good Neighbors? *Environment and Planning A: Economy and Space*, no. 47 (4), pp. 939-956. DOI: https://doi.org/10.1068/a140214p

Keller S., 1968. *The Urban Neighborhood: A Sociological Perspective*, vol. 33. New York, Random House.

Lee J., 2020. Bonding and Bridging Social Capital and Their Associations with Self-Evaluated Community Resilience: A Comparative Study of East Asia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, vol. 30, no. 1, pp. 31-44.

Leverentz A., Pittman A., Skinnon J., 2018. Place and Perception: Constructions of Community and Safety Across Neighborhoods and Residents. *City & Community*, no. 17 (4), pp. 972-995. DOI: 10.1111/cico.12350

Lin N., 2001. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action Cambridge*. New York, Cambridge University Press.

Lin N., 2008. A Network Theory of Social Capital. *The Handbook of Social Capital*. Oxford, New York, Oxford University Press, pp. 50-69.

Ostrom E., 2009. Collective Action Theory. *Oxford Handbook of Comparative Politics*, pp. 186-208. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566020.003.0008

Putnam R.D., 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster.

Robinson J., Green G.P., 2011. *Introduction to Community Development: Theory, Practice, and Service-Learning*. Los Angeles, SAGE.

Information About the Authors

Mariya B. Poltavskaya, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, poltavskaya@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7275-626X

Irina B. Kondrashina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Director of the Fund for the Promotion of Territories and Communities "Vysota", Nikolaya Lyubimova St, 13, 400069 Volgograd, Russian Federation, tos_v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-1679-2002

Inna A. Bublikova, Master's Student, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Director of the ANO "Center for Support of Social and Cultural Initiatives 'SO-Praktik' ", Katalpovy Lane, 4, 400021 Volgograd, Russian Federation, sopraktik34@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-7014-2469

Информация об авторах

Мария Борисовна Полтавская, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, poltavskaya@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7275-626X

Ирина Борисовна Кондрашина, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; директор Фонда содействия развитию территорий и сообществ «Высота», ул. Николая Любимова, 13, 400069 г. Волгоград, Российская Федерация, tos_v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-1679-2002

Инна Анатольевна Бубликова, магистрант кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; директор АНО «Центр поддержки социальных и культурных инициатив "СО-Практик"», пер. Катальповый, 4, 400021 г. Волгоград, Российская Федерация, sopraktik34@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-7014-2469

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.6

UDC 316.334.3
LBC 60.5

Submitted: 03.06.2024
Accepted: 12.02.2025

YOUTH RECRUITMENT INTO DIGITAL CIVIL ACTIVITY: FROM NEEDS TO ENGAGEMENT TECHNOLOGIES [1]

Sofya B. Abramova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Natalya L. Antonova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article argues that the expansion of information and communication technologies in the people's life world determines the vector of development of civil society and forms a new type of modern person – a digital citizen. The digital environment contributes to the mobilization of the young generation as a subject of social development. The article discusses technologies for engagement of young people in digital civic activism from the perspective of identifying needs (external: goals-values associated with wealth and prestige; internal: goals-values associated with a sense of community, personal growth, and help) underlying the motives for participation. Based on the theory of needs by E.L. Desi and R.M. Ryan, the authors substantiate the position on the priority of internal goals-values and recruitment technologies based on them in activism. Based on an all-Russian survey of experts (n = 32, targeted selection, 2023) and a survey of youth in the Sverdlovsk region aged 14–25 years (n = 1150, quota selection, 2022), an author's typology of technologies for engagement in digital activism is proposed. The typology includes 8 technologies focused on the internal and external goals of the individual: ideological, declarative, captivating, transformative, infrastructural, communicative, bonus, and trend. The ratio of the positions of experts and youth is shown, and an assessment of the key characteristics of each technology is given. Problem areas and barriers to youth participation in digital civic projects are identified, taking into account different needs, on the basis of which experts' recommendations for overcoming them are structured. The study noted the priority attention of experts and youth to motives related to internal goals, the importance of the needs for autonomy, competence, and interaction with people in the system of motivation, and the engagement of youth in civic activism.

Key words: engagement, digital activism, needs, youth, recruitment, motivation of participation.

Citation. Abramova S.B., Antonova N.L. Youth Recruitment into Digital Civil Activity: From Needs to Engagement Technologies. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 62-76. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.6

УДК 316.334.3
ББК 60.5

Дата поступления статьи: 03.06.2024
Дата принятия статьи: 12.02.2025

РЕКРУТИНГ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ: ОТ ПОТРЕБНОСТЕЙ К ТЕХНОЛОГИЯМ ВОВЛЕЧЕНИЯ [1]

Софья Борисовна Абрамова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Наталья Леонидовна Антонова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В работе утверждается, что экспансия информационно-коммуникационных технологий в жизненный мир людей определяет вектор развития гражданского общества и формирует новый тип совре-

© Абрамова С.Б., Антонова Н.Л., 2025

менного человека – цифрового гражданина. Цифровая среда способствует мобилизации молодого поколения как субъекта общественного развития. В статье рассматриваются технологии вовлечения молодежи в цифровой гражданский активизм с позиции выявления потребностей (внешних: цели-ценности, связанные с богатством, престижем; внутренних: цели-ценности, соотнесенные с чувством общности, личностного роста, помощи), лежащих в основе мотивов участия. В соответствии с теорией потребностей Э.Л. Деси и Р.М. Райана авторами обосновывается положение о приоритетности внутренних целей-ценностей и основанных на них технологий рекрутинга в активизм. На базе всероссийского опроса экспертов (n = 32, целевой отбор, 2023) и опроса молодежи Свердловской области в возрасте 14–25 лет (n = 1150, квотный отбор, 2022) предлагается авторская типология технологий вовлечения в цифровой активизм. Типология включает 8 технологий, ориентированных на внутренние и внешние цели личности: идейные, заявительные, увлекающие, преобразующие, инфраструктурные, коммуникативные, бонусные и трендовые. Показывается соотношение позиций экспертов и молодежи, дается оценка ключевых характеристик каждой технологии. Выделяются проблемные зоны и барьеры участия молодежи в цифровых гражданских проектах с учетом разных потребностей, на основании чего структурируются рекомендации экспертов по их преодолению. В ходе исследования отмечено приоритетное внимание экспертов и молодежи к мотивам, связанным с внутренними целями, значимость потребностей в автономии, компетентности и взаимодействии с людьми в системе мотивации и вовлечения молодежи в гражданский активизм.

Ключевые слова: вовлечение, цифровой активизм, потребности, молодежь, рекрутинг, мотивация участия.

Цитирование. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Рекрутинг молодежи в цифровой гражданский активизм: от потребностей к технологиям вовлечения // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 62–76. – DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.6

Введение

Жизнь человека в современных общественных системах, по утверждению Э. Гидденса, является в наивысшей степени организованной и упорядоченной [Гидденс 2005]. Развитие новых информационно-коммуникационных технологий становится в некотором роде вызовом, который нарушает привычную жизнедеятельность и требует не только освоения технических новаций, но и вовлечения граждан в различные виды активностей с использованием интернет-среды. Для цифрового поколения – молодежи – партисипация в цифровое пространство становится очевидной практикой. По данным Mediascope, в апреле 2022 г. Интернетом в России пользовалось 80 % населения старше 12 лет; при этом в среднем молодежь в возрасте от 18 до 24 лет проводит в Интернете 5 часов 45 минут [Ачкасова web].

Вместе с этим современное жизнеустройство в условиях цифровизации актуализирует проблематику утверждения молодого поколения как субъекта функционирования и развития гражданского общества. Опираясь на идеи А. Чадвик и К. Мэй [Chadwick, May 2003], можно говорить о том, что в гражданском обществе партисипаторная модель участия наиболее привлекательна, поскольку государство принимает конкретных индивидов и группы в качестве активного субъекта, от которого зависит принятие решений. Интернет с его возможностями становится «точкой сбора» молодежи, готовой отстаивать свою субъектность и влиять на повестку дня.

По аналогии с положениями политического электронного участия, предложенного Я. Теохарисом [Teocharis 2015], можно выделить три основных вектора заявления и продвижения гражданской позиции: универсальные формы (электронные петиции), гибридные формы (онлайн-участие и оффлайн-практики активности), типичные формы (лайки, репост, комментарии). Однако, несмотря на открывшиеся возможности, молодое поколение не торопится использовать потенциал цифрового гражданского активизма. Так, Г.У. Солдатова с коллегами выявила, что участником цифрового активизма является только каждый пятый представитель молодежи [Солдатова, Чигарькова, Илюхина 2021, 227].

Полагаем, что современному обществу необходим цифровой гражданский активизм, способствующий мобилизации людей для решения вопросов, касающихся развития гражданского общества, с одной стороны, а с другой – институциональным агентам требуется

наращивание организационной работы по мобилизационным действиям для раскрытия потенциала людей, в том числе и в цифровой среде. Эти процессы имеют тесную связь, поскольку, по сути, обеспечивают социальные перемены и формируют ответственность людей за свое будущее. Наше исследование призвано преодолеть существующие сегодня лакуны в области технологий привлечения молодежи в цифровой гражданский активизм.

Теоретический контекст

Современные исследователи активно включают в сферу своих научных интересов проблематику цифрового гражданского активизма. Экспансия цифровых технологий в повседневный мир людей определяет и вектор развития гражданского общества. Цифровой гражданин становится новым типом современного человека, а цифровой гражданский активизм – формой вовлечения людей в практики взаимодействия общества и государства.

Опираясь на анализ научной литературы, Е.О. Смолева и А.В. Попов предложили концептуальные рамки гражданского участия, к которым относятся добровольные коллективные действия, цель которых оказание влияния на власть, кооперация с другими гражданами и структурами гражданского общества, повышение осведомленности, при этом действия реализуются в ходе коммуникации с другими гражданами и социальными институтами, а в качестве результата действий предполагается решение социальной проблемы, удовлетворение общественных интересов [Смолева, Попов 2022, 157]. Информационно-коммуникационные технологии расширяют возможности граждан и выступают условием становления субъектности индивидов и групп, появились виды гражданской деятельности, полностью реализуемые в Интернете, однако при полном отождествлении интернет-активизма с формализованными платформами теряется неформальная и делиберативная коммуникация в интернет-среде.

Возможно, ограничения, которые несут в себе институциональные образования в интернет-среде, становятся причиной скептицизма молодого поколения. Исследование Е.В. Бродовской с коллегами показало, что российская молодежь демонстрирует позитивные установки в отношении гражданской активности, которые касаются цифрового волонтерства, и выражает недоверие к политической онлайн-активности; при этом наиболее активной частью молодежи выступают студенты, находящиеся в общественном пространстве вузов [Бродовская и др., 2019, 94].

Вместе с этим мы разделяем позицию исследователей [Логинова, Щебланова 2019], утверждающих, что в эпоху цифровизации развитие форм гражданской активности с использованием интернет-технологий представляется социально эффективным инструментом заявления гражданской позиции, влияния на повестку и решение социально-значимых вопросов. В целом, понимая под цифровым гражданским активизмом совокупность социальных действий и взаимодействий граждан с использованием новых информационно-коммуникативных технологий, реализующих гражданскую позицию и нацеленных на решение актуальных проблем, считаем, что он способствует утверждению гражданской идентичности и становится маркером динамики общества [Антонова, Абрамова, Полякова 2020].

Вопрос о вовлечении молодого поколения в цифровой гражданский активизм может быть рассмотрен в русле теорий потребностей. Согласно А.В. Меренкову, движущим фактором совершенствования человека является потребность в постоянном развитии, которая оформляется в качестве ведущей на основе активной деятельности тех индивидов, которые ищут в окружающем мире варианты улучшения различных сторон как собственной жизнедеятельности, так и других людей [Меренков 2003, 88]. Следует отметить, что, несмотря на «работающие» классические концепции теории потребностей (А. Маслоу, Д. МакКлелланд, Ф. Герцберг), в социогуманитарном знании появились и находят практическое применение новые интересные идеи, раскрывающие потребностно-мотивационную структуру деятельности индивидов и групп. В этом ряду для нашего исследования особый интерес представляет разработка Э.Л. Деси и Р.М. Райана, по заявлению которых основой мотивации деятельности становятся три группы базовых потребностей: в автономии, в компетентности и во взаимодействии с людьми

[Ryan, Deci 1995; Ryan, Deci 2000]. Т. Гордеева, раскрывая сущность каждой из потребностей, отмечает: потребность в автономии позволяет индивиду ощущать себя инициатором собственной жизни; потребность в компетентности реализуется через стремление быть эффективным и справляться с выдвинутыми задачами; потребность во взаимодействии – это желание иметь прочные связи с людьми, быть принятым и понятым [Гордеева 2010].

Дальнейшее развитие теория нашла в концепции содержания целей, которую предложили Т. Кассер и Р. Райан [Kasser, Ryan 1996]. Авторы выделили внешние (цели-ценности, связанные с богатством, престижем и т. п.) и внутренние цели (цели-ценности, связанные с чувством общности, личностного роста, помощи и т. п.). Люди, ориентированные на внешние цели, оказываются в зоне риска: их благополучие меньше, чем у ориентированных на внутренние цели.

В нашем исследовании на основе данных теорий мы определили группы потребностей, которые могут быть реализованы в цифровом гражданском активизме молодежи. Мы исходим из того, что молодое поколение может реализовать внешние и внутренние цели, при этом последние более предпочтительны, поскольку отвечают за субъективное благополучие человека. К внешним целям отнесем потребности молодежи в получении материальных благ, престижа, вознаграждения, одобрения, влияния и власти, выполнение долга, а также избежание чувства вины, которые и выступают мотивами вовлечения в цифровой гражданский активизм. К внутренним целям отнесем, во-первых, потребность в автономии (участие в принятии решений, волеизъявление, личностный рост, творчество, развитие лидерских качеств, продвижение своих идей, самореализация, избежание чувства зависимости и беспомощности); потребность в компетентности (наличие обратной связи, эффективность активности, обучение, владение цифровыми навыками, повышение самооценки); потребность во взаимодействии (чувство общности, аффилиация (присоединение), общение, утверждение идентичности, приобретение социального опыта, развитие сообщества, знакомство с новыми людьми, эмпатия, толерантность, избежание скуки и однообразия общения).

Методология и эмпирическая база

Целью исследования стало выделение технологий вовлечения молодежи в цифровой гражданский активизм на основании потребностей, задействованных в ходе рекрутинга. Для достижения поставленной цели выдвигались следующие задачи. Во-первых, построить типологию технологий рекрутирования на основании экспертных интервью. Во-вторых, провести триангуляцию полученных моделей с использованием данных опроса молодежи. В-третьих, составить рекомендации по развитию цифровой партисипации молодежи на основе мнений экспертов о способах преодоления барьеров онлайн-участия молодежи через активизацию и удовлетворение потребностей.

Основой статьи выступает авторское исследование с использованием полиметодической стратегии. Во-первых, в мае – июле 2023 г. проведена серия из 32 интервью с экспертами, включенными в процесс цифровой партисипации молодежи. В качестве информантов, репрезентирующих модель изменения «сверху вниз», привлечены 16 экспертов в области цифровизации, представители структур, обеспечивающих взаимодействие граждан с органами власти, политологи, представители молодежных направлений партий и др. Также 16 экспертов репрезентировали модель изменения «снизу вверх»: гражданские активисты в различных сферах (спорт, молодежные фестивали, образование и др.), представители молодежных организаций и движений, активисты гражданских площадок в Интернет. Территориальный охват включает по 4 эксперта из 8 федеральных округов Российской Федерации (см. таблицу).

Во-вторых, в августе – сентябре 2022 г. проведен стандартизированный опрос молодежи Свердловской области. Всего опрошено 1 150 человек методом онлайн-опроса и раздаточного анкетирования учащейся молодежи. Для построения выборочной совокупности был осуществлен квотный отбор по следующим категориям: пол, возраст, род занятости и тип населенного пункта. Среди опрошенных 43 % составили респонденты мужского пола, 57 % – женского пола. Возрастные сегменты выборки: 14–17 лет (45 %), 18–22 года

Характеристики процитированных экспертов

Код	Федеральный округ	Пол	Возраст
Активизм сверху вниз			
Э1	Центральный	Мужской	24
Э2	Центральный	Женский	25
Э3	Северо-западный	Мужской	23
Э4	Северо-западный	Мужской	28
Э5	Южный	Женщина	34
Э6	Уральский	Женский	45
Э7	Дальневосточный	Женский	27
Э8	Северокавказский	Мужской	27
Активизм снизу вверх			
Э9	Центральный	Мужской	31
Э10	Центральный	Женский	28
Э11	Северо-западный	Женский	29
Э12	Северо-западный	Мужской	26
Э13	Приволжский	Мужской	27
Э14	Уральский	Женский	25
Э15	Уральский	Мужской	38
Э16	Сибирский	Мужской	32
Э17	Северокавказский	Женский	22
Э18	Северокавказский	Женский	26

(44 %), 23–25 лет (11 %). По роду занятости структура опрошенных распределена следующим образом: школьники 8–11-х классов – 14 %, учащиеся учреждений начального профессионального образования – 4 %, учащиеся учреждений среднего профессионального образования – 34 %, студенты высших учебных заведений – 38 %, работающая молодежь – 10 %. Территориальная структура выборки определена жителями Екатеринбурга (мегаполис, 61 %), больших, средних (10 %) и малых городов Свердловской области (29 %). Основным ограничением исследования выступает охват молодежи одного региона. Все информанты и респонденты были проинформированы о целях интервью и дали согласие на сотрудничество на условиях конфиденциальности.

Результаты исследования

Типологизация технологий вовлечения молодежи на основании анализа экспертного мнения позволила выделить 8 основных стратегий рекрутинга. Из них 6 мы относим к опирающимся на внутренние цели-ценности: потребности в автономии лежат в основе личностно-проявительной / заявительной и увлекающей технологий, потребности в компетентности определяют преобразующие и инфраструктурные технологии, потребности во взаимодействии с людьми связаны с коммуникативными технологиями; наконец, идейные / ценностные технологии затрагивают все внутренние цели. На реализацию внешних целей-ценностей молодежи ориентированы 2 технологии рекрутинга в гражданский активизм: трендовые и бонусные. В этой структурной последовательности далее рассмотрим технологии вовлечения молодежи в цифровой активизм.

Идейные / ценностные технологии рекрутирования

Данная технология опирается на систему ценностей и идеологические контексты, распространенные у целевой аудитории, тем самым активно задействуя внутренний мир, ценности и цели человека. При этом технология работает как двунаправленная: учитывает интересы молодежи, не имеющие прямого отношения к гражданскому активизму, и, напротив, активизирует ценности, связанные с патриотизмом, самореализацией, социальной ответственностью и др. Значимость последних сегодня возрастает: возможность приносить пользу своему народу и обществу через активное участие в общественной жизни входит в топ-3 ценностных ориентиров молодежи [Ценности молодежи web].

По мнению экспертов, с потребностями в автономии соотносятся следующие аспекты. Первый – это подчеркивание выбора, который совершается человеком. Важно, что сам выбор может быть осуществлен как ранее, и человек выбирает проект согласно уже сформированным ценностным рамкам, так и в момент знакомства с проектом, когда человек сталкивается с социальной проблемой и делает выбор:

Может ли он пройти мимо или нет, может ли примириться (Э5). Выбирает по таким критериям, как близость идеи и ценности проектов (Э2).

Второй аспект связан с тем, что потребности в автономии реализуются через заявление возможности расширить свой ценностный мир, открыть новые ракурсы.

Молодежь часто проявляет больший энтузиазм и открытость к новым идеям (Э18).

Если выделять потребность в компетентности, то экспертная оценка связана с приоритетностью ценностного выбора в сравнении с другими мотивами. Происходит четкое противопоставление ценностной мотивации всем остальным мотивам участия.

У нас 2 пути мотивирования: либо идеология и понимание того, что это важно реально для общества, либо мотивирование материальными благами. Конечно, должен быть какой-то идеологический момент (Э16).

Это довольно искусственная, условная дихотомия (или даже антиномия), которой эксперты не видят в реальных практиках, но через которую пытаются показать обязательность ценностной мотивации для некоего «истинного, правильного» гражданского активизма. Любое участие в гражданской акции должно исходить из сознательного, вдумчивого выбора, ассоциироваться с ответственностью за свои решения. В этой же плоскости лежит водораздел между пришедшими в активизм по своей инициативе и попавшими в проект на формальных или принудительных условиях.

Либо это единицы, которые реально молодцы и реально за это ратуют, либо это вот люди, которых палочной системой загнали участвовать (Э16).

Потребности во взаимодействии с людьми также активно подчеркиваются в ценностных технологиях. Во-первых, происходит опора на лидеров общественного мнения, чьи ценности разделяют потенциальные участники.

Классно, когда есть амбассадоры проекта, которые соответствуют твоим ценностям, мы в целом живем в эпоху блогеров, всяких опинион-лидеров, на которых ориентируемся (Э10).

Во-вторых, используется акцентирование на сопричастности участников социально значимому, вовлеченность в нечто важное, поскольку:

Все активности всегда про это, про участие в чем-то большом, важном (Э5).

Наконец, эксперты указывают на способность и интерес молодежи к нравственным размышлениям и диалогам.

Они размышляют на достаточно высоком уровне. Но мы живем в обществе, где нам уже 30 лет твердят о том, что главное – ты сам, и им надо сейчас переосмысливать (Э16).

Как относится молодежь к инструментам ценностных технологий рекрутирования? 73,7 % молодых респондентов называют личный интерес главным побудителем к участию в проекте. Чем старше возраст, тем более значим этот фактор: среди 14–17-летних на него ориентированы 68,7 %, среди 18–22-летних – 76,3 %, а в группе 23–25-летних – 84,3 %. Однако рассуждая о том, что человеку дает участие в гражданских проектах, только 19,4 % указывают на выполнение гражданского и нравственного долга, 40 % – на удовлетворение от возможности помогать людям. Предполагаем, что это значимый момент: выбор проекта осуществляется в соответствии с интересами, но они, скорее, имеют не ценностное основание, а направлены на получение различных социальных благ, как мы увидим далее.

Далее технологии вовлечения, основанные на потребности в автономии, мы условно разделили на два направления. Увлекающие технологии в большей мере акцентированы на реализации потребности в интересной, насыщенной, творческой жизни, а заявительные –

на проявление своей позиции, самостоятельности, решительности.

Личностно-проявительные / заявительные технологии рекрутинга

Пожалуй, квинтэссенцией этой технологии является фраза:

Сейчас все хотят высказаться (Э7).

Этот запрос молодежи может иметь различные уровни и интенсивность, но именно цифровой гражданский активизм может открывать такую возможность, а следовательно, заявлять о ней необходимо на этапе вовлечения.

Однако за этим запросом в выражении своего мнения стоит довольно сложная мотивационная ситуация. Эксперты несколько поразному видят ее, показывают разные форматы как самого запроса, так и его реализации в активизме. В одном аспекте делается акцент на культуре соучастия, идее партнерства, равенства, когда молодежь испытывает потребность в признании себя равным субъектом-участником социальных и политических процессов и решений и молодежные онлайн-проекты дают ей такую возможность. Эксперты заявляют, что такая модель заставляет включать в обсуждение ранее исключенные из гражданского участия категории (детей, подростков, инвалидов и пр.).

Молодежь безумно интересует соучастие, она устала в образовательных учреждениях от того, что у них нет права выбора, нет собственного слова. Молодежь приходит, чтобы быть наравне (Э13).

В другом контексте более значимым оказывается запрос на сам факт наличия собственной позиции. Эксперт несколько иронично рассуждает, что истоки этой позиции могут иметь заимствованный характер, но здесь принципиально ее отстаивание.

Зацепить молодежь непросто, всем необходимо высказать свою позицию и стоять за ней (Э5).

Еще одно мнение связано с потребностью в самопрезентации, когда даже размер аудитории не имеет значения, поскольку определяющим является сам факт публичного высказывания своего мнения. Если поверхностность, категоричность и демонстративность признаются в качестве типичных характеристик общественного мнения молодежи [Руденкин 2021], то эксперты по цифровому активизму видят гипертрофированное проявление этих свойств.

Буквально каждый второй записывает видео со своим мнением вообще по любому вопросу. Скорее, это погоня за популярностью, часть самопрезентации, даже если они не будут иметь веса (Э14).

Каждый четвертый респондент в опросе молодежи при выборе проекта предпочтет тот, где четко реализуются потребность в автономии – где ему дадут возможность подробно высказать свое мнение, предложить свою идею, дать совет. Половина опрошенных полагает, что участие в гражданской активности должно давать возможность самореализации и продвижения своих идей. При этом 35,9 % считают, что в онлайн-проектах высказать свое мнение проще, чем в оффлайн-формате. Однако следует отметить, что в отношении социально-значимых вопросов только 15,9 % опрошенных уже выражали свое мнение в социальных сетях, пабликах, новостных сайтах.

Увлекающие технологии рекрутинга

Необходимо разделить увлекающие технологии на обеспечивающие интерес молодежи к содержательной составляющей проекта и к его технико-визуальному наполнению.

Эксперты уверены, что проект должен вызывать интерес с точки зрения содержания (целей, смыслов). Безусловно, содержательная часть проекта связана с ценностями, но здесь информанты стремятся подчеркнуть и другие аспекты – актуальность, современность («продвинутость»), динамичность, интерактивность, креативность и т. п.

Молодежь в поисках двух вещей: правильные интересные тусовки и справедливость (Э13).

Это выводит на понятие «драйва», который подчеркивает эмоциональную, быструю реакцию, побуждающую к действию. Проект

как «*ощущение драйва*» (Э16) связан с высокой энергетикой, экстремальностью, чувством удовольствия, изменчивостью мира, что заставляет участников находиться в постоянной вовлеченности и проявлять высокую отдачу. Поэтому лучшая «зацепка» в проект – это «*интересный кейс для решения*» (Э8), который станет и логической задачей, и ассоциативной загадкой, и интеллектуальным усилием, и торжеством открытия.

С точки зрения увлекательности в инструментальном аспекте, инициаторы гражданских проектов все больше внимания уделяют геймификации и визуализации.

Должна быть на уровне приложений предусмотрена геймификация, это проверенная штука, которая всегда работает (Э5).

Эксперты видят успешные примеры геймификации и высоко оценивают перспективность этого инструмента:

Это должно работать, я отталкиваюсь от опыта крупных организаций, например СберОбразования. Нужно просто эти подходы перенести из этих приложений в те, которые по гражданскому активизму (Э9).

Не меньшее значение придается и визуализации. Ощутимое сокращение вербальных текстов и увеличение степени визуализации контента стало базовой тенденцией развития журналистики и интернет-коммуникации. Визуальная форма материала позволяет не только лаконично фиксировать, быстро воспроизводить и тиражировать информацию, но и снимает усталость от чтения, заостряет внимание, повышает включенность, эмоционально воздействует, позволяет применять небанальные приемы.

Чтобы привлечь молодежь к цифровому активизму, можно использовать яркую и запоминающуюся визуальную стилистику, интерактивные форматы (Э18).

Эксперты определяют четыре ключевые задачи, связанные с визуализацией: выделение поста в информационном потоке, повышение уровня доверия пользователей, донесение информации в максимально быстрой и наглядной форме, углубление усвоения транслированных образов и контента.

Важно информацию уметь упаковать, чтобы цепляло. Тут надо суметь перестроиться от классических подач информации, как это делалось 30 лет назад (Э16).

Если вокруг проекта идет активное обсуждение, то этот медийный «шум» способен заинтересовать 23,9 % молодых респондентов. Каждый третий молодой человек хотел бы, чтобы проект превратился в его любимое дело, стал для него хобби.

Следующая потребность – в компетентности – реализуется в гражданской активности через два ключевых аспекта: с одной стороны, через наиболее аутентичную форму – решение социальных проблем, «*спасение мира, особенно там, где власти не справились*» (Э5), с другой – через преодоление барьера технической сложности участия.

Преобразующие технологии рекрутинга

В сложной системе видов деятельности человека социально-преобразующие действия выступают как добровольное посильное участие в улучшении общественных отношений и окружающих условий. Преобразующая составляющая имманентно присуща и цифровой партисипации:

Молодежь часто ориентирована на решение актуальных проблем (Э7).

Эксперты подчеркивают несколько моментов в реализации потребности в компетентности через данную технологию рекрутинга. Прежде всего, это акцент на конкретности проблемы, когда абстрактные, общие фразы неэффективны, а сверхконкретизация, напротив, наиболее понятна и притягательна для потенциальных участников.

Проекты, которые позволяют что-то пофиксить (исправить), устранить несправедливость, быстро получить результат (Э15).

Часто обращение к гражданским инициативам по преобразующей технологии спровоцировано событиями-триггерами. Это может быть одно конкретное событие или комплекс, в собственной жизни или в другом государстве, затрагивающее реальные или экзистенциальные проблемы – но оно становится

особой ситуацией, когда человек входит в практику гражданского активизма.

Молодежь приходит в поисках справедливости, в поисках изменений. Мы видим мусор на улицах, мы идем за справедливостью, сейчас все изменим (Э13).

Проекты с «*быстрыми результатами*» предпочтительнее, поскольку одна из актуальных проблем цифровых инициатив связана со сложностью обратной связи и презентации результатов долгосрочных проектов – аудитория уже переключилась, информационный поток размыл актуальность проекта, и участники, и организаторы остаются с чувством незавершенности и недооценки эффективности проекта.

Не менее важным является фактор доступности информации об уже достигнутых результатах – в рамках текущего или предыдущего проектов. Страница организатора должна содержать реальные отзывы и факты, источники должны быть вызывающими доверие у целевой аудитории проекта, а также учитывать возможности современных технологий по проверке фото, видео и иных материалов: 65 % молодежи проявляют «информационный скептицизм» и перепроверяют вызвавшую подозрение информацию [Щербаков web].

Также важны живые отзывы, реальные результаты, продемонстрированные на странице мероприятия. Никому не хочется впустую тратить свое время (Э12).

Здесь проявляется дуализм базовых черт поколения Z: прагматизм (как расчет соотношения затраченных ресурсов и полученных результатов) и стремление к творческому труду. Эксперты говорят о сочетании:

...возможности активного, творческого участия и реального (в смысле гарантированного. – *С. А., Н. А.*) влияния на ситуацию (Э17). Главное – конечная цель проекта, чтобы у молодежи был стимул чего-то достичь. Достижение результата и превзойти себя (Э3).

Респонденты из опроса молодежи подтверждают значимость потребности в компетентности и, следовательно, показателей преобразующих технологий: 42,7 % выберут проект при условии высокой вероятности реальных изменений в общественной жизни. В дополнение к этому 32,4 % должны на этапе входа в проект испытывать высокое доверие организатору, 29,3 % будут обязательно смотреть информацию о результатах предыдущих акций. Все три показателя значимо возрастают от самой младшей к более старшей категории: достижение реальных изменений очень важно для 36,7 % в группе людей 14–17 лет и для 58,3 % в группе 23–25 лет. Около половины опрошенных считает, что именно стремление улучшить жизнь в городе и стране становится ведущим мотивом для гражданских активистов.

Инфраструктурные технологии рекрутинга

Рассматривать цифровую партисипацию только как саму деятельность по участию в общественной жизни, без учета характеристик внешней инфраструктуры цифровой среды, не представляется возможным. Цифровизация гражданского активизма создала определенную зависимость субъектов-участников от используемых цифровых платформ и их функционала, программного обеспечения, алгоритмов, нейросетей, ботов и пр.

Отсюда экспертами заявляется идея о потребности в легкости включения в цифровые проекты с точки зрения навигации, голосования и т. п. Любые действия человека внутри проекта должны быть максимально простыми, удобными, быстрыми, связанными с привычными манипуляциями в мобильном устройстве и т. д.

Обязательно нужно делать онлайн-форматы участия удобными для смартфонов. Если видео нельзя открыть с телефона нормально, его никто не будет смотреть и не узнает о мероприятии (Э17).

В идеале потенциальный участник должен «соскальзывать» в проект – вроде бы только что увидел информационный пост, а уже участвует в проекте.

Если откликается, ты в эту же минуту можешь получить всю информацию о проекте и уже приступить к действиям (Э12).

Несмотря на возрастающий уровень цифровой грамотности населения и высокие показатели в молодежной когорте, 18,7 % опрошенных полагают, что недостаточное владение цифровыми навыками до сих пор может выступать барьером для участия молодых людей в цифровом гражданском активизме. Четверть опрошенной молодежи выбрали бы проект, где можно быстро проголосовать, имеется очевидная кнопка для участия, не нужно много писать или говорить. Наличие категории таких «быстрых» участников должно предусматриваться на этапе рекрутинга. Однако необходимо найти и не перейти грань между инфраструктурным удобством и слактивизмом как пассивной формой цифрового гражданского участия.

Далее потребность во взаимодействии определяет значимость коммуникативных технологий вовлечения.

Коммуникативные технологии рекрутирования

Это направление вовлечения связано с тремя ключевыми моментами. Во-первых, оно раскрывается через удовлетворение потребности в общении, приобретении новых знакомств и друзей.

> У многих есть потребность в общении и каких-то социальных связях, если им будет понятна их роль, то возможно люди потянутся чем-то заниматься (Э9).

Во-вторых, одним из наиболее популярных способов информирования о проектах выступает распространение среди своих друзей, размещение в социальных сетях.

> Играет большую роль сарафанное радио, друг репостит новость, говорит, что участвует, призывает подписчиков тоже помочь (Э12).

Если сначала отклики на подобные призывы могут иметь единичный, нерегулярный характер, то с высокой вероятностью в какой-то момент человек проходит одну из так называемых «точек невозврата», когда он обнаруживает вокруг себя множество единомышленников и переходит в категорию постоянных гражданских активистов.

В-третьих, именно онлайн-активизм является наиболее уязвимым с точки зрения критики и буллинга, поскольку любое высказывание и репост сразу становятся общедоступными (мы не берем здесь во внимание анонимные форумы и подобные цифровые площадки). 75 % молодых россиян сталкивались с оскорблениями в свой адрес при общении в Интернете, каждый третий сам иногда оскорбляет собеседников [75 % молодых россиян... web]. Отсюда:

> ...в цифровом активизме важно социальное одобрение, если ты увидел проект у друзей, у лидеров мнения, то ты готов в нем себя проявлять (Э4).

Тем самым обеспечиваются защита себя от потенциального буллинга, формирование гарантированного круга общения и выхода на внешние потребности, поскольку часто одобрение активисткой деятельности со стороны референтных групп и значимых персон в цифровой среде также имеет публичный характер.

44,3 % опрошенной молодежи подтверждает, что участие знакомых и друзей способно стать и для них стимулом вовлечения в проект. Особенно это важно в возрасте 18–22 лет (48,3 %), и уже меньше влияет в 23–25-летней группе (36,2 %). В качестве защитного механизма от публичности 34,1 % обращают внимание на анонимность участия (меньше всего об этом беспокоится самая молодая группа 14–17-летних). Отметим, что прямые просьбы поучаствовать в проекте, поступающие от друзей, даже менее эффективны – на них готовы среагировать 16,2 %. Но если посмотреть на ожидаемую пользу от участия в гражданских активностях, то самый распространенный ответ связан именно с общением с интересными людьми, появлением новых друзей (61 %). Коммуникативная составляющая занимает второе место среди рекрутинговых технологий (после идеологической) по значению для молодежи и первое в рейтинге мотивов участия.

Далее перейдем к характеристике моделей рекрутинга, основанных на реализации внешних целей-ценностей.

Трендовые / мода-ориентированные технологии рекрутирования

Понятие тренда довольно активно входит в современный научный лексикон. Мно-

гоплановость термина не дает возможность его четкого определения в рамках данной статьи, однако обозначим базовый момент. Содержательно тренд фиксирует основное направление движения процесса, общественного мнения на определенном этапе развития. Тренд может выступать как усиливающий ресурс, работающий на личные цели, совпадающие с его направлением [Нейсбит 2003]. Временность и доминантность тренда позволяют дополнить эту технологию понятием моды.

Исходя из этого, эксперты говорят о механизмах рекрутинга, основанных на учете и привлечении наиболее популярных тематических зон, блогеров, брендов и т. п.

Все зависит от неких трендов. Вот до последних событий это была экология, сейчас все репостят и пишут посты о ситуации в стране и мире (Э14).

Зацепить может широкая огласка. Поддержка знаменитых блогеров, кумиров (Э12).

При этом эксперты не отрицают, что вовлечение в трендовые проекты не всегда означает поверхностный популизм и может сопровождаться ценностной убежденностью и целеустремленностью. Однако акцент делается на приоритетности внешнего автора-носителя идеи, к которому присоединяется молодежь.

Сопричастность к тренду. Так бренд экоактивизма стал не просто помощью природе, а неким честным желанием быть сопричастным к помощи миру (Э2).

В свою очередь, формируется и мода на сам гражданский активизм. Половина молодых россиян признают ценностью участие в общественной жизни, волонтерстве и помощи другим людям [Ценности молодежи web].

Да, мода есть. VK-паблик, telegram-канал, YouTube стали трибунами, с которых модно вещать свою точку зрения на решение городских проблем (Э15).

Эксперты неоднозначно относятся к тренду на общественную активность. Они видят в нем скорее инструментальный подход к активизму, использование его в целях реализации других задач, но при этом признают, что социальный эффект может быть значимым именно в силу задействования эффективных каналов распространения постов и роликов.

Во многом в активизм приходят люди, которые ищут популярность, хайп. У человека может быть видеоролик, собравший несколько миллионов просмотров. То есть снял одно видео – и на этом его активизм закончился. Но возможно, кто-то посмотрел и действительно что-то сделал (Э13).

Сама молодежь не признает влияние на нее модных тенденций. Только 18 % заявляют, что поддержат проект при участии в нем значимых персон, 13,1 % ориентированы на проекты с поддержкой от известных блогеров. 10,1 % готовы рассматривать проект, только если у него есть большое количество подписок (участников), лайков, репостов. В свою очередь 7,3 % участников опроса признаются, что готовы использовать гражданские акции в своих интересах, если на них есть возможность «засветиться», обрести популярность, «подняться» на этой теме (преимущественно это самые юные респонденты). Таким образом, в ситуации, когда различными исследовательскими группами выстраиваются рейтинги инфлюенсеров (СМИ, социальных медиа, властных институтов, блогеров и т. д.) с целью выявления их влияния на практики молодежи, сами молодые люди не готовы признавать значимость этого влияния в различных сферах, в том числе и в гражданском активизме.

Бонусные / прагматические технологии рекрутинга

Извлечение из партисипации личной пользы выступает базисом приглашения молодежи в цифровой гражданский активизм. Эксперты практически во всех интервью упоминают необходимость подкрепления других механизмов вовлечения бонусными технологиями. Зачастую именно последние рассматриваются в качестве основных: материальное, финансовое, моральное, символическое и иное стимулирование способно порождать как первоначальный интерес к проекту, так и превращать активизм в устойчивую, повторяющуюся практику.

Популярны развивающие, коммерциализованные, предлагающие различного рода льготы, скидки, премирование, возможности карьерного роста (Э16).

Прагматизм, проявляющийся в преобразующих технологиях как ожидание социально-значимого результата, в этой модели направлен на пользу для себя, получение личностного вознаграждения, развитие индивидуальных траекторий и пр. Материальные бонусы расцениваются экспертами как типичная ситуация вовлечения, ставятся на первое место.

Ты же тратишь свое время, ресурсы, чтобы поучаствовать. Поэтому активизм должен быть чем-то объясним, ты должен оттуда с чем-то выйти, со знанием, опытом (Э10).

Одна из объяснительных моделей связана с тем, что происходит своеобразный переход от абстрактных, метафорических категорий к более конкретному знанию, получаемому человеком в процессе непосредственного опыта. Материальный стимул здесь совершает некое «заземление»: например, от абстрактной идеи развития спорта к получению сертификата на месяц занятий в спортклубе.

Нельзя сказать четко, что молодежь интересуют вопросы экологии или доступность спортивных объектов. В общей части молодежь приходит за вполне простыми житейскими моментами (Э13).

Бонусные технологии могут быть соединены с другими техниками вовлечения: увлекающими («интересные призовые», «интересный опыт»), коммуникативными («оставь отзыв – будет тебе счастье», «привел друга – получи преференции»), заявительными («расширение социальных связей, публичности, узнаваемости, рост численности виртуальных френдов») и др. Современная молодежь прежде всего верит в себя, стремится к счастью, поэтому любой проект должен давать уверенность в поддержке и развитии личностных интересов.

Надо им дать понять, что ты таким образом делаешь себе лучше (Э11).

Символичность бонусов не снижает их значения – они могут создавать ментальные привязки, чувство удовольствия, активизировать воспоминания и пр.

Какие-нибудь розыгрыши, может быть плюшки, которые мы можем дать. Нам не жалко, а кому-то приятно. Такой вот знак, память о мероприятии (Э6).

Различные исследования фиксируют наличие бонусной составляющей в мотивации молодежи, участвующей в общественной активности. 52,8 % наших респондентов полагают, что участие в гражданских инициативах должно давать новый опыт и знания, 47,2 % рассчитывают на полезные знакомства, 31,7 % пошли бы за опытом общественно-политической деятельности, а 25,7 % ждут навыков лидерства. Материальные стимулы (льготы на ЖКХ и проезд в транспорте, скидки на культурный досуг, отгулы на работе) стали бы сами действенными для участия россиян в экоактивизме [Экоактивизм... web], и молодежь меньше остальных возрастных групп готова отказаться от таких бонусов.

Заключение

В целом современные исследования, в том числе результаты данного проекта, убедительно демонстрируют, что реализация базовых потребностей несет выгоды как для индивидов (что связано с повышением субъективного ощущения благополучия), так и для институциональных агентов, которые, используя действующие инструменты по реализации базовых потребностей, привлекают разные группы населения в различные виды и формы социальных действий и взаимодействий, в том числе и в цифровой среде. В последнем случае речь идет о разработке конкретных направлений и мероприятий, ориентированных на своего рода «поддержание» базовых потребностей, которые могут быть удовлетворены в практиках цифровой гражданской активности.

Базовые потребности (автономия, компетентность, взаимосвязь), выделенные Э.Л. Деси и Р.М. Райаном, необходимы для поддержания внутренней мотивации (внутренние целиценности). Так, в исследовании Дж. де Мейер с коллегами было выявлено, что учащиеся, вовлеченные в занятия физической культурой с применением со стороны педагога поддер-

живающей автономии, получают больше удовлетворения и используют инструменты оппозиционного неповиновения значительно реже, чем в случае контролирующей модели проведения урока учителем [De Meyer et al. 2016].

По результатам нашего проекта большинство рекомендаций со стороны экспертного сообщества также касались формирования и развития именно внутренних ценностей-целей молодежи, связанных и реализуемых в цифровой партисипации. Содержательный и количественный перевес этих рекомендаций можно рассматривать как подтверждение нашего тезиса о приоритетности внутренних целей с точки зрения достижения субъективного и социального благополучия молодежи.

Цифровой активизм оказывается эффективным и доступным механизмом реализации внутренних целей при условии преодоления ряда отношенческих, инфраструктурных, технологических, компетентностных и иных барьеров.

Таким образом, современные технологии вовлечения в гражданский активизм представляют собой сложный комплекс взаимообусловленных и дополняющих мероприятий и техник. Идея эффективного рекрутинга предполагает, прежде всего, мотивацию, основанную на достижении внутренних целей. Это создает условие для повторного обращения к гражданскому активизму, поскольку формирует у личности ощущение субъективного благополучия и социальной значимости. Разработанная типология технологий вовлечения и рекомендации по преодолению существующих барьеров участия молодежи могут выступать основой для разработки программ развития гражданского активизма молодежи, усовершенствования практик продвижения гражданских инициатив, использоваться в программах обучения молодежных лидеров и др.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, https://rscf.ru/project/22-28-20265/.

The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265, https://rscf.ru/project/22-28-20265/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

75 % молодых россиян... web – 75 % молодых россиян сталкивались с оскорблениями или грубостью в интернете в свой адрес [НАФИ. 2022] // https://nafi.ru/analytics/75-molodykh-rossiyan-stalkivalis-s-oskorbleniyami-ili-grubostyu-v-internete-v-svoy-adres/

Антонова, Абрамова, Полякова 2020 – *Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В.* Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597

Ачкасова web – *Ачкасова К.* Медиапотребление 2022 [Медиаскоп] // https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf

Бродовская и др. 2019 – *Бродовская Е.В., Домбровская А Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А.* Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической активности в цифровой среде // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 91–95. DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6233

Гидденс 2005 – *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М. : Акад. Проект, 2005.

Гордеева 2010 – *Гордеева Т.* Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования. 2010. Т. 3, № 12. DOI: 10.54359/ps.v3i12.906

Логинова, Щебланова 2019 – *Логинова Л.В., Щебланова В.В.* Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 2. С. 98–108. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9

Меренков 2003 – *Меренков А.В.* Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. горно-геол. акад.: Банк культур. информ., 2003.

Нейсбит 2003 – *Нейсбит Д.* Мегатренды. М.: Издательство АСТ: Ермак, 2003.

Руденкин 2021 – *Руденкин Д.В.* Свойства общественного мнения молодежи в описании наук об обществе: итоги теоретико-методологической ревизии // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-3. С. 103–108. DOI: 10.18411/lj-08-2021-102

Смолева, Попов 2022 – *Смолева Е.О., Попов А.В.* Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.8

Солдатова, Чигарькова, Илюхина 2021 – *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Социокультурные онлайн-практики в молодежной среде: Мы в ответе за цифровой мир. М.: Моск. ин-т психоанализа: Когито-Центр, 2021.

Ценности молодежи web – Ценности молодежи [ВЦИОМ новости] // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi

Щербаков web – Щербаков Р. Фейки, или поиск правды в интернете [НИУ ВШЭ. 2023] // https://issek.hse.ru/news/843101496.html

Экоактивизм web – Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал [ВЦИОМ новости] // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechennost-motivacija-potencial

Chadwick, May 2003 – *Chadwick A., May C.* Interaction Between States and Citizens in the Age of Internet: «E-Government» in the United States, Britain and the European Union // Governance. 2003. Vol. 16, № 2. P. 271–300. DOI: 10.1111/1468-0491.00216

De Meyer et al. 2016 – *De Meyer J., Soenens B., Vansteenkiste M., Aelterman N., Van Petegem S., Haerens L.* Do Students with Different Motives for Physical Education Respond Differently to Autonomy-Supportive and Controlling Teaching? // Psychology of Sport and Exercise. 2016. № 22. P. 72–82. DOI: 10.1016/j.psychsport.2015.06.001

Deci, Ryan 1995 – *Deci E.L., Ryan R.M.* Human Autonomy: The Basis for True Self-Esteem // Efficacy, Agency, and Self-Esteem. N. Y.: Plenum Publishing Co. 1995. P. 31–49.

Kasser, Ryan 1996 – *Kasser T., Ryan R.M.* Further Examining the American Dream: Differential Correlates of Intrinsic and Extrinsic Goals // Personality and Social Psychology Bulletin. 1996. Vol. 22, № 3. P. 280–287. DOI: 10.1177/0146167296223006

Ryan, Deci 2000 – *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. Vol. 55, № 1. P. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68

Teocharis 2015 – *Teocharis Y.* The Conceptualization of Digitality Networked Participation // Social Media + Society. 2015. № 1 (2). DOI: 10.1177/2056305115610140

REFERENCES

75% of Young Russians Have Experienced Insults or Rudeness Addressed to Them on the Internet, 2022. *NAFI*. URL: https://nafi.ru/analytics/75-molodykh-rossiyan-stalkivalis-s-oskorbleniyami-ili-grubostyu-v-internete-v-svoy-adres/

Antonova N.L., Abramova S.B., Polyakova V.V., 2020. The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 3, pp. 443-462. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597

Achkasova K. Media Consumption 2022. *Mediaskop*. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf

Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A., 2019. Readiness of Modern Russian Youth to Implement Civic and Political Activity in the Digital Environment. *Vlast*, vol. 27, no. 1, pp. 91-95. DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6233

Giddens E., 2005. *The Structure of Society: An Essay on Structurizing Theory.* Moscow, Acad. Project Publ.

Gordeeva T., 2010. Self-Determination Theory: Present and Future. Part 1: Problems of Theory Development. *Psihologicheskie issledovanija*, vol. 3, no. 12. DOI: 10.54359/ps.v3i12.906

Loginova L.V., Sheblanova V.V., 2019. Destructive Civic Activity of Young People: Theoretical and Methodological Conceptualization. *Logos et Praxis*, vol. 18, no. 2, pp. 98-108. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9

Merenkov A.V., 2003. *System of Determination of Human Activity*. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. gorno-geol. akad., Bank kultur. inform.

Naisbitt J., 2003. *Megatrends*. Moscow, Izd-vo AST, Ermak Publ.

Rudenkin D.V., 2021. Properties of Youth Public Opinion in the Description of Social Sciences: Results of a Theoretical and Methodological Revision. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija*, vol. 76-3, pp. 103-108. DOI: 10.18411/lj-08-2021-102

Smoleva E.O., Popov A.V., 2022. Digital Civic Participation in the Context of Modern Research. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 15, no. 3, pp. 154-166. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.8

Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N., 2021. *Social and Cultural Online Practices Among Young People: We Are Responsible for the Digital World*. Moscow, Mosk. in-t psikhoanaliza, Kogito-Tsentr.

Youth Values. *VCIOM Novosti*. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi

Shcherbakov R., 2023. Fakes, or Searching for Truth on the Internet. *Higher School of Economics*. URL: https://issek.hse.ru/news/843101496.html

Eco-Activism: Involvement, Motivation, Potential. *VCIOM Novosti*. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechennost-motivacija-potencial

Chadwick A., May C., 2003. Interaction Between States and Citizens in the Age of Internet: "E-Government" in the United States, Britain and the European Union. *Governance*, vol. 16, no. 2, pp. 271-300. DOI: 10.1111/1468-0491.00216

De Meyer J., Soenens B., Vansteenkiste M., Aelterman N., Van Petegem S., Haerens L., 2016. Do Students with Different Motives for Physical Education Respond Differently to Autonomy-Supportive and Controlling Teaching? *Psychology of Sport and Exercise*, vol. 22, pp. 72-82. DOI: 10.1016/j.psychsport.2015.06.001

Deci E.L., Ryan R.M., 1995. Human Autonomy: The Basis for True Self-Esteem. *Efficacy, Agency, and Self-Esteem.* New York, Plenum Publishing Co, pp. 31-49.

Kasser T., Ryan R.M., 1996. Further Examining the American Dream: Differential Correlates of Intrinsic and Extrinsic Goals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 22, no. 3, pp. 280-287. DOI: 10.1177/0146167296223006

Ryan R.M., Deci E.L., 2000. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist, v*ol. 55, no. 1, pp. 68-78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68

Teocharis Y., 2015. The Conceptualization of Digitality Networked Participation. *Social Media + Society*, vol. 1 (2). DOI: 10.1177/2056305115610140

Information About the Authors

Sofya B. Abramova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, s.b.abramova@urfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4010-8406

Natalya L. Antonova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, n.l.antonova@urfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2063-4970

Информация об авторах

Софья Борисовна Абрамова, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, s.b.abramova@urfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4010-8406

Наталья Леонидовна Антонова, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, n.l.antonova@urfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2063-4970

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.7

UDC 316.733
LBC 60.59

Submitted: 27.09.2024
Accepted: 12.02.2025

HISTORICAL MEMORY OF STUDENT YOUTH OF THE HERO CITY (BASED ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD)

Marina Yu. Boldina

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The content of historical memory determines the worldview of a social community; it is a guideline for the interpretation and assessment of contemporary events. Equally dangerous are the dogmatic judgments of historical memory and the amorphousness and blurriness of its images. The purpose of the article is to identify the relationship between military and peaceful symbols in the structure of the historical memory of Volgograd student youth as a manifestation of the specifics of the region with an emphasis on the military past. The methodological basis of the study is the theory of historical memory of J. Assmann. The method of empirical research is focus groups with students of Volgograd state universities (4 focus groups of 15 people, $N = 60$). The attitude of students towards the Soviet and post-Soviet periods in the history of the region has been revealed. The place of the Battle of Stalingrad in the structure of the historical memory of Volgograd students has been determined. Alternative symbols in the content of the historical memory of the region's youth are described. The results of the study may be useful to regional youth policy committees, educational organizations providing patriotic education, and specialists in the field of museum affairs.

Key words: historical memory, hero cities, cities of military glory, Battle of Stalingrad, commemoration, student youth, patriotism.

Citation. Boldina M.Yu. Historical Memory of Student Youth of the Hero City (Based on the Example of Volgograd). *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 77-86. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.7

УДК 316.733
ББК 60.59

Дата поступления статьи: 27.09.2024
Дата принятия статьи: 12.02.2025

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА-ГЕРОЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)

Марина Юрьевна Болдина

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Содержание исторической памяти определяет характер мировоззрения и миропонимания социальной общности, является ориентиром для интерпретации и оценки событий современности. Историческая память может объединять или разобщать разные поколения и социокультурные группы. Одинаково опасны как догматичность и негибкость суждений, формируемых исторической памятью, так и аморфность, размытость ее образов. Цель статьи – выявление соотношения военных и мирных символов в структуре исторической памяти волгоградской студенческой молодежи как проявления специфики региона с акцентуацией военного прошлого. Методологическая основа исследования – теория исторической памяти Я. Ассмана. Метод эмпирического исследования – фокус-группы со студентами волгоградских государственных вузов (4 фокус-группы по 15 человек, $N = 60$). В результате исследования определено место увлечения историей в сфере интересов волгоградской студенческой молодежи. Проведено сопоставление символов и образов региональной и общероссийской истории в структуре исторической памяти молодежи. Выявлено отношение студентов к советскому и постсоветскому периодам в истории региона. Определено место Сталинградской битвы в структуре исторической памяти волгоградского студенчества. Описаны альтернативные

© Болдина М.Ю., 2025

символы в содержании исторической памяти молодежи региона. Результаты исследования могут быть полезны региональным комитетам молодежной политики, образовательным организациям, осуществляющим патриотическое просвещение, специалистам в области музейного дела.

Ключевые слова: историческая память, города-герои, города воинской славы, Сталинградская битва, коммеморация, студенческая молодежь, патриотизм.

Цитирование. Болдина М. Ю. Историческая память студенческой молодежи города-героя (на примере Волгограда) // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 77–86. – DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.1.7

Введение

Историческая память выступает мощным ресурсом формирования мировоззрения, трансмиссии системы ценностей, консолидации населения. Особенно остро вопросы содержания исторической памяти встают в переломные моменты общественного развития, когда различия в оценках отдельных исторических эпох могут расколоть население. В таком случае идеологические конфликты могут возникать между представителями разных поколений, приверженцами разных политических течений, сторонниками разных векторов общественно-политического развития и даже представителями разных этнических групп и религиозных течений.

Однако не менее опасной является ситуация, при которой содержание исторической памяти населения аморфно, неструктурированно, когда отдельные поколения вообще не проявляют интереса к своему прошлому, к историческому и культурному достоянию. В этом случае население с легкостью поддается манипуляциям со стороны заинтересованных акторов, поскольку не способно к рефлексии по поводу информации, поступающей из различных источников: средств массовой информации, от политических деятелей, блогеров и прочих лидеров мнений вплоть до экстремистских провокаторов.

Определенным «культурным иммунитетом» от такой аморфности исторической памяти может обладать население регионов, имеющих в своем историческом прошлом системо- и смыслообразующее событие, вокруг которого формируются региональные мировоззрение и идентичность. Примерами таких регионов можно считать те, в пределах которых находятся города-герои и города воинской славы. Историческая память населения таких городов опирается на обостренное чувство патриотизма и историческую гордость. Но оборотной стороной региональной идентичности становится дефицит мирных символов в структуре исторической памяти, а акцентуация военной символики создает некоторый милитаризированный культурный фон, который не всегда с энтузиазмом воспринимается молодыми поколениями.

Крайне актуален подобный дискурс для города-героя Волгограда, где уже несколько десятилетий продолжается поиск альтернативных невоенных смыслов, способных модернизировать «бренд» города. При этом не угасают дискуссии о месте системообразующего события – Сталинградской битвы – в этом новом образе города. В последние годы вновь обострился вопрос о возможности переименования Волгограда в Сталинград, поднимаемый различными общественными и политическими деятелями. Неоднократно предпринимались попытки инициирования проведения регионального референдума по этому вопросу. Не осталось в стороне от этого вопроса и научное сообщество, на территории региона и за его пределами регулярно проводятся дискуссии социологов, философов, историков, политологов, культурологов по вопросам сохранения и развития культурно-исторического наследия региона, в том числе посредством формирования архетипов исторической памяти. Данная статья вносит определенный вклад в эту дискуссию, раскрывая содержание исторической памяти наиболее инициативной и активной части волгоградской молодежи – волгоградского студенчества.

Концепция исторической памяти в социологии

В современной исследовательской практике можно выделить множество векторов изучения исторической памяти, с некоторы-

ми из них перекликается тема исследования в рамках данной статьи. Прежде всего следует обратить внимание на теоретические основы изучения исторической памяти как социального феномена. По определению М. Хальбвакса, «История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя многих свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» [Хальбвакс web]. О.Б. Леонтьева выделяет различные формы исторической памяти. «Коммуникативная память» отличается от «культурной памяти» тем, что объединяет ныне живущие поколения (не более трех-четырех), тогда как «культурная память» обеспечивает связь современности с давним прошлым. «Мягкая память», по О.Б. Леонтьевой, субъективна, сформирована на основе личного опыта и воспоминаний, а «жесткая» – формируется вокруг «мест памяти», мемориалов, памятных дат [Леонтьева 2011, 8–9]. В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев видят истоки всех возможных форм исторической памяти в памяти семейной, формируемой ближайшим окружением личности, включающей память о поколениях предков, вплоть до третьего-четвертого поколения кровных родственников. Авторы выделяют механизмы, способные институционализировать семейную память, позволить ей стать национальным достоянием (например, движение «Бессмертного полка»). Но, безусловно, решающую роль в процессе институциализации исторической памяти играет государство, имеющее возможность целенаправленными действиями превратить историческую память в публичный культурный и политический ресурс [Тишков, Шабаев 2019].

Рассуждения об исторической памяти в политическом ключе ведутся вокруг концептов «политики памяти» и «исторической политики». Политика памяти рассматривается как деятельность государства по формированию определенных представлений о коллективном прошлом. Инструментами исторической политики являются создание культурной инфраструктуры, регулирование образовательной сферы (особенно содержания курсов истории и законодательное регулирование) [Малинова 2019; Исрапилова 2016].

В западных исследованиях также прослеживается интерес к выявлению связи политики памяти и внешней политики: выявляются механизмы использования (злоупотребления) исторической памяти во внешнеполитических дискурсах, включая применение исторических аналогий, построение исторических нарративов, создание мест памяти, маргинализацию и забвение прошлого [Klymenko, Siddi 2020]. В современных европейских исследованиях политика памяти стала рассматриваться как политический инструмент ультраправых сил, использующих ее в борьбе против космополитических социальных изменений в Европе [Couperus, Tortola, Rensmann 2022].

Еще один вектор исследований связывает историческую память с идентичностью. Западные ученые уделяют особое внимание психологическим механизмам самоидентификации [Zacher 2018], а также влиянию опыта дискриминации на формирование стереотипов коллективной памяти [Oldmeadow, Fiske 2010]. Отечественные также исследователи изучают вопросы возможности конструирования идентичности посредством исторической памяти [Дубровская web; Дробижева 2020].

В контексте данной работы особый интерес представляет региональный аспект изучения исторической памяти. По мнению Е.П. Зимовиной и К.С. Проданцова, богатая история и разнообразный этнический состав определяет специфику видения прошлого жителями региона [Зимовина, Проданцов 2022, 9]. При изучении регионального своеобразия исследователи акцентируют внимание на этническом составе [Полутин и др. 2021; Воденко 2020], размывании региональной идентичности при доминировании общероссийских символов [Головашина web], целенаправленной реализации политики памяти в регионе [Батяев web], военном прошлом в исторической памяти [Новиченко, Сутягина 2016]. В рамках анализа исторической памяти жителей Волгоградской области чаще всего возникают научные дискуссии о коммеморации [Нехамкин, Цыган-

ков, Черногорцева web; Рябов 2017; Болотов, Белицкая 2019] и о переименовании Волгограда в Сталинград [Терехова, Стегленко web].

Исследование исторической памяти, в том числе в региональном ракурсе, является трендовым направлением исследования, о чем свидетельствует интенсивный поток публикаций. Вместе с тем анализ отношения молодежи к военной и мирной символике в структуре исторической памяти в этих публикациях практически не представлен.

Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования использовалась концепция Я. Ассмана, позволившая рассмотреть историческую память в дискурсе памяти культурной через набор символических и вербальных репрезентаций прошлого [Ассман 2004]. Культурная и историческая память как пересекающиеся области памяти коллективной связаны с воспроизводством прошлого через образы, символы, места памяти. Акцентуация в исторической памяти культурной составляющей дала возможность в рамках данного исследования соотнести содержание представлений об исторических событиях и личностях с системой ценностей и социальной мифологией, укоренной в коллективном восприятии молодежи.

Цель статьи – выявление соотношения военных и мирных символов в структуре исторической памяти волгоградской студенческой молодежи как проявления специфики региона с акцентуацией военного прошлого.

В ходе исследования были проверены следующие теоретические допущения:

– интерес к истории не входит в список приоритетных интересов волгоградского студенчества;

– в отношении к отечественной истории интерес студентов к историческим личностям доминирует над интересом к историческим событиям;

– в структуре исторической памяти волгоградского студенчества региональные символы имеют приоритет перед общероссийскими;

– волгоградские студенты выше оценивают современность региона, чем советский период в его развитии;

– волгоградские студенты признают Сталинградскую битву системообразующим символом исторической памяти населения Волгоградской области;

– волгоградские студенты негативно относятся к идее переименования Волгограда в Сталинград;

– волгоградские студенты затрудняются в поиске альтернативных невоенных символов в исторической памяти.

Эмпирическое исследование содержания исторической памяти студенческой молодежи города-героя Волгограда проведено в феврале – марте 2024 г. методом фокус-групп. Выборку составили студенты очной формы обучения бакалавриата государственных вузов Волгограда: Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Волгоградского государственного аграрного университета. Проведено четыре фокус-группы по 15 человек ($N = 60$), две группы объединяли студентов 1–2-х курсов, две группы – студентов 3–4-х курсов различных направлений подготовки. Среди опрошенных 39 девушек и 21 юноша. В иллюстрации выводов качественными данными сохранены стилистика, пунктуация и орфография информантов.

Гайд фокус-групп включал следующие тематические блоки:

– оценка общероссийских исторических событий;

– восприятие советского и постсоветского периодов истории Волгоградской области;

– Сталинградская битва в истории, культуре и менталитете жителей Волгоградской области;

– отношение к идее переименования Волгограда в Сталинград;

– альтернативные культурные и исторические символы Волгоградской области.

При анализе и интерпретации результатов использовался системный подход, позволивший дать комплексную характеристику исторической памяти студенческой молодежи города-героя Волгограда.

Результаты исследования

В рамках фокус-групп была определена сфера интересов и увлечений волгоградского

студенчества. Студенты говорят об интересе к истории лишь при прямом вопросе модератора, тогда как перечень интересов, который формулируют студенты самостоятельно, данной позиции не содержит. Как правило, в группе из 15 человек не более 5–7 участников отмечали интерес к исторической литературе, документам, художественным и документальным фильмам и сериалам. При этом сами студенты ассоциируют интерес к истории с интересом к конкретным личностям или событиям. Кроме того, часто интерес к беллетристике или художественным произведениям, в которых исторические события проходят «фоном», они считают интересом к истории.

Среди интересных для студентов периодов и событий отечественной истории особо выделяются Великая Отечественная война, Отечественная война 1812 г., Первая мировая война, периоды царствования Петра I, Екатерины II:

> Я предпочитаю больше документальные фильмы. Например, мне кажется хорошим документальным фильмом... был советский... если я правильно помню, он называется «Что такое нацизм?» (Модератор: «Обыкновенный фашизм?») Да-да, точно. Он рассказывает об истории Великой Отечественной войны и потом частично описывает Вторую мировую. Ну, в основном, я увлекалась и увлекаюсь историей России... это времена царствования Романовых, XVI–XVIII века и историей Великой отечественной войны (Волгоград, 2024 г., фокус-групповая дискуссия).

Участникам фокус-групп был задан ряд вопросов о том, какие события они считают наиболее значимыми в истории России. В полученном списке лидируют Крещение Руси как событие, определившее вектор всей дальнейшей истории, а также события, сближавшие Россию с Европой в различные исторические периоды: реформы Петра I, Отечественная война 1812 г., и, конечно, Великая Отечественная война, а в некоторых фокус-группах выделялась отдельно Сталинградская битва.

Примечательно, что некоторые периоды участники исследования обозначают через исторические персоналии, что указывает на более оформленный интерес к историческим личностям, чем к событиям.

Говоря об исторических эпохах, которые их привлекают и в которые они хотели бы жить, девушки отмечали, что их привлекают XVIII–XIX вв., прежде всего балами, нарядами, церемониалом, юноши – выделяли рыцарскую эпоху.

Были и нетипичные ответы на вопрос о привлекательной эпохе, в частности названы Древняя Русь и 90-е гг. XX века. Древняя Русь привекает внимание студентов процессом перехода от язычества к христианству, а первые постсоветские годы – развитием теневой экономики. Одна студентка даже сказала, что мечтала бы побыть женой бандита «для интереса».

При этом вне зависимости от того, какую историческую эпоху студенты считают привлекательной, в подавляющем большинстве они хотели бы жить именно в свое время. Прежде всего, это связано с ростом прав и свобод и эмансипацией женщин.

Оценивая описание студентами исторических эпох, личностей и событий, можно сказать, что представления об отечественной и зарубежной истории у данной социальной группы поверхностные, стереотипные, сформированные по большей части массовой культурой. При этом историю региона студенты рассматривают как более значимую для них историю. Высказывания о событиях истории родного края имеют личностную, высокоэмоциональную окраску.

Ожидаемо, наиболее значимым историческим событием Волгоградского региона студенты считают Сталинградскую битву. Анализируя информированность студентов о данном событии, целесообразно отметить различия в группах старших и младших курсов. В группах старших курсов студенты смогли назвать даты начала и окончания Сталинградской битвы, ее длительность, оборонительный и наступательный периоды, командующих и героев Сталинграда. В группах младших курсов информированность ниже, конкретики они не помнят, знают памятные места по городским названиям: Мамаев курган, дом Павлова, мельница Гергардта, но о том, какие конкретно события связаны с этими местами, они не помнят.

В рамках дискуссии в группах о чувствах патриотизма, связанных со Сталинградской

битвой, студентам был задан вопрос об их отношении к возможному переименованию Волгограда в Сталинград. Абсолютно все участники фокус-групп высказались негативно в отношении этой инициативы. Студенты не связывают чувство патриотизма с названием города, кроме того, считают, что возвращение к старому названию «отбросит город назад в своем развитии». Участники фокус-групп в большинстве своем заявили, что чувства патриотизма по отношению к городу и региону они испытывают. При этом на уточняющий вопрос о том, почему многие из них планируют уехать из Волгограда, они ответили, что их планы детерминированы рациональными соображениями, оценка социально-экономических перспектив превалирует над патриотическими чувствами.

На протяжении нескольких десятилетий в среде ученых и общественников продолжается поиск альтернативных Сталинградской битве символов, способных «обновить» образ города, интегрировать население на основе сильных невоенных образов. В рамках фокус-групп студенты предпринимали попытки найти такие символы, но это давалось им с большим трудом:

> «Самое необычное – то, что у нас город длинный», «Подземный трамвай единственный во всем мире», «То, что сейчас облагораживают территорию, у нас обновленная набережная», «“Шайба” ресторан, мне кажется, такого больше нигде нет», «Он сейчас ассоциируется с производством. То, что у нас много заводов: “Тракторный”, “Красный Октябрь”, “Титан-Баррикады”. Тут ассоциация с производством, если его модернизировать, то будет ассоциация с ним, правда, сейчас почти ничего не работает», «Чемпионат мира по футболу», «Можно было бы сказать, что Волга, но Волга очень длинная река, не только в Волгоград, много городов стоит на Волге. “Танцующий” мост – но как-то он так себе символ» (Волгоград, 2024 г., фокус-групповая дискуссия).

Интересно отметить, что возможные символы города, предлагаемые политтехнологами и общественными деятелями: Старая Сарепта и казачество – не были названы студентами в качестве возможных элементов обновленного «бренда» города.

Таким образом, основополагающий пласт исторической и культурной памяти волгоградской студенческой молодежи по-прежнему составляют события Великой Отечественной войны и отдельно Сталинградская битва.

Обсуждение и заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что историческая память волгоградской студенческой молодежи сформирована в процессе социализации. Значительную роль в этом сыграли практики коммеморации: общегородские мероприятия, приуроченные к памятным датам, школьные патриотические акции. Вместе с тем интерес к истории у студентов скорее пассивный, возникающий ситуативно после просмотра сериала или участия в памятном мероприятии, чем активно-деятельностный.

Выявлено, что в структуре исторической памяти студентов события истории региона превалируют перед общероссийскими событиями. С одной стороны, общероссийские события описываются студентами фактологически верно и подробно, тогда как вехи региональной истории студенты называют лишь по памятным местам. С другой стороны, дискуссия о региональных событиях вызывает больший эмоциональный отклик и имеет большую остроту. Возможно, это обстоятельство можно считать спецификой регионов, имеющих в историческом прошлом героические или трагические события Великой Отечественной войны. Схожая ситуация наблюдается, например, в Калининграде, где молодежь хуже знает региональную историю, чем историю России, но события Великой Отечественной войны на территории региона вызывают жаркие споры и эмоциональное напряжение [Зимовина, Проданцов, 2022, 17–18]. При этом иная ситуация складывается в Астрахани, которая, хотя и входила во время войны в состав Сталинградской области, но все же основные военные действия до ее территории не дошли. Здесь Великая Отечественная война воспринимается молодежью как значимое историческое событие, но событие общероссийской истории, наряду с отменой крепостного права и распадом СССР [Романова 2019].

Волгоградские студенты испытывают гордость за советский период в развитии Вол-

гоградской (и Сталинградской) области, прежде всего по поводу военного и трудового героизма жителей региона, а также по поводу успехов в развитии промышленного производства. При этом студенты высоко ценят свободу выбора и широту возможностей, которые предоставляет современность, и считают, что они живут в самое лучшее время. Однако связь с малой родиной у волгоградских студентов довольно слаба, многие из них планируют уехать из Волгограда после окончания вуза. Но они объясняют это не отсутствием патриотизма, а относительно большими возможностями развития в других регионах, по их мнению. Частично указанную тенденцию можно объяснить изменившейся в постсоветское время политикой памяти. В.А. Нехамкин, А.С. Цыганков, Г.В. Черногорцева указывают на то, что с отменой четкой идеологической установки, коммеративные практики стали эклектичными, часто не имеющими единого вектора [Нехамкин, Цыганков, Черногорцева web].

Сталинградская битва как символ героизма и победы играет значимую роль в формировании и сохранении исторической памяти. Однако восприятие этого события вызывает в большей степени чувства и эмоции, чем интерес к углублению в историю родного края. Молодежь имеет определенный опыт участия в патриотических мероприятиях, но часто оценивает его негативно. Кроме того, результаты исследования также косвенно подтверждают низкую эффективность этих мероприятий в части просвещения, студенты не помнят конкретных событий Сталинградской битвы.

Учитывая формы проявления интереса студентов к истории вообще, перспективными направлениями патриотического просвещения могут быть реконструкции, фильмы, сериалы, а также литературные произведения, описывающие дух эпохи, культурную специфику, а также быт и повседневные переживания простых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. слав. культуры, 2004.

Батяев web – *Батяев Р.А.* Историческая память в региональной политике Республики Мордовия [Огарев-online. 2023. № 8] // https://journal.mrsu.ru/arts/istoricheskaya-pamyat-v-regionalnoj-politike-respubliki-mordoviya

Болотов, Белицкая 2019 – *Болотов Н.А., Белицкая М.А.* Актуализация исторической памяти о Сталинградской битве в ходе музейной практики студентов // Военно-исторические аспекты жизни юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Волгоград : Сфера, 2019. С. 226–229.

Воденко 2020 – *Воденко К.В.* Историческая память в институциональном пространстве поликультурного региона // Гуманитарий Юга России. 2020. № 6. С. 148–157.

Головашина web – *Головашина О.В.* Ускользающий объект: изучение региональной исторической памяти в современных российских исследованиях [Studia Humanitatis. 2021. № 4] // https://cyberleninka.ru/article/n/uskolzayuschiy-obekt-izuchenie-regionalnoy-istoricheskoy-pamyati-v-sovremennyh-rossiyskih-issledovaniyah

Дробижева 2020 – *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. Т. 8, № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9

Дубровская web – *Дубровская Е.Ю.* Революция 1917 года и Гражданская война в воспоминаниях жителей Российской Карелии 1930-х – 1950-х гг.: конфликт идентичностей // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 203–222.

Зимовина, Проданцов 2022 – *Зимовина Е.П., Проданцов К.С.* Историческая память населения Калининградской области // Вестник антропологии. 2022. № 2. С. 7–27. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27

Исрапилова 2016 – *Исрапилова З.А.* Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти // Манускрипт. 2016. № 2 (64). С. 70–73.

Леонтьева 2011 – *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011.

Малинова 2019 – *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285–312.

Нехамкин, Цыганков, Черногорцева web – *Нехамкин В.А., Цыганков А.С., Черногорцева Г.В.*

Особенности отечественной исторической памяти и парадоксы коммеморации (социально-философский анализ) на примере судьбы города Волгограда [Гуманитарный вестник. 2019. № 2 (76)] // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otechestvennoy-istoricheskoy-pamyati-i-paradoksy-kommemoratsii-sotsialno-filosofskiy-analiz-na-primere-sudby-goroda

Новиченко, Сутягина 2016 – *Новиченко С.Л., Сутягина Л.Э.* К вопросу сохранения исторической памяти. Мемориальные зоны на рубежах обороны Ленинграда // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4 (12). С. 281–293.

Полутин и др. 2021 – *Полутин С.В., Булавин А.В., Зубов О.Е., Нагаева Т.В.* События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа // Регионология. 2021. Т. 29, № 1. С. 191–215. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215

Романова 2019 – *Романова А.П.* Коллективная память молодого поколения: историко-культурный аспект // Актуальные проблемы современного общества: сб. науч. ст. по материалам Всерос. (нац.) науч. конф. Орел: Модуль-К, 2019. С. 211–216.

Рябов 2017 – *Рябов О.В.* «Родина-мать» в советском дискурсе Сталинградской битвы: военная пропаганда и коммеморация // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 21–34.

Терехова, Стегленко web – *Терехова С.А., Стегленко Е.В.* Волгоград или Сталинград? Споры об имени в контексте Российской политики и исторической памяти [Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 5–6 (46)] // https://cyberleninka.ru/article/n/volgograd-ili-stalingrad-spory-ob-imeni-v-kontekste-rossiyskoy-politiki-i-istoricheskoy-pamyati

Тишков, Шабаев 2019 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4 (40). DOI: 10.19110/1994-5655-2019-4-62-71

Хальбвакс web – *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память [Неприкосновенный запас. 2005. № 2] // https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html

Zacher 2018 – *Zacher H.* Age, Social Identity and Identification, and Work Outcomes: A Conceptual Model, Literature Review, and Future Research Directions // Work, Aging and Retirement. 2018. Vol. 5, iss. 1. P. 24–43. DOI: 10.1093/workar/way005

Couperus, Tortola, Rensmann 2022 – *Couperus S., Tortola P.D., Rensmann L.* Memory Politics of the Far Right in Europe // European Politics and Society. 2022. P. 1–10. DOI: 10.1080/23745118.2022.2058757

Klymenko, Siddi 2020 – *Klymenko L., Siddi M.* Exploring the Link Between Historical Memory and Foreign Policy: An Introduction // International Politics. 2020. Vol. 57. P. 945–953. DOI: 10.1057/s41311-020-00269-x

Oldmeadow, Fiske 2010 – *Oldmeadow J., Fiske S.* Social Status and the Pursuit of Positive Social Identity: Systematic Domains of Intergroup Differentiation and Discrimination for High- and Low-Status Groups // Group Processes & Intergroup Relations. 2010. Vol. 13, iss. 4. P. 425–444. DOI: 10.1177/1368430209355650

REFERENCES

Assman Ya., 2004. *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ.

Batyaev R.A., 2023. Historical Memory in the Regional Politics of the Republic of Mordovia. *Ogarev-online*, no. 8. URL: https://journal.mrsu.ru/arts/istoricheskaya-pamyat-v-regionalnoj-politike-respubliki-mordoviya

Bolotov N.A., Belitskaya M.A., 2019. Updating the Historical Memory of the Battle of Stalingrad During the Museum Practice of Students. *Voenno-istoricheskie aspekty zhizni yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., priurochennoi k 75-i godovshchine Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 godov.* Volgograd, Sfera Publ., pp. 226-229. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41315146_44259164.pdf

Vodenko K.V., 2020. Historical Memory in the Institutional Space of a Multicultural Region. *Gumanitarii Yuga Rossii*, no. 6, pp. 148-157.

Golovashina O.V., 2021. Elusive Object: Study of Regional Historical Memory in Modern Russian Studies. *Studia Humanitatis*, no. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uskolzayuschiy-obekt-izuchenie-regionalnoy-istoricheskoy-pamyati-v-sovremennyh-rossiyskih-issledovaniyah

Drobizheva L.M., 2020. Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 8, no. 8, pp. 37-50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9

Dubrovskaya E.Yu., 2018. Revolution of 1917 and the Civil War in the Memories of Residents of Russian Karelia of the 1930s – 1950s: Conflict of

Identities. *Istoricheskaya pamyat i rossiiskaya identichnost*. Moscow, RAN, pp. 203-222.

Zimovina E.P., Prodantsov K.S., 2022. Historical Memory of the Population of the Kaliningrad Region. *Vestnik antropologii*, no. 2, pp. 7-27. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27

Israpilova Z.A., 2016. Role of Commemorative Practices in the Process of Functioning and Development of Historical Memory. *Manuskript*, no. 2 (64), pp. 70-73.

Leontyeva O.B., 2011. *Historical Memory and Images of the Past in Russian Culture of the 19th and Early 20th Centuries*. Samara.

Malinova O.Yu., 2019. Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics. *Metod*, no. 9, pp. 285-312.

Nekhamkin V.A., Tsygankov A.S., Chernogortseva G.V., 2019. Features of Domestic Historical Memory and Paradoxes of Commemoration (Social and Philosophical Analysis) on the Example of the Fate of the City of Volgograd. *Gumanitarnyi vestnik*, no. 2 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otechestvennoy-istoricheskoy-pamyati-i-paradoksy-kommemoratsii-sotsialno-filosofskiy-analiz-na-primere-sudby-goroda

Novichenko S.L., Sutyagina L.E., 2016. On the Issue of Preserving Historical Memory. Memorial Zones on the Lines of Defense of Leningrad. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 4 (12), pp. 281-293.

Polutin S.V., Bulavin A.V., Zubov O.E., Nagaeva T.V., 2021. Events of the Past in the Historical Memory of Youth of National Regions of the Volga Federal District. *Regionologiya*, vol. 29, no. 1, pp. 191-215. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101. 191-215

Romanova A.P., 2019. Collective Memory of the Younger Generation: Historical and Cultural Aspect. *Aktualnye problemy sovremennogo obshchestva: sb. nauch. st. po materialam Vseros. (nats.) nauch. konf.* Orel, Modul-K Publ., pp. 211-216.

Ryabov O.V., 2017. "Motherland" in the Soviet Discourse of the Battle of Stalingrad: Military Propaganda and Commemoration. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovanii*, no. 1, pp. 21-34.

Terekhova S.A., Steglenko E.V., 2015. Volgograd or Stalingrad? Disputes About the Name in the Context of Russian Politics and Historical Memory. *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*, no. 5-6 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/volgograd-ili-stalingrad-spory-ob-imeni-v-kontekste-rossiyskoy-politiki-i-istoricheskoy-pamyati

Tishkov V.A., Shabaev Yu.P., 2019. Historical Memory: Forms of Preservation, Design and Presentation. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, no. 4 (40). DOI: 10.19110/1994-5655-2019-4-62-71

Khalbvaks M., 2005. Collective and Historical Memory. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html

Zacher H. Age, Social Identity and Identification, and Work Outcomes: A Conceptual Model, Literature Review, and Future Research Directions. *Work, Aging and Retirement*, vol. 5, iss. 1, pp. 24-43. DOI: 10.1093/workar/way005

Couperus S., Tortola P.D., Rensmann L. Memory Politics of the Far Right in Europe. *European Politics and Society*, pp. 1-10. DOI: 10.1080/23745118.2022.2058757

Klymenko L., Siddi M. Exploring the Link Between Historical Memory and Foreign Policy: An Introduction. *International Politics*, vol. 57, pp. 945-953. DOI: 10.1057/s41311-020-00269-x

Oldmeadow J., Fiske S., 2010. Social Status and the Pursuit of Positive Social Identity: Systematic Domains of Intergroup Differentiation and Discrimination for High- and Low-Status Groups. *Group Processes & Intergroup Relations*, vol. 13, iss. 4, pp. 425-444. DOI: 10.1177/1368430209355650

Information About the Author

Marina Yu. Boldina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, boldina-my@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-6506-1176

Информация об авторе

Марина Юрьевна Болдина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, boldina-my@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-6506-1176

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences. The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into "The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses" in the following scientific branches: "Sociological Sciences" (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); "Philosophical Sciences" (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: https://psst.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN *LOGOS ET PRAXIS*

1. The editorial staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website https://psst.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

ISSN 2587-9715
67>